

АВГУСТ

1991

Спутник

ДАЙДЖЕСТ
СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

**СЛЕД РАУЛЯ
ВАЛЛЕНБЕРГА**
(стр. 62)

**СМЕРТЬ КАК
ОБРАЗ ЖИЗНИ**
(стр. 84)

(стр. 112)

**САМЫЕ
СЕВЕРНЫЕ ЛЮДИ**
(стр. 52)

НЕ ХЛЕБОМ
ЕДИНЫМ

1 руб. 90 коп.

ИНДЕКС 70.918
ISSN 0131-8748

**ОРИГИНАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ПАРФЮМЕРИИ ИЗ РОССИИ**

Верность лучшим традициям русской и
мировой парфюмерии и постоянный поиск.
Торжество тончайших ароматов, радостная
атмосфера праздника.

Защищено

«НОВАЯ ЗАРЯ» —
активный участник
международных выста-
вок, обладатель Гран
при, золотых медалей
и дипломов Брюсселя,
Лейпцига, Братиславы,
Пловдива — экспортиру-
ет продукцию в 18 стран.

NOVAYA ZARYA

Павлами

Спутник

СОДЕРЖАНИЕ Август 1991

Заметки редактора. О предсказуемости нашей жизни	6
Персоны грата и нон-грата	24
Гласность. Из котлована в космос	34
Последний немец Кенигсберга	108
Время. События. Люди. Но был ли реальный шанс у Столыпина?	8
Тайна «шведской красной гвоздики»	62
Кремлевский цирюльник	70
Знала бы Екатерина Вторая	104
Точка на карте. Где расцветает папоротник?	44
Позиция. «Без бога и бюрократам не обойтись»	17
Глупость как движущая сила истории	58
Культура. Литература. Искусство. Вслед за ночью	28
«У меня был друг... Его звали Виктор»	30
Богомаз Георгий Иващенко	73
Его вся Тула знает	90
Русские дворяне из Замбии	99
Вторая жизнь «Летучей мыши»	112
Общество. Торговцы газетами	50
Почем туфта?	54
Жить до конца	80
Я отказываюсь от бессмертия!	84
Самые северные люди	152
Наука. Техника. Медицина. Под грифом «секретно»	118
«Застывшие слезы» красавицы Ситы	146
Малоизвестное из жизни известных.	
В гостях у русского царя	94
Воспитание и образование. Большая семья в маленьком человечестве	20
Книжная полка. Михаил Булгаков. Морфий	130
Случай из жизни. Парашютист в мертвой петле	157
Хотите верьте, хотите нет. Призраки на улицах Москвы	124
Спорт. Геннадий Авдеенко: «Хочу прыгать долго»	160
Как умерла «Альфа Люм»	163
Кулинария. Главное — это гость	171
Кроме того, в номере: камень месяца (стр. 4), письма читателей (стр. 43, 89, 128), новости медицины (стр. 151), шахматы (стр. 168).	

стр. 30

стр. 34

стр. 73

стр. 99

стр. 171

Спутник 8/91

Издается с января 1967 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

МИХАИЛ БАКЛАНОВ
главный редактор

ВИЛЬЯМ АГАБЕКОВ
ответственный секретарь

МИХАИЛ АНТИПОВ
ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВА
РОДРИГО ФЕРНАНДЕС

главный художник
ВЯЧЕСЛАВ ЛОСЕВ

Отпечатано в типографии
Издательства Новости
(107005, Москва, ул. Фридриха
Энгельса, 46)
с пленок, изготовленных А/О

Санонапринт (Хельсинки,
Финляндия).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Информационное Агентство Новости
СССР, 103786, Москва,
Зубовский б-р, д.4

«СПУТНИК» на английском, испанском, немецком, французском и русском языках за пределами СССР распространяет В/О «МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА» (113095, Москва, ул. Димитрова, 39/20).

Условия оформления подписки содержатся в помещенном в журнале подписном купоне.

В СССР «СПУТНИК» распространяется «Союзпечатью» только в розницу. «СПУТНИК» на китайском языке издается и распространяется по соглашению с ИАН издательством «Шицзе Джиши», КНР (World Affairs Press): 31A, Waijiaobujie Beijing, China, tel. 552 331, P.O.Box 1518.

По вопросам размещения рекламы обращайтесь в московскую редакцию журнала «СПУТНИК» или к нашему рекламному агенту в Финляндии: SPUTNIK MEDIA OY, PL 1025, 04431 JARVENPAÄ, tel. 90-249 757, fax 90-247 186.

ПЕРВАЯ ОБЛОЖКА:

Плакат
Владимира ПЧЕЛКИНА

Композиция
Вячеслава ЛОСЕВА

Технический редактор
Вера СТЕКОЛЬЩИКОВА

При перепечатке ссылка
на «СПУТНИК»
обязательна.
© Информационное
Агентство Новости,
«СПУТНИК», 1991.

АРЛЕКИНО
ARLECCHINO

LA SOCIETA MISTA
ITALO-SOVIETICA

НОЧНОЙ БАР
«ARLECCHINO»

Лучшие итальянские вина и напитки.
Оригинальная развлекательная программа.

Ночной бар открыт с 9 вечера до 4 утра.

Расчеты в твердой валюте: по перечислению, по кредитным карточкам и наличными.

Телефон: 255 9102.

«ARLECCHINO» JOINT VENTURE

СССР, 123376, Москва, Дружинниковская ул., 15
(здание Киноцентра возле станций метро
«Краснопресненская» и «Баррикадная».)
Телекс: 411070 CENTR SU
Факс: (095) 205 2680

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В РЕСТОРАН «ARLECCHINO»
ежедневно с 12.30 до 15.30
и с 19.30 до 23.30.

Высококачественные разнообразные продукты из Италии. Превосходная итальянская кухня и образцовый сервис.

Проведение банкетов.

Расчеты в твердой валюте: по кредитным карточкам и перечислению.

Телефоны: 205 7088, 255 9056.

Ждем Вас в итальянском ресторане «ARLECCHINO»!

Камень
августа —

ХРИЗОЛИТ и ОНИКС

Татьяна ЗДОРИК

Фото Михаила АНФИНГЕРА
и Владимира МОРОЗОВА

Астрологи считали, что хризолит благоприятствует людям, рожденным под знаком Льва. Принося спокойный сон, прогоняя ночные кошмары, укрепляя духовные силы, золотисто-зеленый самоцвет дарит способность предвидеть будущее. Он обеспечивает симпатию окружающих и приносит удачу в делах.

Хризолит (по-гречески «золоточетный камень») называют иногда «вечерним изумрудом». В древности в страны античного Средиземноморья — Египет, Древнюю Грецию, Древний Рим — хризолит попадал из месторождения на одном из островов в Красном море. Один из таких камней вошел в историю: из крупного зеленого камня был сделан моноколь римского императора Нерона. Рассказывают, что Нерон не расставался с ним, наблюдая сквозь зеленую линзу бои гладиаторов и пожар Рима. Веками зеленый самоцвет Нерона считался изумрудом, и лишь сравнительно недавно оказалось, что это хризолит.

Прелестный золоточетный, почти прозрачный камень встречается в небесных посланцах — метеоритах. В 1749 году в Енисейском крае упал крупный метеорит. Его полет был принят местными племенами за полет божества. В 1772 году к месту падения небесного тела прибыла экспедиция ученого Петра Палласа. К своему изумлению, Паллас нашел в нем кроме самородного железа ювелирный хризолит.

Под именем хризолита долго таились и другие золотисто-зеленые камни — демантоид, апатит, зеленый топаз, желто-зеленый корунд.

Так продолжалось, пока специальный международный съезд ювелиров в Лондоне в 1968 году не постановил называть хризолитом только прозрачный золотисто-зеленый оливин.

Помните, что этот камень не очень тверд (приблизительно как оконное стекло) и носить его лучше в серьгах или кулоне, но не в перстне.

Оникс — агат с чередованием слоев различного цвета: белых с черными, красными, желтыми, бурыми, серыми. С древних времен его использовали для создания камей. Знаменитая «камея Гонзага» вырезана на трехслойном ониксе, состоящем из серо-голубого, белого и красно-бурого слоев. Это одна из самых больших камей в мире: 157x118 мм при толщине 30 мм. Находится она в Эрмитаже — крупнейшем в мире хранилище резных камней. В музее собрано свыше 20.000 гемм. Это больше, чем в музеях Парижа, Лондона, Рима и Флоренции вместе взятых.

Заметки редактора

О ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

«Наше общество интересно тем, что все все знают, но все делают вид, что никто ничего не знает».

Владимир ВОЙНОВИЧ,
«Москва 2042»

Кажется, больше, чем товаров и услуг, сытости и даже стабильности, обществу не хватает сегодня предсказуемости. Помню, в начале восьмидесятых приехал в Москву известный американский дизайнер. Ему было девяносто пять лет. И он заключил контракт с какой-то советской организацией на пять лет вперед. Уже в те годы, когда наша жизнь измерялась пятилетками, точно отмеренными в «Доме мудрости» свершениями, распланированными по дням действиями и помыслами, уже тогда короткая заметка в газете произвела на меня огромное впечатление. Насколько же надо быть уверенным в своих возможно-

стях, чтобы не только самому подписать такой контракт, но и партнеров убедить!

Что же говорить о дне сегодняшнем, если люди не решаются запланировать летний отпуск на месяц вперед. Купить билеты на юг? Но там, где сегодня тихо, завтра резня начнется. Или поезда станут в результате кем-то против кого-то объявленной блокады. Или тарифы с вечера на утро возрастут в три раза, да еще в один конец плати рублями, а в обратный — долларами. Или экологическая катастрофа разразится. А то вдруг местные власти визы введут: тогда загранпаспортом запасайся, да где ж его взять, если бумаги не хватает. И мечется наш брат, и горько, неуютно ему от этой неизвестности, непредсказуемости бытия. Мы проживаем каждый бесценный свой день наспех, как бы начерно, силясь предугадать бедствия и перипетии дня завтрашнего, в безнадежной попытке вернуть столь милый сердцу образ жизни по плану, составленному за тебя кем-то другим.

Между тем сегодняшняя неразбериха — лишь внешняя, а суть ее уже давно и предсказана, и описана в деталях. Только несколько месяцев назад дошел до нас роман Войновича «Москва 2042». Отнюдь не будучи Львом Толстым, но обладая здравым смыслом и чувством юмора, писатель с точностью восстановил «историю» ближайшего будущего. Тут и «кольца враждебности», расходящиеся от Москвы. И «коммунистические кольца» внутри самой столицы (трудно не вспомнить знаменитый президентский указ по созданию в пределах Садового кольца безмитингового

заповедника), и поразительное братание партийных структур с церковью, и лозунг: «Кто сдает продукт вторичный, тот питается отлично» (а у нас, как сообщают газеты, доноров стимулируют талонами на стиральные машины). И многое еще другое, что всего лишь пять лет назад, когда был написан роман, определяло его жанр как утопию, а сегодня читается как газета, чуть ли не со скучной. Потому что все это мы сами про себя знаем, и если поднапрячься, то сами и предсказать бы могли. И только потому не предсказали, что по-прежнему ждем пророка. Слава богу, недостатка еще в них нет, ни в отечестве, ни за его пределами.

Поколения воспитаны на том, что всю полноту ответственности за прошлое и будущее, за каждый твой день, берет на себя всемогущее и всеведущее государство. Много лет назад знакомый латиноамериканский журналист говорил мне, как был потрясен нашим воспитанием детей: «Вы полностью регламентируете их поведение, не оставляя им ни малейшей свободы, оберегая их в большом и малом». Мы сами были, и в значительной степени продолжаем оставаться, детьми своего государства, которое худо-бедно гарантировало каждому неважное, но бесплатное образование, униженное, но опять же бесплатное здравоохранение, краюху хлеба и крышу над головой. И за все это требовало соблюдать правила игры. И вдруг правила изменились, и растерянным гражданам-детям сказали: «А теперь живите, как хотите, и пусть каждый отныне сам кует свое персональное счастье».

Есть от чего растеряться. И прежде всего, от того, что некий «коллективный разум» приказал долго жить, и человеку в своих действиях остается уповать лишь на собственный здравый смысл. Это открывает простор для энергичных, предприимчивых, сильных, но погружает в уныние всех остальных, «обычных» людей, хотя и первые, и вторые наделены здравым смыслом от природы. Здравый же смысл подсказывает, что если внешние обстоятельства мешают прогнозировать глобальные перемены, как у нас до сих пор было принято, «в мировом масштабе», то жить следует сегодняшним днем, не драматизируя его трудностей и извлекая максимум положительных эмоций от общения с детьми, друзьями, природой. Это наука, которую изобрели задолго до нас наши же соотечественники и люди в других странах, которым доводилось переживать кризисные времена. Власти так панически боялись этого слова — кризис, — что научили и народ бояться осознания того, что общество находится в критическом состоянии. Ныне, когда этого уже никто не скрывает, потому что скрыть невозможно, мы вправе с облегчением вздохнуть: слава богу, это всего лишь кризис. И жизнь продолжается.

Потому закончу, как у нас говорилось в старину, на оптимистической ноте — цитатой из интервью «Московским новостям» министра иностранных дел Эстонии Леннарта Мери: «Сейчас интересно жить, потому что мы утром уже можем увидеть свои вчерашние следы, которые обычно называют историей».

Террорист, считавший себя социалистом, застрелил осенью 1911 года российского премьер-министра Столыпина. По жестокой иронии судьбы, покойный премьер стремился сделать как раз то, о чем мечтают сегодняшние социалисты в стране: дать утвердиться сословию крепких, предприимчивых, независимых фермеров.

НО БЫЛ ЛИ РЕАЛЬНЫЙ ШАНС У СТОЛЫПИНА?

Фото Карла БУЛЛЫ

Родовитый дворянин и крупный землевладелец, Петр Аркадьевич Столыпин (1862 — 1911) по праву рождения относился к тем в России, кто монополично владел всей властью и всеми привилегиями. Делиться таким достоянием с кем бы то ни было дворянство считало неразумным. И уж менее всего — со «своими» крестьянами, которых за столетия привыкло считать неотъемлемой частью наследственных владений.

Столыпин мыслил шире. Осмотрев однажды завод, построенный на его землях неким богатеющим купцом, выбившимся из крестьян, он писал жене с оттенком удовлетворения: «Растет новая, сильная чумазая Россия». Очень может быть, что не заводской рабочий, а сам купец-заводчик представлялся Петру Аркадьевичу чумазым. Однако мыслящий помещик, знакомый с новейшей европейской историей, понимал и всю государственную важность сво-

бодного предпринимательства, не ведающего сословных пут.

Российскому дворянину, даже не очень богатому, зазорно было опускаться до коммерческой деятельности. Российскому крестьянину, даже крепкому и оборотистому, редко удавалось подняться до нее. Подобная раскладка, затянувшаяся до начала XX века, зримо тормозила развитие промышленности в стране. А в дальнейшем угрожала сокрушительным социальным взрывом.

Уже будучи премьером, Столыпин говорил, обращаясь к Государственной думе — подобно парламенту, «высочайше допущенному» царем:

«Правительство желает... видеть крестьянина богатым, достаточным. Ибо там, где достаток — там, конечно, и просвещение, там и настоящая свобода. Для этого необходимо дать способному, трудолюбивому крестьянину, соли земли русской, возможность освободиться от тех тисков, от

тех условий жизни, в коих он ныне обретается. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих, предоставить их ему в неотъемлемую собственность».

Заметим, что о «тисках» Столыпин говорил в 1907 году. К тому времени российские крестьяне без малого полвека считались формально свободными. Еще в 1861 году император Александр II отменил крепостное право, сказав при этом знаменитые слова: «Лучше освободить крестьян сверху, нежели ждать, когда они сами освободят себя снизу». Тогда же представителям «неблагородных» сословий даны были некоторые права в местном самоуправлении.

Но и после реформ 60-х годов Россия оставалась все той же самодержавной монархией. Дворяне сохраняли сословные привилегии, крестьяне по-прежнему ограничивались и в гражданских, и в имущественных правах. Так что ни о какой революции сверху говорить не приходилось. По мнению советского историка Валентина Дякина, именно в 60-е годы XIX века страна, возможно, проскочила тот последний (или предпоследний) поворот, на котором еще можно было вырваться из привычной, накатанной, но тушиковой колеи. Дальше события неотвратно покатались в сторону революции снизу — кровавой, стихийной и нерассуждающей.

Многое можно было предотвратить постепенным превращением неограниченной сословной монархии в монархию конституционную. Можно было «даровать народу» хоть какие-то общегражданские права и свободы. Но основная масса поместного

дворянства (во главе с царем — Первым Дворянином и крупнейшим землевладельцем) искренне полагала, что у православной России — собственный путь в истории. Никакой британский, а уж тем паче французский вариант нам не годился.

Всерьез потребовать конституционных прав и свобод могла бы экономически сильная буржуазия. Но откуда же ей было взяться в полукрепостнической державе? Это где-то там, на Западе, совершались промышленные и социальные революции, выдвигавшие к власти новых, деятельных граждан. А у нас буржуазия была слабая и «чумазая», по рукам-ногам повязанная имперскими законами и порядками. Реформа 1861 года сняла только часть преград на путях ее роста, но далеко не все.

Одним из главных препятствий оставалась сельская община — чудовищно архаичная и стопроцентно российская. В жизни крестьян она играла большую роль. Деревне было выгодно (и привычно!) иметь общедоступный луг и лес, общие места выпаса и водопоя. Вместе, «всем миром», было легче защищаться от стихийных бедствий, от произвола барина и начальника. К тому же община не позволяла человеку окончательно опуститься, приглядывала за сиротами и бездетными стариками.

Первые российские социалисты не случайно видели в общине прообраз светлого будущего — как они его понимали.

Но община также распоряжалась и папшой. «Мир» периодически делил и перекраивал общинные земли по числу работников-мужчин. При этом

стремление к справедливому дележу сплошь и рядом перерастало в мелочную уравнивательность. Каждая семья — хоть работающая, хоть ленивая и бессильная, — должна была получить «по справедливости» свою полосу и в низинке, и на пригорке. И поближе к деревне, и подальше. И на песке, и на глине. Одним куском земля никому не выдавалась.

При такой заведомой чересполо-снице личная инициатива не могла по-опряться. Сей то же, что и все. Убирай одновременно со всеми. Иначе скот, выпущенный на общинное жнивье, затопчет твою полосу. Особо обиходить и удобрять отведенную тебе землю тоже не имело смысла: при очередном переделе участок мог достаться другому.

Короче, община не давала слабому помереть в одиночестве с голоду, но и не позволяла развернуться более предприимчивому и оборотистому. В принципе можно было «выкупиться» — но за такие деньги, которых у большинства крестьян попросту не было.

Наиболее дальновидные царские чиновники прекрасно видели пороки общинного землепользования. Валуев, министр внутренних дел при Александре II, докладывал царю как раз в 1861 году: «Понятие о земельном «мире» составляет вообще камень преткновения на пути правильного развития хозяйственного быта крестьян. Земледелие, как и всякая другая отрасль промышленности, требует обеспечения в пользу трудящегося результатов его труда. Это обеспечение возможно только при личной собственности».

Князь Барятинский, близкий друг

Александра II, еще конкретнее выражал тревогу за судьбу «исправного поселянина», придавленного общиной. Он призывал законодательным путем поощрять частную собственность крестьян и тем «задушить зародыши коммунизма». Проницательный был царедворец!

В 1883 году царское правительство разрешило открыть Крестьянский банк. Последнему было рекомендовано ссужать деньги самостоятельным крестьянам, которые хотели бы завести хозяйство вне наделных земель, полученных общинами в 1861 году. Этим, как подчеркивалось в решении Государственного совета, «банк оказал бы несомненную услугу государству — образованием класса мелких собственников, который повсеместно служит источником экономического процветания и верною опорой гражданского порядка».

Как некое заклинание, эта фраза переходила потом из одного проекта крестьянской реформы в другой, вплоть до столыпинского варианта, реализовавшегося в начале XX века.

Впрочем, уже в 1893 году Крестьянскому банку было велено вернуться к кредитованию покупок земли только целыми общинами. Тут имперские «верхи» России демонстрировали поразительное единомыслие с ненавистными им социалистами. Но по совершенно иной причине: с помощью общины они надеялись задержать имущественное расслоение крестьянства, уход в города беднейшей его части. И тем предупредить, как выразился один министр, «язву пролетарства».

Парадоксальная картина! В поисках особого русского пути разви-

тия, отрицающего капиталистический строй, к общине обращались и революционеры, и охранители. Только первые хотели бы, опираясь на общину, перескочить через капитализм прямо к социализму, а вторые — навсегда законсервироваться в условно-самодержавной монархии. Ни то, ни другое не могло реализоваться.

Уже сто лет назад, в 80—90-е годы XIX века, Россия стояла перед насущной необходимостью: ускоренно развивать современную промышленность. Хотя бы даже и в военных целях. Дальнейшее отставание от европейских стран грозило поставить державу в зависимость от более развитых государств.

Европа ставила свою промышленность, опираясь на капиталы, первоначально накопленные в сельском хозяйстве. Там, где этот процесс проходил естественным и неспешным темпом, он оказался относительно безболезненным. Россия же принципиально не признавала капитализма, а в результате оказалась в положении догоняющего.

Сорок лет после отмены крепостного права были потеряны для более естественного и мирного развития событий. Насильственная консервация общины затормозила создание массового слоя крестьян-собственников, заинтересованных в рынке, законности и порядке. Но и от «язвы пролетарства» уберечься не удалось: с необходимым ростом промышленности появлялся и рос рабочий класс — еще более обездоленный и бесправный, чем крестьянство.

В 1905 году грянула первая рус-

ская революция. Массовые волнения охватили не только промышленные центры, но и деревню. По всей стране запылали помещичьи имения. Особенно грозными были выступления крестьян в Поволжье. Там их жестоко подавлял не кто иной, как Петр Аркадьевич Столыпин, в то время саратовский губернатор, а затем — министр внутренних дел при Николае II.

При всем том он видел бесперспективность борьбы со следствием, а не причиной. «Дикая полуголодная деревня, — подчеркивал Столыпин, — не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боящаяся, действуя миром, никакой ответственности, всегда будет представлять собою горючий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу».

Вывод? Нужно срочно создавать и поощрять на селе сословие крепких, законопослушных собственников. Если начать не откладывая, то лет за двадцать дело, пожалуй, будет сделано.

8 июля 1906 года А.П.Столыпин назначен премьер-министром. 9 ноября появляется Указ, имеющий целью форсированно разломать сельскую общину, а крестьян вывести на самостоятельные хутора.

Как говорил потом Кривошеин, ставший в кабинете Столыпина министром земледелия, «Указ. . . отказывается от прекрасной, но несбыточной мечты, будто в общине все могут быть сытыми и довольными. Он допускает, что от земли уйдут те, кто не призван быть на ней умелым хозяином. В интересах государства каждый клочок земли должен быть в руках того, кто лучше сумеет взять от

земли все, что она может дать».

Целесообразность реформы, названной столыпинской, сомнений не вызывает: она довершала то, что следовало сделать еще в 1861 году. Однако гигантское мероприятие требовало времени и денег в таких масштабах, какими царская империя уже не располагала.

Столыпин торопился, подгонял экономические процессы прямым административным вмешательством. Общину обязывали производить передел и выделять участки хоть ежегодно, даже по требованию одного человека. Каждый раз это означало передвижку всех полос, невозможность спокойно хозяйствовать для остающихся в общине. В результате — вражда общинников и хуторян. А вражда и насилие — плохие помощники в экономических делах.

Крестьянский банк за 1906 — 1913 годы выдал на обустройство выделявшихся фермеров около полутора миллиардов рублей. Для того времени — очень большие деньги: весь годовой бюджет России в 1911 году только-только перевалил за три миллиарда. Ссуда выдавалась хозяйствам на 50 лет с учетом процентов в тройном размере. Значительную часть облигаций банка пока что выкупала казна. Это становилось все более обременительным.

Была и еще одна сторона дела. Чтобы облигации Крестьянского банка активнее покупались, по ним был установлен более высокий процент выплат, чем по государственным займам. Чем больше таких облигаций — тем меньше желающих одалживать деньги государству. Итог: шатается бюджет, падает курс

рубли. Здесь уже виделась — и не без оснований — угроза всей имперской экономике. Включая, между прочим, сельское хозяйство.

Подобные соображения Столыпин отметал. Он был уверен, что денег в российской казне хватит на все. А если даже форсированный приток средств в сельское хозяйство и впрямь грозит интересам других отраслей, то «другие потребности должны быть поставлены на второй план — ради разумного и полного использования сил сельского населения».

К началу земельной реформы государственный долг России составлял почти девять миллиардов рублей. Плюс гонка вооружений накануне первой мировой войны. Плюс непомерные расходы на поддержку дворянского землевладения. Все это встало преградой на пути финансирования столыпинского проекта. . .

В советской историографии долго было принято утверждать, что Столыпин через свою реформу хотел «опереться на кулака». Это не так. Целью было — создать массу мелких собственников. В российской деревне масса не могла состоять из богатых крестьян (а «кулак», по понятиям того времени, это вообще не земледелец, но — трактирщик, сельский торговец, ростовщик. «Мироед», одним словом). Реформой хотели опереться на крепкого середняка.

Как бы там ни было, благосостояние российской деревни росло. Не так значительно, как это представляется сегодня многим публицистам, но — росло. По распоряжению правительства крестьяне с 1907 года перестали платить выкупные платежи.

С того же года пошли вверх мировые цены на хлеб. Сливки в основном снимали перекупщики, но что-то перепало и крестьянам. Появилась возможность копить деньги на покупку земли и машин. Именно с 1907 года начался рост вкладов в крестьянскую кредитную кооперацию. К тому же в 1909, 1910, 1912, 1913 годах были обильные урожаи.

Весной 1911 года, за несколько месяцев до гибели, Столыпин говорил родным, что «его жиром» можно продержаться еще лет пять. Он думал о новой революции — и мало ошибался в сроках. Но до пролетарской революции 1917 года пришла мировая война, ускорившая взрыв.

Царизм вступил в войну, не подготовив армию, не договорившись с либеральной оппозицией, не создав себе опоры в деревне. И потому судьба его была предопределена. А вслед за тем была предопределена на годы и годы вперед судьба российской демократии.

Заиклившись на своей неограниченной власти, царизм не дал сформироваться в стране традициям конституционализма и правового государства. Цепляясь сначала за крепостное право, а потом за общину, он не позволил образоваться классу самостоятельного крестьянства, заинтересованному в частной собственности и рынке.

Когда же наступила экстремальная ситуация, усугубившаяся военными неудачами, то уже ни призыв уважать закон, ни призыв уважать собственность не могли быть услышаны всколыхнувшейся массой. Слишком долго не получая ничего или почти ничего, народ с неизбеж-

ностью должен был пойти за теми, кто обещал ему все и сразу. Через революцию.

«История — процесс не фатальный, но закономерный, — шипит доктор исторических наук Валентин Дякин. — Не так уж часто она останавливается перед выбором пути. А когда она действительно оказывается на развилке, то дальнейшее направление определяет отнюдь не случайный выбор того или иного человека — будь то царь или революционный лидер.

Сплетается воедино так много субъективных устремлений и объективных обстоятельств, что выбрать из клубка одну нить и сказать: вот потянули бы ее вовремя, и все было бы в порядке, — значит заниматься умственными спекуляциями на тему истории.

Вероятнее всего, никакого поворота мы и не проскакивали. Просто сейчас, по свойственной людям привычке, мы ищем золотой век позади себя — тем более, что сияние обещанного горизонта померкло. Мы живем в том настоящем, которое досталось нам от прошлого. И судим прошлое каждый со своих позиций. Но сколько бы мы его ни судили, оно уже не изменится.

Нет-нет, я не призываю «перестать ворошить прошлое». С ним, т.е. с прошлым, следует квалифицированно разбираться. Однако, увлекшись поисками вчерашних альтернатив, не зазеваться бы нам уже на сегодняшнем повороте».

*По материалам советской периодики.
Печатается в изложении.*

ВАШ ВЕРНЫЙ «СПУТНИК» НА ВСЮ ЖИЗНЬ

**ДАЙДЖЕСТ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ «СПУТНИК»
РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ В 100 СТРАНАХ!**

«Советские бюрократы меня боятся, потому что я упрямый». Так говорит протестантский пастор из США Джей КЕНТИ, основавший с год тому назад в Москве советско-американскую Конференцию по благотворительному сотрудничеству. Он также утверждает:

«БЕЗ БОГА И БЮРОКРАТАМ НЕ ОБОЙТИСЬ»

Илья АБЕЛЬ

На многочисленные встречи в советских учреждениях преподобный Кенти неизменно берет огромную папку с газетными вырезками. Там — подробная информация о деятельности руководимой им организации. Кроме того, под рукой у него всегда необходимый набор официальных писем. И еще желтый линованный блокнот, куда заносятся десятки адресов и телефонов граждан СССР и США, способных помочь в богогодных начинаниях пастора.

На первый взгляд этот человек может показаться идеалистом. Но это заблуждение: мистер Кенти по-американски деловит, прагматичен и упорен. Среди освоенных им русских слов уже есть и «кооператив» — причем с негативной окраской. «Да, да, я знаю, — говорит Джей Кенти, — ваши кооперативы обещают выпустить нужные вещи почти бесплатно, а потом дерут с людей деньги под видом благотворительности». Пастор грустнеет, когда видит на московских

уличных лотках Библию, продаваемую по баснословным ценам. Ему искренне стыдно за коммерсантов, которые наживаются на вере в Бога.

Его познания в русском языке пока далеки от совершенства, но тут помогают переводчики. Гораздо сложнее, когда пастору приходится сталкиваться с равнодушием, необязательностью, а то и прямым хамством советских чиновников. Он буквально **выколачивает** (российская реалья!) разрешение на ввоз в нашу страну груза с подарками для больных детей. **Уговаривает** директора концертного зала провести благотворительную программу для плохо видящих. **Пробивает** цирковое представление для сотрудников московской милиции. («Не понимаю, в чем тут проблема, — говорит Джей. — У нас в Америке традиционно уважительное отношение к полицейским и к пожарным. Эти люди рискуют жизнью ради нашего блага, и достойны, чтобы к ним относились по заслугам».)

— Скажите, Джей, но почему вдруг полем вашей деятельности стал именно Советский Союз?

— Меня и в Америке об этом многие спрашивают. Даже родители никак не могут понять, почему я вместо того, чтобы заняться более перспективными проектами у себя на родине, постоянно летаю из Нью-Йорка в Москву, волнуясь, трачу время и силы. Ну да, в США подобной деятельностью заниматься действительно проще. А в вашей стране на каждом шагу надо доказывать, что все, что я прошу и делаю, я прошу и делаю не для себя лично, а для тех, кто нуждается в постоянной помощи и участии. . .

— В чем конкретно проявляется ваша активность здесь?

— Для начала мы создали у вас в стране что-то вроде филиала Ассоциации анонимных алкоголиков. В октябре 1990 года в Москве была зарегистрирована советско-американская Конференция по благотворительному сотрудничеству. Цели наши достаточно гуманны. Мы приходим со словом Божиим и к наркоманам, и к просто больным, к детям и взрослым. Мы стремимся возродить в людях самоуважение. Ведь каждый из нас — в своем роде инвалид. И поэтому надо объяснять, доказывать, внушать нуждающимся в милосердии, что они не изгои, а равноправные члены общества.

— Ваша организация изначально не могла носить коммерческого характера. На что же она существует?

— Естественно, на взносы советской и американской сторон. Как это нередко бывает, взносы не столь велики, как могли бы быть. В США немало богатых людей, которые отдают на благотворительные цели существенно меньше своих возможностей. Но есть и бедные, которые делятся последним. В конце концов важна не щедрость в стоимостном выражении, а сама потребность поделиться с ближним своим достоянием.

Я привожу сюда целые мешки поздравительных открыток от американ-

ских детей, есть кое-какие подарки от ваших предприятий — и все это, поверьте, не менее ценно, чем просто деньги, переведенные на счет нашей организации. Коммерческая сторона дела волнует меня меньше, чем духовная. Мы все хотим быть добрыми, но надо знать, где и как проявить свою доброту.

— Начиная работать с алкоголиками, вы не испытывали чувства разочарования в своих действиях?

— Нисколько. Выздоровливающие алкоголики — духовно сильные люди. Они справляются со своим недугом и уже тем самым становятся ближе к Богу. Сам я не употребляю спиртного, не курю сигарет, но никогда не запрещаю этого делать. Потому что запретами можно добиться обратного: из чувства протеста люди станут делать как раз то, что им не разрешается. Я просто не рекомендую курить и пить. И стараюсь доказать, что жизнь в этом случае становится намного богаче и осмысленнее.

— В нашей стране уже проводилась широкомасштабная кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Она не привела к результатам, на которые была рассчитана. . .

— Думаю, что это не совсем так. Наверное, не все из задуманного реализовалось в полной мере. Но во всяком случае ваше правительство честно назвало проблему и обратило на нее внимание общественности. Причем не только в вашей стране. Даже разочарования и временные неудачи предложили конкретный материал для размышлений, для поиска лучших решений. И это главное.

Когда у вас начался этот процесс, я понял, что это призыв и ко мне лично. И я решил откликнуться. Мы начинали с отдельных личностей, с единиц. Нас тогда нередко спрашивали: не слишком ли это бесперспективно и разорительно — заниматься со считанными людьми? На это я отвечал и отвечаю, что благодарен Богу уже за самую возможность, которую

он передо мной открыл. И не столь уж важно, помог ли я одному человеку или десяткам тысяч. Даже один человек, спасенный для Бога, уже есть победа. Его жизнь — достояние всей страны, и потому бороться стоит.

— Но ведь бороться вам приходится еще и с чиновниками. Кто выигрывает в этой борьбе?

— Успех переменный. Чиновники сидят в своих особняках и не хотят видеть, что в действительности происходит за их стенами. Иногда раздражаются — когда я вынужден напоминать, что не все еще так хорошо, как они представляют в своих отчетах. Советские бюрократы меня боятся, потому что я упрямый. Но у них власть, они многое могут, и потому я немного побаиваюсь их самих. Хотя, конечно, я понимаю: они духовно не готовы к переменам. Они привыкли обладать властью и не хотят выпустить ее из своих рук ни при каких обстоятельствах. Они пытаются меняться, подстраиваться, но остаются все теми же бюрократами. Перестройку они поддерживают скорее на словах, чем на деле. . .

— В связи с этим: как вообще вы оцениваете теперешнюю ситуацию в СССР, наши основные проблемы?

— Вообще-то советские люди должны бы гордиться тем, что живут в стране с такими огромными возможностями. И прежде, чем осознать себя поистине великим народом, великой державой, надо быть благодарным уже за то, что дано Богом. За то, что уже есть. Вам надо бы перестать себя жалеть.

У вас модно винить во всех грехах и просчетах руководство страны. А надо бы говорить совершенно прямо о ленивых и нечестных людях во всех сферах общества. В СССР, к сожалению, люди разучились работать, и смотреть на это грустно. Проблемы начинаются внизу, а не наверху. Ваш Президент работает каждый день с утра до позднего вечера, чего не скажешь о всех остальных.

Если люди отчетливо понимают,

что такое добро и что такое зло, проблем становится существенно меньше. Божье благословение дает людям жизнь и здравый смысл, способности и навыки к какой-либо деятельности. Возможность проявить себя для пользы и блага общества в равной мере прекрасна, чем бы человек ни занимался. Нет презренного труда, если он приносит людям радость. Однако есть еще и обязанность: использовать свои познания и жизнь для свершения добрых дел. . .

Я родился в стране, где даже на денежных купюрах напечатаны слова о необходимости веры в Бога. Закончил университет (став дипломированным дизайнером) и только потом пришел в духовную семинарию. Там учился еще четыре года — для пополнения знаний. Знания помогают поступать так, как того требует вера.

Но количество приобретенных знаний — еще не самое главное для того, чтобы служить людям. Это лишь начало, точка отсчета. А в основе всего должны лежать благородство и доброта. Только действенность доброты определяет на самом деле, хороший ты человек или плохой. Чем больше мы служим созданиям Божиим — людям, — тем глубже и неподдельнее наши отношения с Богом.

Вера — огромное чувство, в котором мы обретаем душевный покой. Естественно, с годами оно меняется: в детстве — одно, в юности — другое. В зрелом возрасте — более осознанное и ответственное. Бог существует во всем, но я не решусь сказать, что обрел Его уже в восемнадцатилетнем возрасте. . .

Но сегодня Он возложил на меня эту миссию: служить утешением и надеждой нуждающимся людям. В том числе, разумеется, и бюрократам, обездоленным в смысле человеколюбия. Для того, чтобы душа прозрела, им тоже не обойтись без Бога.

Бубнит бесконечное свое телевизор:
 сессия Ленсовета, заявление Верховного Совета, требования
 Ельцина, разъяснения Силаева, обещания Павлова, а они пьют чай.
 Кто?

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ В МАЛЕНЬКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

Алексей СЕРГЕЕВ

Описав крутую дугу, сервировочный столик вошел в питонор. Его колесики вращались стремительно. У меня закружилась голова и потемнело в глазах. А я, между прочим, был лишь наблюдателем. Каскадером была Нина. И эту Нину никакой центробежной и никакой увещательной силой невозможно было вытряхнуть с нижней полки сервировочного столика, летавшего в пространстве старинной петербургской квартиры.

Когда мимо вас проносится Злата, вы улыбаетесь. Когда проносится Риша, улыбка слезает с вашего лица. Злата — коккер-спаниэль. Риша — кавказская овчарка. Мультик — кот. И Мультика все это круговращение не касается. Известное дело, у кошек надежный вестибулярный аппарат!

Но и у Нины отличный вестибулярный аппарат! И у ее сестры Вики тоже. И у второй — Полины. И у бабушки их — Нины Петровны Качкиной.

Вика опять вводит столик в пике. Тут входит Марина, четвертая сестра, и говорит:

— Вика, меня Катя дурой обозвала!

— Пойди и скажи ей, что она сама

такая.

— Катька, Вика сказала, что ты сама такая!

Тут входит Володя и говорит:

— Бабушка, я в кино пошел, завтра достаю.

— Ничего себе, — говорит Вика, — тебе еще час до кино.

— Как вы все это выдерживаете? — говорю я.

Нина Петровна только улыбается, глядя, как столик валится набок, и Нина наконец совершает довольно жесткую посадку на паркет.

Их в этом доме одиннадцать. Я всех перечислю:

Витя (мы его еще не видели, потому что он ушел гулять) — 13 лет.

Вика — 12 лет.

Володя — 8 лет.

Катя — 8 лет.

Марина — 8 лет.

Нина — 6 лет.

Полина — 3 года.

И — Нина Петровна, бабушка. И Злата, и Риша, и Мультик. Это — тут, на Васильевском. А на маленькой их даче еще и два поросенка, четыре овцы, три ягненка, две козы, два козленка, гусь, гусыня и Ньюшка-несушка. Итого — двадцать семь живых душ. Но нет в этом мире, в этом кос-

мосе, отца и нет матери. . .

. . . Лена и Володя познакомились в белые ночи.

Были белые ночи, когда старший брат Лены Сапа вернулся со службы на флоте с другом. Были белые ночи, когда младшая сестра полюбила друга своей первой любовью. Это были белые ночи, когда поднимались мосты, но не опускалось солнце. Такие ночи, какие помнишь всю жизнь. Счастливые, но и . . . безнадежные, потому что был Володя женат.

— У него жена и ребенок, оставь и думать о нем, — сказала Нина Петровна дочери.

Но как оставишь, если белые ночи, если любовь? Лена не оставила ни памяти, ни любви. И уж теперь не узнаешь, на что надеялась, долго ли думала ждать, пока снова расцветет ее жизнь долгою белою ночью.

Нина Петровна была в гостях. Но по какому-то делу позвонила домой и не узнала голоса дочери:

— Мама! Знаешь, кто у нас? — го-

лос Лены пел.

— Знаю, — сказала Нина Петровна, — Беницкий.

Он вернулся спустя три года. А через неделю они пошли подавать заявление. Первая жена ушла от Володи, несчастливые узы распустились, чтобы завязаться в другой раз — счастливо. А еще через некоторое время Володя привез своего сына Сапу. И Сапа стал их первым сыном.

— Не знаю, как я ее воспитывала, — говорит Нина Петровна, — Сапе один раз за всю жизнь попало — назвал Лену дурным словом. А Лене — ни разу. . . Только один случай вспоминаю, когда чем-то вывела она меня, схватилась я за ремешок. Ей лет пять было, и она совершенно спокойно мне сказала: «Ну, бей меня, пока маленькая». У меня руки и опустились. . .

Наученная трудиться с детства, Лена до смерти не знала праздности. Бывало, сидит, штопает море детских колготок, ей говорят: «Брось,

давай поболтаем». А она: «Давай, мне не мешает, я же не языком штопаю!» И Володя был ей под стать — все у него в руках горело. Да и вся семья всю жизнь трудилась, не лаясь. И жили они счастливо. Без палат каменных, но и безбедно.

И умножалась их семья: за Сашей пришли в эту жизнь Варя, Витя, Вика, Полина. Шесть детишек. А еще три собаки, рыбки, кошки, котята... Живая жизнь втягивалась в их дом, как в распростертые объятия, буквально ломилась сквозь стены, так что приходилось выковыривать из стен кирпичи, чтобы пустить эту жизнь. Я сам видел дырку в кладке — проделали, чтобы вытащить котенка, заблудившегося в вентиляционном ходу. Стоя у этой дырки, мы с детьми долго считали, сколько всего кошек потом проникло в их дом этим способом, и, кажется, на шестой сбились.

... Большая семья — как маленькое человечество: рождения и похороны рядом. И как в большом человечестве рядом со счастьем — трагедия.

24 августа 1984 года. Володя и дети должны вернуться домой с грибами. Вот сейчас позвонят в дверь. Вот уже звонят. . .

На пороге их дома стоял милиционер. И с той же легкостью, с какой в этот дом входила жизнь, теперь вошла смерть.

— Владимир Владимирович Беницкий здесь проживал? — спросил милиционер.

— Почему проживал? — спросила милиционера Лена.

Но не оговорилась судьба, слово было сказано твердо. На перекрестке «жигуленок» с детьми и Володей влетел в рефрижератор.

— Мы ничего не знали, — вспоминает Нина Петровна, — кто в какой больнице. По возрасту поняли: Саша. И кто-то из девочек. Думали — Вика. А это была Варя — четыре годика, колокольчик. . .

Погибли Володя, Саша и Варя. А Нина родилась уже без отца. Когда стряслась беда, Лена была Ниной беременна. Вика и Витя выписались из больницы, и дальше пошла неостановимая жизнь.

Мы рассматриваем мгновения этой жизни, запечатленные на любительских снимках. Большой стол засыпан фотографиями.

— Вот я, смотрите! Смотрите! — кричит Володя.

— А это я — кривоножка! — кричит Нина.

— А это папа! — кричит Марина. — Смотрите!

— А вот — наша мама, — говорит Катя.

— Мама? — спрашивает маленькая Полина. — Ага! Мама.

Уже после смерти Володи и двух детей стала Лена матерью еще трем.

— Мы сперва установили опеку над ними, ходили в детский дом, забирали на каникулы, — рассказывает Нина Петровна. — Накупим на весь детский дом карамели, благо она была тогда, и идем к детям. Первыми взяли Катю и Марину. У Марины диагноз был — дебилизм. Мы потом приглашали к ней доктора, психиатра. Тот нас спрашивал: «Откуда взялся этот диагноз?» — «В детдоме говорят, что смеется очень громко» — «Ну тогда я — полный идиот!» — рассмеявшись погромче Марины, сказал врач.

Как жили они без мужчин? Трудиться, ухаживать, воспитывать им было не привыкать. Нина Петровна шила, Лена вязала. Обе заядлые театралки, они и в театр успевали. Первой идет Лена, потом мать. А по музыкальным абонеентам — еще и старшие дети. Они хорошо жили. И правда, лица Марины и Кати на детдомовских снимках и вживе не узнать — другие, счастливые. Но они и трудно жили. Не милвала их судьба.

В декабре восемьдесят девятого

пришла Нина Петровна с работы (она работала директором «народного» книжного магазина на заводе Калинина), и лица, как говорится, на ней нет. Украли всю выручку — восемь с половиной тысяч. Два месяца не могла Нина Петровна улыбаться — не получалось. Но и слез не лила. Опять шили, чтобы раздать долги. И те деньги, что заняли у людей, отдали. А те, что дал в ссуду завод, еще предстоит отдавать. . .

— Но ничего, — говорит Нина Петровна, — мы держались. У нас отношения были, как у подруг... Они были подругами по счастью и по несчастью. Такими, у которых нет тайн, нет своего и чужого. Они несли свою ношу, они держались стойко. И так, стоя, умерла в декабре прошлого года Лена. Что-то делала, хлопотала и — умерла. Нина Петровна была в этот миг на кухне, стряпала. Она успела удивиться, почему Лена не идет помогать, и услышала, как вдруг зазвонил короткими звонками параллельный телефон: 03, 03, 03. . .

И ведь рядом был врач, друг семьи, Илья. И Лена успела сказать: «Илья, мне плохо». И все померкло. Искусственное дыхание. Массаж сердца. Неотложки. Нет... Все — смерть. И еще одна звездочка — такая яркая, так надежно согревавшая всех, угадала в их вселенной, в космосе этой семьи. Но устоял мир, не рухнул, удержался, только лег всей своей тяжестью на плечи Нины Петровны. . .

Сто тысяч вопросов без конца. Горы колготок, подлежащих ремонту. Вороха рубашек и платяев, которые надо перестирать. Собаки, с которыми надо гулять. Овсянка, которой надо всех накормить. Больной зуб Вики, который надо вылечить. Сервировочный столик, с которого надо как-то стряхнуть Нину. Все в движении, в полете, все смеется, живет.

Ни разу не слышал я, чтобы Нина Петровна повысила голос. Никакой паники я не почувствовал. Никакого

отчаяния. Никаких жалоб. Лишь беглая слеза, когда вспоминала Лену. . .

— Как их оставить? — спрашивает Нина Петровна. — Невозможно! Пока я жива — они мои. А меня не будет, есть старший сын, Саша. Он с женой каждое воскресенье здесь, чтобы помочь. Дети висят на дяде — мужчине.

Дети висят на моряках, на курсантах, приходящих помочь. На прихожанках Свято-Троицкого монастыря, приходящих помочь, на шведах, приходящих помочь. . .

— Мы и не знаем, как кто нас находит, — улыбается Нина Петровна.

Она никуда не пишет, ничего не просит. Она живет на свою зарплату и пенсию — 300 рублей на восьмерых, не считая собак и kota. Но духа нищеты нет в этом стойком мире.

— Будь, что будет! — говорит Нина Петровна. — В эти тяжкие времена нам надо держаться друг за друга. На кого еще надеяться, кроме хороших людей?

Мы пьем чай на кухне в мгновения относительного затишья. Бубнит бесконечное свое телевизор: сессия Ленсовета, заявление Верховного Совета, требования Ельцина, разъяснения Силаева, обещания Павлова, а мы пьем чай.

Чай заваривает Вика мастер. Один чайник наливаем, другой проливаем. Ничего — не беда. Это — не беда. Мимо нас следом за коркой хлеба пролетает Риша, следом за Ршей пролетает Злата, за Златой — Нина, за Ниной — Полина, за Полиной. . .

Я в гостях, но у меня уже не кружится голова, меня уже втянули в это движение, мне уже нашли место в этом пространстве, мне делают бутерброд, суют конфеты, на мне висят. Мне говорят:

— Будете в Ленинграде, не думайте о гостинице, оставайтесь только у нас. Мы вам найдем уголок!

*Из еженедельника «СЕМЬЯ».
Печатается с сокращениями.*

Персоны грата и нон-грата

Фото из газеты «ИЗВЕСТИЯ»,
Анатолия НОСЕНКО, Игоря СТОМАХИНА, Михаила КОВАЛЕВА
и из журнала «НОВОЕ ВРЕМЯ»

ОН ХОДИТ ПО ОСТРИЮ НОЖА

Сидео Кин порядком настрадался из-за своего пристрастия к древней школе развития личности Ки-Хаб — своеобразной корейской версии китайского Цигуна с элементами йоги.

Лишь три года назад Сидео получил возможность выступать в цирках страны. Зрители сами оттачивают ему мечи до остроты бритвы, а затем наблюдают, как по лезвию ходит Кин босыми ногами. Он легко ломает спиной торчащие из груди стекла острые осколки и разбивает молотком пятидесятикилограммовый камень на спине своей очаровательной 23-летней жены Эллы, которая опирается горлом на остро отточенную пику.

К своим цирковым номерам Сидео относится как к своеобразной пропаганде древней философии гармонии духа и тела. И даже самый убежденный материалист поверит в существование этой гармонии, когда узнает, что 60-летний Сидео Кин, совершающий на ма-

неже все эти чудеса, живет с одним легким, без одной почки и несколько лет назад был полностью парализован.

ЛЕДИ С КОРТИКОМ

Более полувека назад Таисия Руденко стала первой женщиной-офицером на Черноморском флоте. Девушка из маленького украинского села, преодолев множество препятствий, которые ставили на ее пути мужчины-моряки, закончила ленинградское артиллерийско-техническое училище, получила звание пиротехника и добилась назначения в город моряков — Севастополь. Здесь вышла замуж, родила дочь Тамару. В 1943 году при высадке десанта пропал без вести муж. Позже, уже в мирное время, при столкновении подводной лодки с эсминцем на Балтике погиб ее второй муж — офицер-подводник.

Во время войны английские моряки, познакомившись с Таисией, опубликовали у себя на Родине статью «О леди с кортиком», утверждая, что женская душа очерствеет среди военных, не испытает она женского счастья.

— Ошиблись морские волки, — утверждает подполковник морской службы в отставке, кавалер орденов Ленина и Красной Звезды Таисия Шевелева. — Несмотря ни на что, счастлива я, счастливы моя дочь и внучка Маша. Вот только бы

вместе с ними на военных кораблях еще походить.

И БОГ, И ХИМИЯ

Священник Русской Древнеправославной церкви отец Аполлинарий, возглавляющий в городе Курске приход храма Успения Богородицы, в миру известен как Александр Дубинин — доцент, кандидат химических наук, на счету которого десятки научных работ по мембранной технологии и электрохимии. С понедельника по четверг Дубинин преподает в Московском химико-технологическом институте, а пятницу, субботу и воскресенье отец Аполлинарий посвящает служению Господу.

ГЛАВА РОССИЙСКОЙ БИРЖИ

Константин Боровой, в отличие от многих западных коллег, в гольф не играет, поскольку, с тех пор как 42-летний доцент-математик стал заниматься бизнесом, свободного времени у него практически не стало. Его бизнес — Акционерное общество Российская товарно-сырьевая биржа (РТСБ). Боровой — ее главный управляющий.

— Когда американцы в начале века создавали свою биржевую систему, — рассказывает он, — за образец брали российские биржи, поскольку в те времена они работали очень эффективно и были известны всему миру. Сегодня же о

работе бирж в нашей стране мало кто знает, ибо их после 1917 года за ненадобностью ликвидировали. И наша первая РТСБ образована лишь в октябре прошлого года.

Мы торгуем практически всем.

Оборот в день от одного до десяти миллионов. К концу года, по нашим подсчетам, ежемесячный объем торговых сделок, заключаемых на нашей бирже, превысит 30 миллиардов рублей.

ЛАТВИЙСКИЙ ТОРГПРЕД ЗА ГРАНИЦЕЙ

Первым латвийским торговым представителем в Москве стал 60-летний Оярс Межциемс. Свою главную задачу на этом посту он видит в стимулировании экономических связей между Латвией, советскими республиками и иностранными фирмами, чьих представительств пока больше в Москве, чем в Риге. Таким образом, считает торгпред, он сможет приблизить выход своей республики в качестве экономически независимого государства на международный рынок.

Пока в торгпредстве нет ни компьютеров, ни телефаксов, ни сотрудников. Но все это, по словам г-на Межциемса, в недалеком будущем. В него торгпред смотрит оптимистично. Он считает улучшение экономического положения в стране неизбежным. А своей республике желает стать равноправным самостоятельным партнером

России и будущего Союза, но не ее членом.

В церемонии знакомства

участвовали газеты: «ИЗВЕСТИЯ», «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»,

«МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ», «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», журнал «НОВОЕ ВРЕМЯ».

Ему было 28 лет. Почти десять из них связаны с рок-н-роллом. Магнитофонные альбомы, пластинки, роли в кино. Стремительный взлет от кочегара, в свободное время выступающего в небольших клубах, до лидера группы, способной собирать стадионы поклонников. Год назад, августовским полным солнца днем ВИКТОР ЦОЙ навсегда ушел

ВСЛЕД ЗА НОЧЬЮ

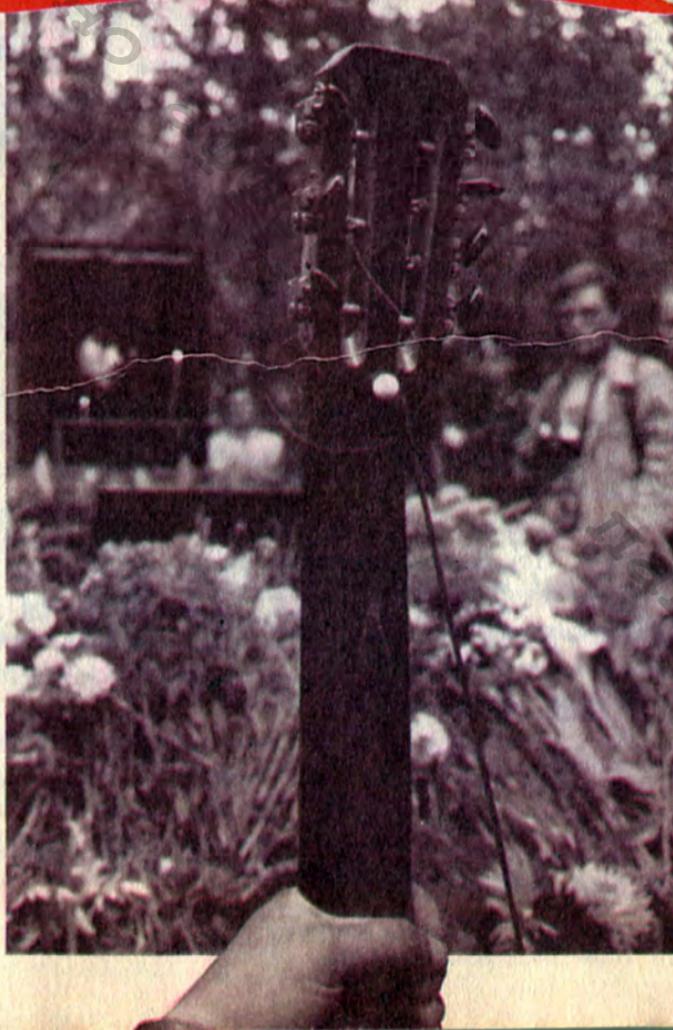

Фото Андрея АНДРЮЩЕНКО,
Леонида ГУСЕВА и Валентина СКЛЯРОВА

«Столкновение автомобиля «Москвич» с рейсовым автобусом «Икарус» произошло в 12 часов 28 минут 15 августа 1990 года. Автомобиль двигался по трассе со скоростью не менее 130 км/ч. Водитель Цой Виктор не справился с управлением. Смерть В.Цоя наступила мгновенно, водитель автобуса не пострадал.

«В.Цой был абсолютно трезв накануне гибели. Во всяком случае, он не употреблял алкоголь в течение последних 48 часов до смерти. Анализ клеток мозга показывает, что он уснул за рулем, вероятно, от переутомления».

Строки милицейского протокола и судебно-медицинской экспертизы сухо констатировали факты. Для людей, далеких от рок-культуры, речь шла о жертве очередного дорожного происшествия.

Судьба Виктора Цоя — судьба поколения «дворников и сторожей», которое начинало с полуофициальных выступлений; записывало альбомы в домашних условиях, на примитивных магнитофонах; создавало музыку, «прикрываясь» справкой о работе. В 1981 году девятнадцатилетний Виктор показал свои песни мэтру ленинградского рока Борису Гребенщикову. Они ему страшно понравились («по тонкости я ничего равного песням Цоя не знаю»). Борис помог новичку вступить в ленинградский рок-клуб, дал возможность выступать перед публикой с группой «Кино».

«У нас в группе у всех какое-то чутье. Когда я прихожу и показываю новую песню, мы начинаем о

ней думать — что должен играть бас, что — гитара. . . Когда кто-то, например, предлагает музыкальную партию, раздаются несколько голосов — «это классно», «это лажа», «этого мы играть не будем». Просто мы стараемся сделать так, чтобы нам всем песня нравилась. Но работать со мной очень трудно. Мне так кажется, точнее, я в этом уверен».

Состав группы часто менялся, но Цой оставался ее бессменным лидером, центром. Именно он приносил стихи, а иногда и полностью готовый мотив. При любых переменах сохранял стиль «Кино»: резковатость «тинэйджеров», мрачную романтику ночи и одиночества — все на несложных, легко запоминающихся мелодиях. Чаще всего этот «стиль Цоя» определяли термином «неоромантика».

«Приставка «нео» для меня абсолютно несущественна. Просто очередная наклейка. Я всегда был очень романтичным молодым человеком, но никогда себя никак не называл. В принципе, я стараюсь заниматься не роком, а поп-музыкой. ПОПУЛЯРНОЙ музыкой. Когда надо — веселить, когда надо — заставлять думать. Но музыка не должна призывать идти громить дворцы. Последнее время меня раздражают песни с социально-политической тематикой, не нравится, что группы как-то размениваются, занимаются публицистикой, а не музыкой. Многие стараются быть похожими на панков 70-х или еще хуже — начинают играть хард. Мы стараемся быть не похожими ни на кого».

После первых же магнитоальбомов «Кино» ждал громкий успех у советских рок-фанов — без всякой рекламы на телевидении, в официальной и независимой прессе.

«Мне никогда не приходилось сталкиваться с полным неприятием нашей музыки. Последние годы точно. Обычно люди, когда я ухожу, хотят послушать еще. И все же, если выбирать между равнодушием и откровенным неприятием, то лучше, если не нравится. Лучше, если раздражает. Это все же какая-то эмоция, все же мне удалось «зацепить» этого человека. Потом ему, в принципе, легче будет переключиться на положительное. Такой человек сходит на один концерт, другой — и обязательно найдет что-то свое. . . Я не задумываюсь, долго ли проживут мои песни — я пою».

Его влияние на молодые умы было огромно. Иначе не возник бы палаточный городок на Богословском кладбище в Ленинграде, где похоронен Виктор, не появилась бы в Москве на Арбате «стена Цоя», а у тысяч подростков — траурные повязки со словами «Я люблю тебя, Витя».

Чем он «брал» этих ребят?

«Нам за честность могут простить практически все: и, скажем, недостаточно профессиональную игру, и даже недостаточно профессиональные стихи. Этому есть масса примеров. Но когда пропадает честность — уже ничего не прощают».

По материалам советской прессы.

«У МЕНЯ БЫЛ ДРУГ. . . ЕГО ЗВАЛИ ВИКТОР»

Джоанна СТИНГРЕЙ,
американская певица

Я проснулась однажды утром и увидела Виктора Цоя, стоявшего передо мной. У меня перехватило дух, и я спросила, что он здесь делает, а он ответил мне, что все было шуткой и ничего не произошло. Вся в слезах, я села на край кровати, чтобы обнять его, но, открыв глаза, поняла, что это был сон. Виктор не вернется, и, оглядывая свою комнату, заполненную его картинами и фотографиями, я ощутила ужасную пустоту. Для многих Виктор был звездой, любимым артистом, а для меня он был самым близким другом.

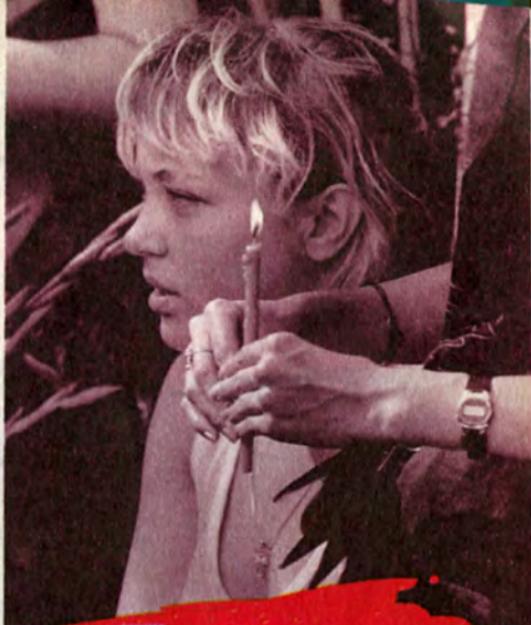
Я познакомилась с ним в 1984 году. Он был тогда застенчивым, замкнутым, говорил медленно, низким голосом. Что-то в нем мне сразу понравилось. Сначала мы

были приятелями, и только со временем он стал одним из самых верных моих друзей. Помню, в 1985 году я сказала Виктору, что рано или поздно он приедет ко мне в гости в Лос-Анджелес, и мы поедем в Диснейленд, а потом на берег океана. Он тогда ответил, что я очень наивная. Это было в то время, когда Виктор работал кочегаром, а с вечеринок уезжал до часа ночи, чтобы успеть на метро, — денег на такси у него не было.

Но пришла гласность, и о нем узнали. Виктор рассказывал мне, как однажды к нему в кочегарку пришел человек и стал кричать: почему холодно, почему плохо топят. . . Виктор повернулся к нему лицом, и этот человек вдруг спросил: «Ты же Виктор Цой, известный певец. Что ты тут делаешь?» «Это моя работа». Тот человек сказал, что это просто невероятно.

Я тоже иногда спрашивала Виктора, почему он продолжает работать в кочегарке. Он отвечал, что ему это нравится. Наверное, работая, он увереннее себя чувствовал, это делало его проще и ближе к людям. Может быть, поэтому его песни значили для этих людей так много.

Друзья знают, каким заботливым умел быть Виктор. В 1986 году я не смогла приехать в Советский Союз на собственную свадьбу с Юрием Каспаряном, гитаристом группы «Кино», — мне отказали в визе. Полгода я ждала ее — и это были самые ужасные месяцы моей жизни. Мне тогда казалось, что все

«Стена Цоя» близ Арбата в Москве.

• Виктор Цой.

кончено, и именно Виктор поддерживал меня все это время. Он писал мне письма со смешными картинками и повторял: «Джо, не грусти, ты обязательно вернешься. Мы — твои друзья и не забудем тебя. Пожалуйста, не плачь. Будь счастлива». Его письма и телефонные звонки спасли мне жизнь.

Время шло, и группа «Кино» становилась все популярнее. В 1988 году то, что Виктор считал несбыточным, произошло. Он полетел в Америку. Я ждала этого так долго, что решила сделать это путешествие незабываемым. Встречать в аэропорту его и Юру Каспаряна я приехала во взятом напрокат белом лимузине с баром и телевизором. Две недели мы провели как дети, наслаждаясь жизнью. Мы катались на лошадях, ездили на снегобилях, были в Лас-Вегасе. И, наконец, поехали в Диснейленд. Он понравился Виктору больше всего. Он говорил: «Я опять чувствую себя ребенком. . . Диснейленд — единственная страна, где я попросил бы политического убежища».

В 1990 году мы с ним ездили в Японию по приглашению одной крупной компании, которая решила купить фильм «Игла», где Виктор играл главную роль, и выпустить пластинку группы «Кино».

В самолете, возвращаясь домой, мы проговорили всю ночь. Он говорил мне тогда об ответственности, о том, что она заставляет жить активнее. Он очень любил Наташу, свою жену, и за три года, проведенные вместе, они были нераз-

ВОЕННЫЕ СЕКРЕТЫ В РУКАХ... ЗОЛОТОШВЕИ

лучны. Мне кажется, большую часть жизни Виктор чувствовал себя одиноким — до Наташи. Тогда, в самолете, он сказал мне, что добился всего, чего хотел в жизни, что он счастлив.

24 июля 1990 года состоялся последний концерт «Кино» на стадионе «Лужники» в Москве. Я тоже принимала в нем участие. После своего выступления устала и решила, что поеду домой, Виктор попросил меня остаться, сказал: «Сегодняшнее выступление будет особенным».

62 тысячи человек стоя приветствовали «Кино» и пели вместе с Цоем. Был устроен салют и зажжен олимпийский факел. Это был волшебный вечер — его нельзя описать.

Я тогда попрощалась с Виктором — на следующий день улетала в Штаты. Мы пожали друг другу руки и договорились, что встретимся в сентябре. В тот день я видела Виктора Цоя в последний раз.

После его смерти дни тянутся медленно для меня. Я все время ищу ответ на вопрос — почему? Почему именно он?

Когда я пытаюсь прийти в себя, его слова помогают мне: «Джо, не грусти, пожалуйста. Будь счастлива».

У меня был друг, его звали Виктор Цой, и мне его будет не хватать...

О продвижении по службе в самых высших эшелонах военного ведомства прекрасно осведомлены жители небольшого села Приморка Ростовской области. Они знают даже о том, будет ли присвоен кому-нибудь высший военный чин генералиссимуса.

— Нет, — уверенно отвечают здесь на этот вопрос. — Во всяком случае, не в ближайшее время. — И объясняют секрет столь удивительной осведомленности. — Заказа на изготовление погон генералиссимуса к нам не поступало.

Все действительно просто. В швейных мастерских приморского рыбколхоза «Красный десант» изготавливают знаки отличия практически для всех, кто носит форму: военных разных специальностей, работников гражданского морского флота и авиации. Как в старые времена, «тянут свою канитель» золотошвеи.

Эти неприметные мастерские — единственное место в стране, где выпускают подобную продукцию (кстати, она приносит рыбколхозу солидную прибыль).

ИЗ КОТЛОВАНА В КОСМОС

Фото ТАСС, ИАН

В наш век практические люди редко ведут дневники. Однако Сергей АЛЕКСЕЕНКО, один из строителей космодрома в Байконуре, дневник вел. От случая к случаю он записывал свои впечатления о том, как сооружался первый стартовый комплекс космодрома, откуда в 1957 году был запущен первый космический спутник.

Читая эти записки, понимаешь, какой ценой был достигнут наш прорыв в космос. И отдавая дань уважения тем, кто не щадя себя работал над «советским космическим чудом», невольно задаешься вопросом: когда же нас наконец перестанут превращать в героев? Одних — Афганистана, других — Чернобыля, а третьих — просто социалистического труда? Героев, которые на самом деле — жертвы...

СМЕРТНИКИ ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

1955 год.

МАЙ. Ходят слухи, что где-то на юге открывается новая крупная стройка. Но мы — смертники атомного полигона в Семипалатинске — можем только мечтать попасть на нее. Начальник нашей стройплощад-

ки так и сказал: «Борода (так прозвали руководителя полигона физика-атомщика Игоря Курчатова) от себя никуда не отпустит. Другие ему все завалят...»

Слово «смертники», на мой взгляд, как нельзя более точно определяет положение строителей на полигоне. Он разделен на две части: «Берег» — место, где отдыхают, и «Поле» — здесь проходят наземные атомные испытания.

После очередного взрыва мы приезжаем на «Поле», чтобы восстанавливать разрушенные сооружения к следующему испытанию. Работаем в 50 — 150 метрах (редко — дальше) от эпицентра взрыва. Я — прораб по обустройству ядерных испытаний на «Поле». Живем в домишке, где каждый раз приходится заново настилать крышу, полы... Кормят нас из рук вон плохо: селедкой, горохом, сушеной картошкой и хлебными сухарями. А мы хватаем дозу за дозой. И облученные, после небольшой передышки на «Берегу» вновь и вновь возвращаемся на «Поле». Покинуть его сможем лишь вперед ногами, либо — в лучшем случае — смертельно больными...

Правда, у меня есть надежда, что все-таки выберемся отсюда. Пару месяцев назад был откровенный разговор с Бородой. Он сам его начал, спросив: нравится ли мне здесь строить? Я ему ответил: нет. Строишь с

точностью до миллиметра, потом — атомный гриб, и начинай все сначала. А хотелось бы строить на века. . . К тому же у каждого второго от такой работы шум в ушах, кровь горлом. . . Ну выполним мы в этом году задачу, а на будущий вы нас вывезете отсюда в гробах или привяжете, словно баранов, на «Поле», чтобы не разбежались. Да и куда бежать: колючая проволока в четыре ряда. . .

Разговаривая, я привык смотреть собеседнику прямо в глаза. Курчатов тоже. Но на этот раз он отвел взгляд первым. Его спутники исподтишка показывали мне кудаки. А один даже сказал шепотом: «Что мелешь, дурак!», но я стоял на своем. Курчатов потербил бороду и тихо сказал: «Хорошо, поедешь строить свои вечные сооружения. . .» А я ему уже вдогонку крикнул: «Только вместе со своими рабочими!»

После отъезда Курчатова наш инженер сделал из пальцев решетку: «Напрасно ты с ним так разговари-

вал. Отправит тебя в лагерь. Борода очень жесток. . .»

Прогноз инженера не сбывался. Буквально на следующий день нам выдали по банке варенья, 200 граммов сливочного масла и по банке компота. Все бесплатно. А вскоре на «Поле» появился буфет с набором продуктов и товаров, которые нам и не снились. Но через месяц красивая буфетчица набрала такую дозу радиации, что ее пришлось эвакуировать, и буфет закрылся.

И все-таки у меня есть надежда, что Курчатов своего обещания не забудет: он — человек слова. . .

7 АВГУСТА. Подписал акты на сдачу в эксплуатацию всех построенных заново сооружений и получил от заказчика «добро» на отъезд с «Поля» на «Берег».

10 АВГУСТА. Пришло распоряжение нашей строительной организации грузиться в эшелоны. Ура, едем на новую стройку!

12 АВГУСТА. Вчера на «Поле»

Академики Игорь Курчатов и Сергей Королев (слева направо).

произошла авария — утверждают, будто диверсия, и я вместе с комиссией для расследования выехал туда. Написали рекомендации по восстановлению, подписали акты и решили заскочить на «Крест», где на этот день был намечен взрыв малой атомной бомбы. Посмотрели на полигоне сооружения, отъехали на несколько километров, чтобы в безопасной зоне обсудить возникшие вопросы. И тут нас накрыло атомным взрывом: он оказался мощнее, чем планировался. Ослепило, оглушило, поседело пылью, песком и щепками. Одну из машин перевернуло на бок.

Очухавшись, мы, радуясь, что не поджарились, дружно поставили машину на колеса — и на ближайший контрольно-пропускной пункт. Там нас проверил дозиметрист. Заставил сменить одежду на свежую, запас которой хранился на КПП. На всех парках помчались к «Берегу».

Остальные участники комиссии тут же отправились в госпиталь, а я прыгнул в ожидавшую меня машину и рванул к эшелону: вдруг потом не отпустят.

13 АВГУСТА. Ночью тошнило, бил озноб, пошла кровь горлом. . . Доктор отпаивал молоком, а потом налил стакан спирта. . . Вроде полегчало.

14 АВГУСТА. Наш эшелон выехал с территории Семипалатинского атомного полигона и взял курс на юг. В эшелоне — несколько сот рабочих. Каждый владеет 10 — 12 строительными специальностями, умеет читать чертежи, организовать работу не хуже прораба. При наличии материалов эти люди привыкли вкалывать по 12 — 16 часов в сутки, каждый заменяет 8 — 10 рабочих средней квалификации. . .

Станция назначения неизвест-

на. . .

Эшелон составлен из вагонов для перевозки скота, в которых наскоро оборудованы нары. Лежу на верхних и думаю: все-таки Борода сдержал слово — отпустил нас, смертников, строить на века. Позади теперь «Поле», забитое под небо нашими проклятьями. . .

СТЕПЬ ДА СТЕПЬ КРУГОМ. . .

19 АВГУСТА. Наш эшелон в полдень прибыл на станцию, которую мы тут же окрестили «один дом, один двор, один забор». Через пару часов после прибытия нас погрузили в автомобили и отправили на место работ. Несколько часов езды по степному бездорожью, и вот колонна автомашин останавливается на пригорке. Приказ: разгрузаться. Машины уходят назад, а мы остаемся. Вокруг — чуть всхолмленная, утыканная сухими колочками казахская степь, больше похожая на пустыню. Расстилаем камышовые маты, привезенные с собой, и укладываемся спать под открытым небом.

Так прошел первый день строителей, которым выпал жребий соорудить первый космический старт космодрома Байконур.

20 АВГУСТА. Утром прибыл врач с двумя машинами, нагруженными ядохимикатами и лопатами. Сказал, что район в эпидемиологическом смысле не безопасен: бывают вспышки чумы, холеры. Поэтому мы должны позаботиться о себе. Займемся, то есть, вооружившись лопатами и выстроившись цепочкой, двинемся по степи и засыпаем в норы здепных грызунов ядовитую белую смесь.

24 — 30 АВГУСТА. Поступает

техника: бульдозеры, автокраны, грузовики. Начали завозить материалы: лес, кирпич и другие. Мы строим землянки. На сто человек и маленькие — на три-пять. Осень на носу. Торопимся залезть в тепло.

ДЕКАБРЬ. Мне передали, что я назначен прорабом на строительство головного сооружения первого космического старта. Но пока мы еще заняты на обеспечивающих старт коммуникациях: автодороги, водовод и прочие «подсобки». К нашему приезду они еще оказались не готовы. Строительство растянулось на несколько десятков километров. Живем прямо на месте работ, выкопав временные, в ширину ножа бульдозера, землянки и натянув на них вместо крыш палатки. Холодно. . .

1956 год.

1 ЯНВАРЯ. Новый год встретили в палатках. Поздравили друг друга и завалились спать. Часа в три ночи крик: «Горим!» Бригадир приказывает: «Не паниковать! Укрыться с головой!» Палатки, особенно летние, горят быстро: полторы-две минуты максимум. Раскрываемся, все целы. Дует пронизывающий ветер, на небе слишком яркие новогодние звезды. 20 градусов мороза. Одеваемся под одеялами и полушубками. Порядок! Берем резервные палатки, натягиваем. Забираемся под новую крышу. Кто-то предлагает сначала запустить кошку или собаку — примета есть, что после этого не будем гореть. А где их взять?

ЧТОБЫ НЕ ПОПАСТЬ В «ПСИХУШКУ»

СЕРЕДИНА — КОНЕЦ ЯНВАРЯ. Наконец приступил к работе по прямому назначению — на первом хос-

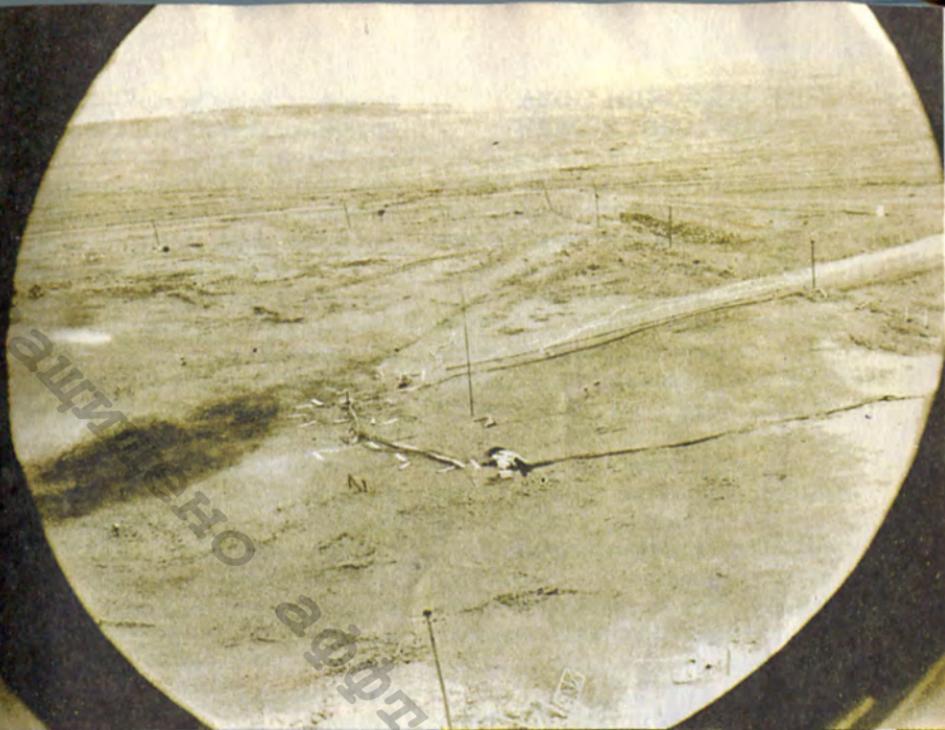
мическом старте. Я еще в сентябре наведывался сюда, на котлован первого старта, где руководил работами мой друг прораб Володя Трайбман. Дела у него шли плохо, его все ругали, а он говорил мне чуть не со слезами: «Каждый начальник, особенно приезжий из Москвы, обвиняет меня в бездарности и лени. А ты посмотри: по проекту здесь должен быть песок, откуда же пошли глины?» (Трайбмана в итоге довели: он лег в госпиталь с психическим расстройством.)

Слушая его, я тогда говорил себе: «Лишь бы не попасть на этот объект». Но давно заметил, в жизни все складывается обычно по закону зловредности. И я оказался именно на этом объекте, но не стал дожидаться, когда меня скрутит, как Володю. Вспомнил жесткое правило Курчатова: «Объект любой ценой сдать в срок!» И засел рассчитывать, сколько и какой техники требуется. А потом принялась строчить докладные «наверх».

ФЕВРАЛЬ. Реакция «сверху» положительная. Техника поступила за каких-нибудь двадцать — двадцать пять дней. Из всего запрошенного я не получил только два экскаватора «Уралец», но с меня взяли письменное согласие, что обойдусь без них.

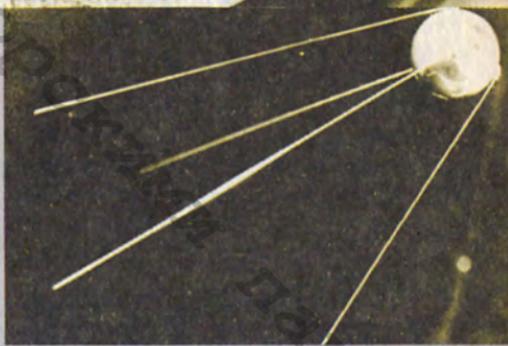
Мы с Женей Гребенниковым, вторым прорабом, радуемся: наконец сможем наверстать отставание в графике — том самом, что так красиво вычерченный висит на стенке в нашей бытовке.

15 МАРТА. Зря радовались. Сегодня ко мне утром прибежал посыльный от геологов — они на правой бровке котлована бурят скважину, чтобы дать нам его геологический разрез. «Вас срочно просят на скважину!» Когда я пришел, то там

собралось уже несколько человек. Из скважины течет вода. . . Один из геологов и говорит: «Мы так и знали, что вместо котлована будет озеро. . . » Я чуть ли не с кулаками на них: «О чем раньше думали, когда разрешили рыть?» А мне в ответ: «А нас никто и не спрашивал. . . »

Интересное дело: у меня в производственных бумагах лежит чертеж геологического разреза котлована, который — еще Володя Трайбман говорил — не совпадает с реальным. Откуда он взялся, тот просект? Может, вредительство какое? Это надо же, чтобы так «повезло» — кругом на сотни километров сухая степь, счи-тай, пустыня, а тут кокнули на сорок метров — подземное озеро. Если прорвет стенки котлована, затопит его за несколько часов!

Казахстанские степи после очередного взрыва на атомном полигоне в Семипалатинске.

Здесь обретали высшую квалификацию «смертники», чьими руками потом была сооружена стартовая площадка для запуска первого советского спутника Земли (снимок внизу).

СИДИ И ЖДИ, ПОКА ПРИДУМАЮТ ВОЖДИ?

Конец МАРТА. Начальство в Москве и на месте решает вопрос: как быть? Начинать в другом месте все заново или бороться с водой здесь, где до готовности котлована осталось снять каких-нибудь 13 метров грунта? С бюрократической точки зрения мое положение абсолютно безопасно: сиди и жди, пока придумают вожди!

... Сидел у скважины, бросал камешки на мокрый песок и вдруг заметил: упадет камень, и за несколько минут песок вокруг него высыхает — вода отжимается. Вспомнил, что во время работы на проходке московского метро не раз видел — влажная порода «сохла» сразу после взрыва.

Насыпал в ведро сырого песка, выбрал булыжник поувесистее и поехал к начальнику строительства Георгию Шубникову. Объяснил ему задумку: мощными взрывами отжать воду, а заодно разрыхлить глинистый грунт. Пока вода будет возвращаться, вывезти его, монтировать каркасы и забетонировать фундаментную плиту стартового сооружения. Главное — успеть справиться с этой плитой.

Был еще более простой вариант: дальше не копать, а заложить плиту на той глубине, которой достигли до злополучного водоизвержения. Но я уже получил отказ, хотя ездил просить об этом Главного — самого Королева. Он произвел на меня еще при первой встрече впечатление доброго и радостного человека, поэтому я меньше всего ожидал отказа. «Если вы не дадите согласия, то мы не построим в срок «Стадион», — убеждал я Королева. Он удивился: какой «Стадион», а узнав, что мы так

называем первый старт, засмеялся и, прощаясь, сказал: «Придет время, и зрителями «Стадиона» будет все человечество...» По своей привычке записывать высказывания замечательных людей я тут же чиркнул его слова на папиросной коробке, а сам думал: какие зрители, какое человечество, когда мы не можем даже землю из котлована вовремя вытащить. . .

После поездки к Королеву я, признаться, не очень рассчитывал на успех у Шубникова. Тем более, что моя нынешняя идея куда рискованнее прежней. А Шубников взял на себя ответственность и разрешил. . .

Бегу к взрывникам, а они уже манатки складывают: «Ждем тебя, чтобы попрощаться». Как? Ведь впереди самые главные взрывы. Они: «Какие взрывы? Запрещено же продолжать работы. В тюрьму захотел?» Уговорил все-таки подождать до следующего утра с отъездом. Если бы они уехали, дело бы затянулось опять. . .

АПРЕЛЬ. Почти вошли в график. Василий Янгичер, проектировщик из Главка, выдал на-гора великолепное технологическое предложение: сделать наездной мост по размерам фундаментной плиты и прямо с него самосвалами сваливать бетон в опалубку. По традиционной схеме «самосвал — бадя — кран — укладка в конструкцию» на бетонирование ушел бы месяц. С наездным мостом уложились за неделю!

МАЙ. Впервые за полгода побыл целый месяц с семьей. Вся степь в тюльпанах — красота!

ЧП СТРОГО ПО ГРАФИКУ

ИЮНЬ. Идем строго по графику. Старт уже забетонировали почти на половину его высоты и. . . опять ЧП.

Достали наконец данные геологического разреза котлована, и выяснилось: несущая способность грунтов под фундаментом процентов на 20 меньше проектной. Приказ: прекратить работы! Теперь нужно либо уменьшить вес старта, либо увеличить площадь опоры. И в том, и в другом случае начинать придется снова с нуля. Выручил опять Василий Янгичер — предложил использовать пустотелые опоры.

ИЮНЬ. Страшная жара. Возле «Стадиона» постоянно дежурят 4 — 5 пожарных машин: пожарники каждую четверть часа тушат загорающую от сварки деревянную опалубку и создают «комфорт» монтажникам, устраивая им душ.

Ночью термометр показывает 40 градусов жары. Ложась спать, обливаем полы водой и заворачиваемся в

Установка на стартовую площадку Байконура ракеты с космическим кораблем «Союз». Орбитальный корабль «Буран» идет на посадку (снимок внизу).

мокрые простыни. Из пустыни на воду потянулись полчища скорпионов и тарантулов — забираются в помещения и кусают всех подряд.

19 АВГУСТА. Ровно год, как мы здесь. Свершилось: пролетное строение медленно поползло по рельсовому пути к опорам — захватывающее зрелище!

Пройдено полшуты. . . Громкий треск! Пролетное строение сейчас клонит «носом». Оказывается, просела уложенная зимой насыпь. На устранение аварии ушло несколько часов. Пролетное строение вновь медленно ползет. . . и вот уже оно на опорах.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

21 АВГУСТА. Идет «григорьевское светопреставление»: монтажники под руководством прораба Гены Григорьева (почему-то по прозвищу «Саня») монтируют проходные каналы по 200 метров за смену.

25 — 26 АВГУСТА. Мне приказали подменить Григорьева на двое суток: ему нужно отвезти жену в больницу. Часа в два ночи, валясь с ног от усталости, спрашиваю у одного из бригадиров: «Где обычно спит ваш прораб?» Бригадир провел меня по проходному каналу к ватному матрасу неизвестного срока службы, валявшемуся на полу. И так торжественно: «Здесь дьет чай и иногда отдыхает прораб Григорьев».

Вижу: рядом с матрасом медный чайник и пиала. На стене — лист фанеры, к которому приклеен график. Присмотревшись, обнаружил: он составлен по часам. Спать мне сразу расхотелось. Глотнул чаю и вернулся к монтажникам.

СЕНТЯБРЬ. Строго по графику

строительные работы на «Стадионе» завершены. Впереди отделка. . .

1957 год.

ЯНВАРЬ. На «Стадионе» идут примерочные работы — на стартовом столе устанавливаются макет ракеты, подводят коммуникации, тренируют ракетчиков.

АПРЕЛЬ. Подписаны все акты на сдачу «Стадиона» в эксплуатацию.

15 МАЯ. Запуск межконтинентальной ракеты. Новое оружие.

4 ОКТЯБРЯ. ПУСК! Со «Стадиона» стартовал первый в мире искусственный спутник Земли. Началась космическая эра в жизни человечества.

. . . Однажды, спустя много времени после ввода в строй первого стартового комплекса космодрома, его главный проектировщик Алексей Ниточкин, с которым мы стали хорошими друзьями, повез меня на «природу» отдохнуть и освежиться пивом. Мы подкатили к высокому песчаному кряжу, поросшему верблюжьей колючкой, и взобрались пешком на его вершину.

«Вот здесь и должен был стоять первый старт, — сказал Алексей, — геологическую разведку делали как раз тут. А когда проект уже завершили, из Генштаба приехал какой-то маскировщик и заявил, что отсюда ракета будет наблюдаться издалека и потому нужно старт перенести в низину. Перенесли. А так как считали: пустыня, где ни копни, везде песок, то чертеж котлована выдали со старой георазведкой. А что из этого вышло, сам знаешь. . . »

ДАЙДЖЕСТ по дневниковым записям и публикации в журнале «Техника — молодежи» подготовлен Ренатом ЯНБУХТИНЫМ.

Письма читателей

ОТ РЕДАКЦИИ. На призыв немецкого читателя (№ 1/91): «Русская душа, я нищу тебя!» — откликнулось много русских из Советского Союза и других стран. Мы продолжаем публикацию писем читателей с размышлениями о русской душе.

УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН ГЕЛЬМУТ ФРАНЦ!

Прочитав Ваше письмо, не могу отделаться от какого-то не очень приятного чувства. Это понятно, что русская душа загадочна, и многие пытаются исследовать ее с помощью словесного скальпеля. Больно, не отрицаю. И еще одно не оставляет меня — Ваше самолюбование своей нацией. Я ничего не имею против народа Вашего, но считаю, что Вы нам оказываете такую же помощь, как и другие страны.

Вы интересуетесь русской душой. Похвально. Но чтобы понять ее, можно было лишь изучить труды Бердяева («Русская душа», в частности), произведения Льва Толстого («Война и мир», например), Достоевского («Бесы», «Преступление и наказание») и т.п., а иначе как? Выслушивать излияния о своей душе тех русских, которые отважатся Вам написать? Да и можно ли все знать о душе?

Но я все же попытаюсь раскрыть Вам некоторые «тайнства» русской души, однако точную формулировку Вы вряд ли найдете.

1. Противоречивость и противополо-

жность: бунтарство, стремление к свободе — безропотность, покорность, уничтожение; «склонность к непомерной восторженности, энтузиазму» — «чувство второсортности, разочарование» (немного Вас процитировала, в этом с Вами согласна).

2. Широта, глубина, безграничность, простор русской души. Она подобна тем бескрайним землям, где родилась.

3. Русским присуща гордость, но без тени самодовольства. По сути своей русские — народ самостоятельный, мы привыкли все делать сами, но, как видите, времена меняются. Кто знает, чем все это может для нас обернуться.

4. И, пожалуй, самое главное — это вера. Вера в Бога. Бердяев говорил, что русский человек остается верующим, даже проповедуя коммунистическую мораль. Роль русского народа — миссионерская. Его миссия заключается в том, чтобы принести или установить на Земле мир, тишину, душевное равновесие, уют. Да, мы ищем мира, но нам еще неизвестны эти пути. Мы постигаем жизнь методом проб и ошибок.

Я не люблю политику, потому как в последнее время она стала не иначе как борьбой за власть. А это страшно. И не только мне, но и всем русским. Дисбаланс в экономике, нестабильность в политике. Сейчас плохо, но будет еще хуже. Но мы надеемся, верим. Во что? У нас радостью считается уже то, что удалось «отоварить» талон. Кошмар? Да, и это не месяц. Попробуй проживи и не озлобься на весь белый свет. И мы озлобились, стали раздражительными, подчас теряем человеческое достоинство. Не от хорошей жизни такое с нами.

В общем, русская душа — это очень объемная тема. Если мое письмо чем-

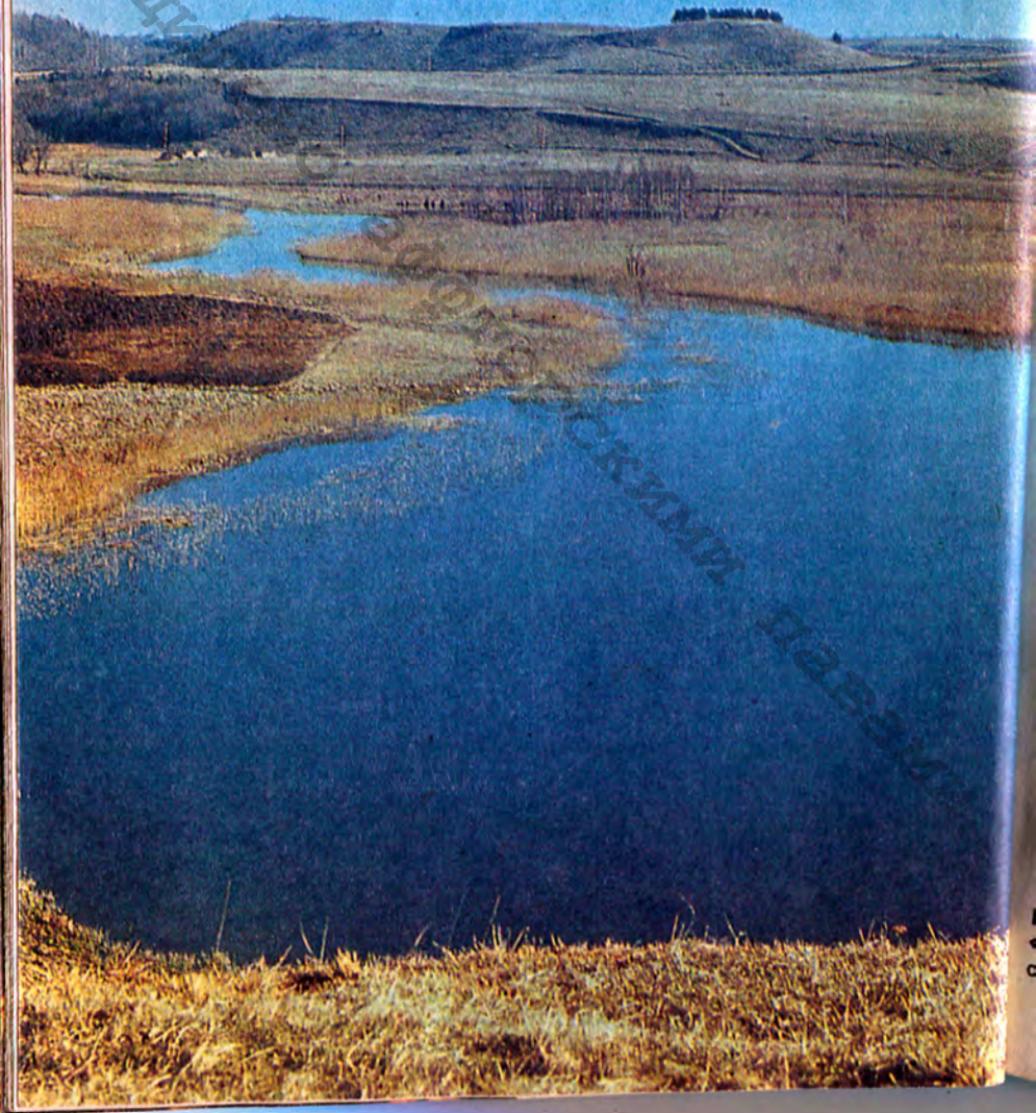
(Продолжение на стр. 89)

Точка на карте

ГДЕ РАСЦВЕТАЕТ ПАПОРОТНИК?

Светлана МАРИНИЧЕВА

Фото автора и ИАН

... Зелень июльской травы, спокойная гладь Городищенского озера, и над этой синей, ласковой водой, на фоне предзакатного неба высится могучая Изборская крепость. Это земля древнего славянского племени — кривичей. Город, поставленный здесь, прежде носил имя своего основателя — Словена, сына первого новгородского посадника Гостомысла, и звался Словенском. И лишь позднее получил он нынешнее свое имя — Изборск. Почему?

По одним преданиям, имя свое город получил от сына Словена — Избора, погибшего от укуса змеи. По другой версии, в местечке этом издавна собиралось войско русское, а от слова «сбор» произошло и название города. Сторонники третьей молча указывали на густой бор, прочной стеной окружавший город и озеро. Если не от него, то откуда же взял город свое имя? И действительно, будто вышел он из чащи на светлую полянку, словно сказочный витязь взобрался на гору, распрямил плечи и встал недвижим — могучий, непреступный, суровый.

Первый раз упоминается Изборск в летописи под 862 годом, в легендарном сказании о призвании на Русь трех варяжских князей — Рюрика, Синеуса и Трувора. Последний и сел на княжение в Изборске. Потому место, где изначально стояла крепость, по сей день называется Труворовым городищем.

Столетия спустя императрица Екатерина II к серии исторических медалей, сделанных придворными мастерами, повелела отчеканить и еще одну — в честь Трувора. На лицевой ее стороне художник изобразил портрет варяжского князя, а на оборотной — насыпной Труворов курган в Изборске. Здесь же расположил и две надписи: верху — «До днесь памятен», внизу — «Трувор скончался в Изборске в 864 году».

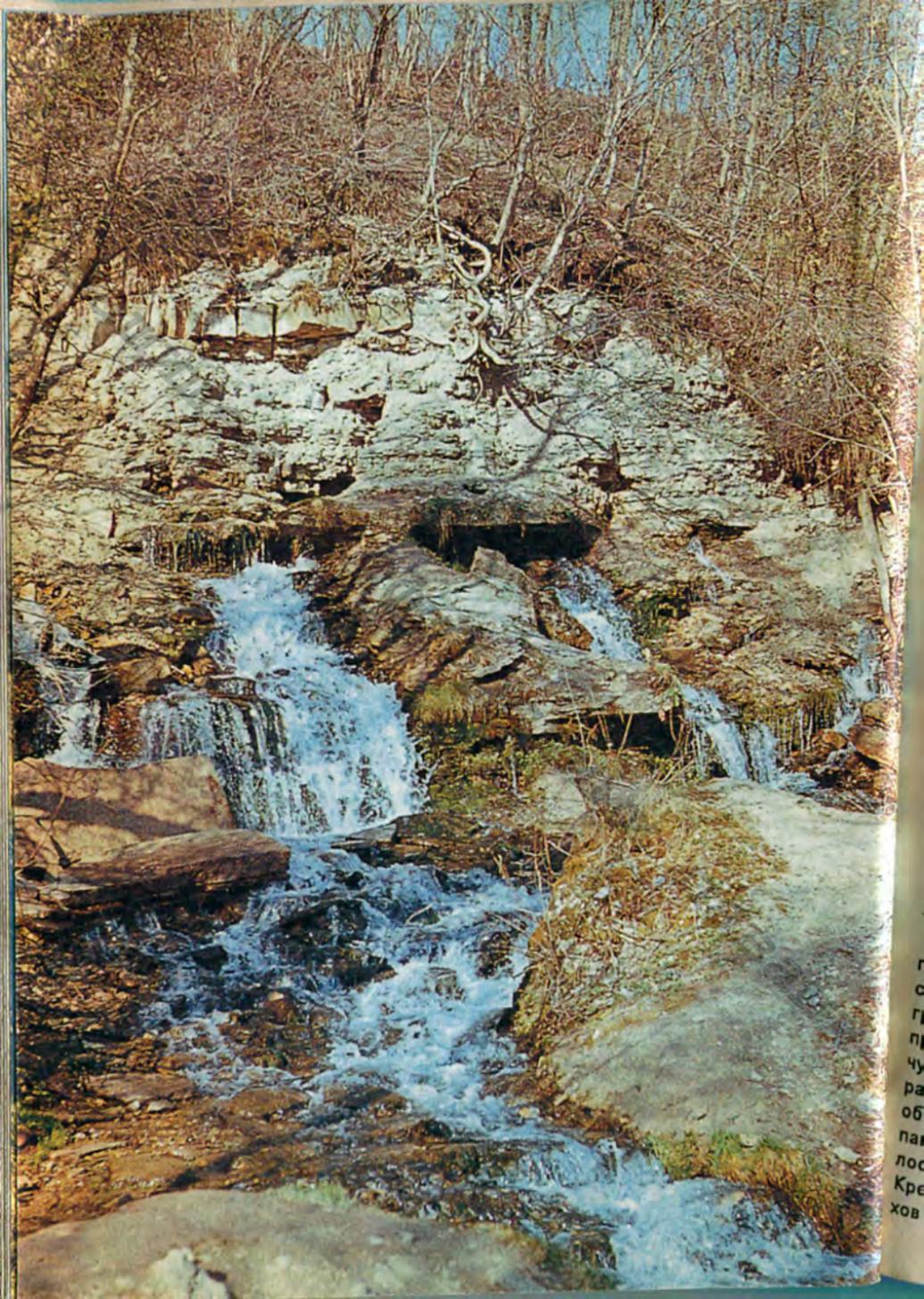
Сохранилась память о Труворе и в

самом Изборске. На треугольной площадке, круто обрывающейся к Городищенскому озеру, стоит до сих пор огромный поклонный крест. Здесь обрел вечный покой легендарный варяг. . .

Шли годы, город рос, новые постройки появлялись уже не только на Труворовом городище, но и на открытом со всех сторон Славянском поле. И по-прежнему во время вражеских нападений посадские жители скрывались от неприятеля за стенами городищенской крепости, маленькой и непрочной. Поэтому в 1303 году «Изборск (таково написание в летописи) поставлен бысть на новом месте», на расстоянии четверти километра от старого городища, на Жеравьей (Журавлиной. — Прим. С.М.) горе, которая круто обрывалась к воде и к болотам.

На месте временных деревянных стен появились каменные — более двух метров шириной, на совесть выстроенные псковичами. На случай долгой осады был сложен и тайник — подземный ход к воде, проложенный под стенами. «Шелога посадник со псковичами и изборянами поставил город Изборск на Жеравьей горе; за один год сделали каменную стену и выкопали рвы под городом» — так повествует о важном деле псковский летописец. А произошло это в 1330 году. И если древние укрепления на старом городище Изборска не выдерживали натиска немецких рыцарей, то новая крепость до начала XVI века выдержала восемь крупных осад и ни разу не была взята неприятелем.

... Все эти события давно ушли в прошлое. Остались сегодняшним изборянам на память лишь старые, полуразрушенные стены, Славянские ключи удивительной чистоты. Они бьют у подножия Жеравьей горы. А еще остались старинные обычаи и предания, обрядовые праздники и дедовские традиции.

г
о
г
п
ч
р
о
п
л
о
К
х

Праздник Ивана Купалы в ночь с 7-го на 8 июля (24 июня по старому стилю) — один из них.

Как только не величал народ этот день, особо любимый на Руси: Иваном Купалой, Иваном-травником, Иваном Колдовщиком, Иваном цветным. А еще — праздником летнего солнцеворота.

Бытовало поверье, что солнце на Купалу при восходе играет — переливается всеми цветами радуги, скачет, погружается в воду, купается. Поэтому и приписывали воде в тот день особую, чудодейственную силу, и купание на ранней зорьке считали очистительным обрядом. С Иванова дня начиналось купание в реках, озерах и прудах. Считалось, что именно в этот день Иоанн Креститель прогонял из воды злых духов и освящал ее.

Оправдывают старинные легенды и другое название этого праздника — Иван-травник. Немало сказок существует в народе о чудотворной силе трав, собранных в купальскую ночь. Так, говорили старики, что корень плакун-травы прогоняет злых духов, а владелец его будет внушать окружающим страх и почтение. Молодые девицы больше других жаловали терлыч-траву, прятали ее за пазуху да приговаривали: «Терлич, терлич, хлопцев покличь!» Пастушью сумку издавна заготавливали как хорошее кровоостанавливающее средство, а те, кто страдал ревматизмом, в большом количестве собирали жгучую крапиву. Для лечения ожогов запасались заячьей капустой, а на случай простуды или кашля приносили в дом мать-и-мачеху, душицу, багульник.

«Иванов день пришел — траву собирать пошел» — говорили в народе. А чтобы цветы и стебли не потеряли своей чудодейственной силы, собирали девушки травки целебные, приговаривая вполголоса: «Земля мати, благослови меня травы брати, и трава мне мати!» А в колдовскую ночь клали девушки под голову подорожник (трипутник) и словно магическое заклинание произносили перед сном: «Трипутник-попутник, живешь при дороге, видишь малого и старого, скажи моего суженого!» И с надеждой смеживали веки: вдруг да привидится во сне милый-желанный!

Но не только травы волшебю менялись в ночь на Ивана Купалу. По поверьям дедовским, даже деревья в эту ночную пору переходят с места на место, переговариваются шелестом листь-

ев, беседуют друг с другом животные и даже травы. Оживает и всякая нечисть — ведьмы, оборотни, русалки, змеи, водяные и лешие.

Ведьмы собираются на Лысой горе в Киеве и празднуют там всю свою колдовскую ночь: отбирают у коров молоко, портят хлеба, водяные норвят утащить под воду неосторожных пловцов. Лешие пугают вошедших в лес, запутывают тропинки и заводят в непролазную чащу. Вот почему в купальскую ночь спать, строго говоря, не рекомендуется. А ну как проснешься не на собственной кровати, а где-нибудь у домового, за печкой, или еще чище того — в погреб!

Главным героем этой удивительной и прекрасной ночи становился папоротник, с которым издавна люди связыва-

ли легенды о кладах. Его цветок, по преданиям, распахивающий свои лепестки ровно в полночь и всего на несколько мгновений, мог показать все клады в округе, как бы глубоко они ни находились.

Правда, достать этот цветок было так же трудно, как и сам клад. Говорят, около полуночи среди широких листьев папоротника внезапно появляется почка. Прямо на глазах она поднимается все выше и выше, то беспокойно колышется, то замирает на тонком стебле. И ровно в 12 часов ночи с треском разрывается. Тогда взору счастливец предстает огненный цветок, который, кажется, пышет пламенем. И тут невидимая рука срывает этот чудо-цветок, человеку почти никогда не удается опередить эту руку. Но если схватить жар-цвет

все-таки удастся, то дело сделано: достаточно подбросить его в воздух, и он упадет на то самое место, где скрыты сокровища, утверждает легенда.

Особенность купальской ночи не только в охоте за цветком папоротника, а и в очищающих кострах. Разводили их, как правило, на берегу реки или озера и располагались вокруг них все — от мала до велика. В огонь подбрасывали бересту, чтоб горело веселей и ярче, обвязывали соломой старые колеса, поджигали их и спускали с пригорков.

Этот древний праздник и воскресили в старом Изборске. Всех приглашают здешние жители: «Приходите на праздник, не гостями — хозяевами будете. . .»

Специально для «СПУТНИКА».

ТОРГОВЦЫ ГАЗЕТАМИ

Грант АПРЕСЯН

Фото Владимира ВЯТКИНА и Владимира АКИМОВА

Тысячи людей проходят мимо них ежедневно. Десятки останавливаются и покупают газеты. «Коммерсант» — три рубля, «Совершенно секретно» — четыре. ... Вдвое дороже госцены. Позавчера я наконец встретился с ними, потому что накануне позвонил приятель и предложил: «Хочешь, познакомлю с «газетной мафией»?

Итак, Света, Диана и Таня. Диана с Татьяной — новички, пока привыкают. Света считается опытной: при деле целый месяц. Поэтому диалог поддерживала в основном она.

— Разрешение на торговлю прессой в Моссовете стоит 500 рублей. Нет, серьезно, это не взятка, надо заплатить, чтобы выдали документ. Правда, в последнее время их давать перестали. И началась спекуляция. Сколько берут за разрешение, точно не знаю.

— У вас оно есть?

— Нет. Большинство его не имеет. Потому-то родное 108-е отделение милиции в любой момент может меня позвать. Трудно стало. Такое впечатление, что 108-е только и устраивает облавы на «Пушке» (так на жаргоне ее обитателей величается Пушкинская площадь. — Г.А.). А преступни-

ков некому ловить.

— Вы попадались?

— Дважды. В отделении требуют паспорт, составляют протокол. При этом я нормально себя чувствую, психика здоровая. Другие, послабее, истерику закатят. На другой день везут в суд Фрунзенского района. Держат часа два-три, а потом судьи — господин Митюшин и мадам Николаева объявляют постановление.

— Почему «господин», «мадам»?

— Это не издевка и совсем не высокомерное отношение. К клиентам так обращаемся. До 17-го года было принято среди интеллигентных людей. Нам нравится. И, кстати, отдельным покупателям тоже. Ну чем плохо: «Господин полковник».

— Как наказывает суд?

— Заявляю прямо: да, спекулирую. Вроде их это немножко шокирует. Говорят: «Шутите». До шуток ли! Все-таки 154-я статья. Обходится административным наказанием. Сначала оптрафовали на десятку, позже — на 50 рублей и «Коммерсанта» на полсотни изъяли.

Вообще-то в 108-м люди нормальные. Мы им предложили давать в месяц четыре-пять тысяч, да плюс к тому некоторые мальчики будут иногда добровольно в отделение сдаваться, лишь бы ежедневно не доставали. Отказались. Понятно, не бедствуют, вся Тверская под ними — «Националь», «Интурист», «Макдональдс»...

— Любопытно, какая реакция покупателей на ваши цены.

— О, с ними много конфликтов. Пожилые, выросшие в сталинский

период, порой готовы в волосы вцепиться. Эпитеты: «нахалка», «дрянь», остальное не для печати. Выслушиваешь и дергаешься — вдруг милиция подойдет. На «возникающих» в принципе плевать. На «Пушке» к ценам привыкли, а в других местах буквально столбенеют, ушам не верят.

— Наверное, вы определили для себя, кто и что покупает.

— Сексуальную литературу берут главным образом мужчины лет за сорок. Прочее — все, кому денег не жалко. Бедный человек, пенсионер замечен сразу: лицо, одежда. Жалко их. Часто дарим им газеты. Да, чуть не забыла, есть такая газета — «Секс-беспредел». Довольно популярная, расходуется хорошо. Мужчины, когда покупают, иногда спросят: «А вы сколько стоите?» «Очень дорого!» — отвечаю.

— А правда, сколько вы стоите, то бишь зарабатываете?

— В день или в месяц?

— Давайте уж сразу — в месяц.

— Около тысячи. Самое малое — восемьсот, девятьсот... Это прожиточный минимум. За меньшую сумму я работать не желаю. И хотя это занятие мне не очень нравится, я его не оставляю, пока не будет более выгодных предложений. Как-то женщина обратилась: «Дочка, устраивайся к нам штукатуром-маляром. Бешеные деньги — шестьсот рублей». Я рассмеялась и подарила ей газету.

— Кем вы работали раньше?

— Входила в управленческий персонал кооператива. Но там зарплата шарахалась будь здоров — то 2000,

то 200, то 50 рублей в месяц. Никаких гарантий. Ненадежное дело — кооператив. Во всяком случае, без солидной «крыши».

— С рэкетом не сталкивались?

— Бог миловал. Слышала, «Пушка» контролирует какая-то банда Лимона, обирает слабеньких. Впрочем, я сама видела, к пареньку подошли два здоровяка, без звука забрали пару «Плейбоев» по 150 рублей, косметический набор за 75. Конечно, за нами следят. Кто что продает, у кого какой доход.

— Каков средний возраст ваших коллег? (О годах Светланы и подружек спрашивать считал неудобным, но осмелюсь предположить, что им от 20 до 25 лет.)

— Поверьте, столь широкого возрастного диапазона не встретите нигде. При мне работали девятилетние мальчишки. Один — очень веселый — продавал «Секс-беспредел», громко его афишировал: «Лучшее чтение в новогоднюю ночь». Респектабельная дама изумилась: «Ах, ты-то откуда это знаешь?» Он не растерялся: «Сомневаетесь, мадам? Хотите попробовать?» Такие вот мальчишки. Сами на женщин зарабатывают.

Внезапным продолжением нашего разговора стал телефонный звонок. Неведомого абонента Диана называла «папочкой», и вначале я подумал, что это действительно ее отец. «Поговорите с ним, — предложила она. — Ветеран и учитель. Александр. Просто, без отчества».

И мы встретились с учителем на другой день в переходе станции мет-

ро, расположенной рядом с редакцией. Средних лет, борода, фетровая шляпа, темная рубашка, небрежно повязанный галстук. Диана познакомила нас, он вышел из-за импровизированного — обычные ящики — прилавка. Девушка сменила его на рабочем месте, дав нам возможность отойти в сторонку. Торговля шла бойко.

— Вас называют «газетной мафией»?

— Меня больше устраивает определение «профсоюз независимых газетчиков». «Мафия» — громковато. Все мы без разрешения. Его иметь не выгодно. Давит официальность. С ним не поднимешь цену, а за работу получишь маленький процент от выручки. Больше, естественно, чем токарь дядя Вася, но все равно гроши.

... Подходит парень лет двадцати двух.

— Дай на раскрутку.

Александр поясняет: у человека нет ни товара, ни денег, не с чего начать. Он вынимает из дипломата 10 экземпляров «Совершенно секретно». Парень незамедлительно подставил ящик, кладет на него газеты. Сразу останавливаются прохожие, но никто не покупает — дорого. Ничего, постепенно разберут. Есть и денежный народ.

— Надо помогать людям. И сейчас я жду тех, кто нуждается в материальной поддержке, поэтому не могу отсюда уйти. Входя в дело, ничего не платишь. Здесь равноправие, руководителей нет. Хотя я считаю ветераном, но стою здесь вместе с девочками и рискую.

Метрополитен незаметно выталкивает приземистого человечка в коричневом костюмчике, сдвинутой на затылок каракулевой шапке и, сразу насторожившей, красной повязкой на рукаве. Непроизвольно замечаю, что парня, торговавшего рядом с нами, нет. Вернее, он есть, но куда-то исчезли и газеты, и ящик.

— Тревожный сигнал, — Александр вглядывается в неожиданного гостя. Может милицию позвать.

К нам подбегает Диана и новенькая, только принятая на службу, девушка по имени Ирэн.

— Продала. Сегодня удачно, на расхват.

Подскакивает мальчишка, на ходу раскрывая сумку: «Все кончилось, дай немного, поеду на. . .» (называет соседнюю станцию). Из дипломата извлекается очередная порция.

Человечек с повязкой неспешно входит в метро.

Перекур.

Прошло минут пять, и вот он, симпатичный старший сержант. Прибли-

жается к нам, но аккуратный свист Александра уже слышат торговцы. Не ошибся «учитель».

— Предупредил, да? — старший сержант внешне спокоен. — Я же просил не собираться здесь.

Он уводит с собой в крошечную комнатку для разбирательств Свету и Диану.

— Ничего, начинающим полезно побывать в милиции. Опыта наберутся. Скоро улягутся страсти, вернемся на площадь.

— Как вы объясняетесь с теми, кто возмущен вашей спекуляцией?

— Корректно. Не я назначал вам сторублевую пенсию, говорю им. Претензии предъявляйте государству. К тому же у вас есть силы и вы в состоянии подработать. Берите пример с меня. Не хочется прозябать на скудные деньги, вот и стараюсь. Зарплата в 300 рублей мне не нужна. Каждый зарабатывает, как может.

Из «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ».

Печатается с сокращениями.

ПОЧЕМ ТУФТА?

ИЛИ

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ «ДЕТЕЙ ПОДЗЕМЕЛЬЯ»

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Детями подземелья» остряки-москвичи окрестили продавцов самиздатовской литературы, облюбовавших в качестве торговых точек закоулки подземных переходов. По ассортименту неформальной печатной продукции, разложенной на импровизированных прилавках или прямо на полу, можно безошибочно судить о состоянии дел в общественной жизни страны, о том хаосе и смятении, которые бушуют в «разбалансированных» умах соотечественников.

Пешехода, спустившегося в длинный переход под Пушкинской площадью в центре столицы, встречает леденящий душу женский голос:

— Связав жертве руки, убийцы вытащили ножи. . . При исследовании трупа обнаружилось вскрытие черепа тупым предметом, множественные ранения грудной клетки, следы удушения. Так иудеи расправились с великим русским поэтом Сергеем Есениным. . . Русский народ! Ельцин и Горбачев тебя продают! Освободись от перестройщиков!

— Девушка, — ретивый торговец хватает за плечо пожилую гражданку, — заплатите рупь пятьдесят, и вы узнаете, почему у ваших детей нет будущего!

Прохожие реагируют по-разному.

Одни презрительно ускоряют шаг, другие притормаживают, стихийно сбиваются в кучки, спорят, яростно жестикулируя и стараясь перекричать друг друга. Но весь этот нестройный хор подземного «гайд-парка» перекрывают сольные выкрики кликушествовавших «ультрапатриотов».

— Ельцин — почетный гражданин Израйля!

— Славянин! Всего за 20 копеек ты узнаешь, как тебя продают!

А вот кое-что поэкзотичнее. Упакованная в джинсу герл держит на уровне груди фанерный щит с прикнопленным объявлением любопытного содержания. Желаящим выехать в ЮАР предлагается заполнить «официальную» анкету. Бесплатно, разумеется. Похоже, товар не пользуется особым спросом, но кое-кто задерживается у лотка, с недоверием рассматривает тонкие листки с плохо пропечатанным текстом под незнакомым гербом.

— Девушка, а как вы это все проворачиваете? — интересуется долговязый парень, по виду приезжий.

— Ваша анкета будет переправлена в Великобританию через посольство. Два месяца спустя получите ответ.

— А с родителями-пенсионерами ехать можно?

— Можно.

— А если я в Советской Армии офицером был, можно?

— Можно, можно.

— А там в армии можно служить? — не унимается парень.

— Конечно. Покупайте анкету, не раздумывайте.

— А почему?

— Пятнадцать рублей.

— Сколько?!

— Если дорого, поезжайте сами в Великобританию, там даром получите.

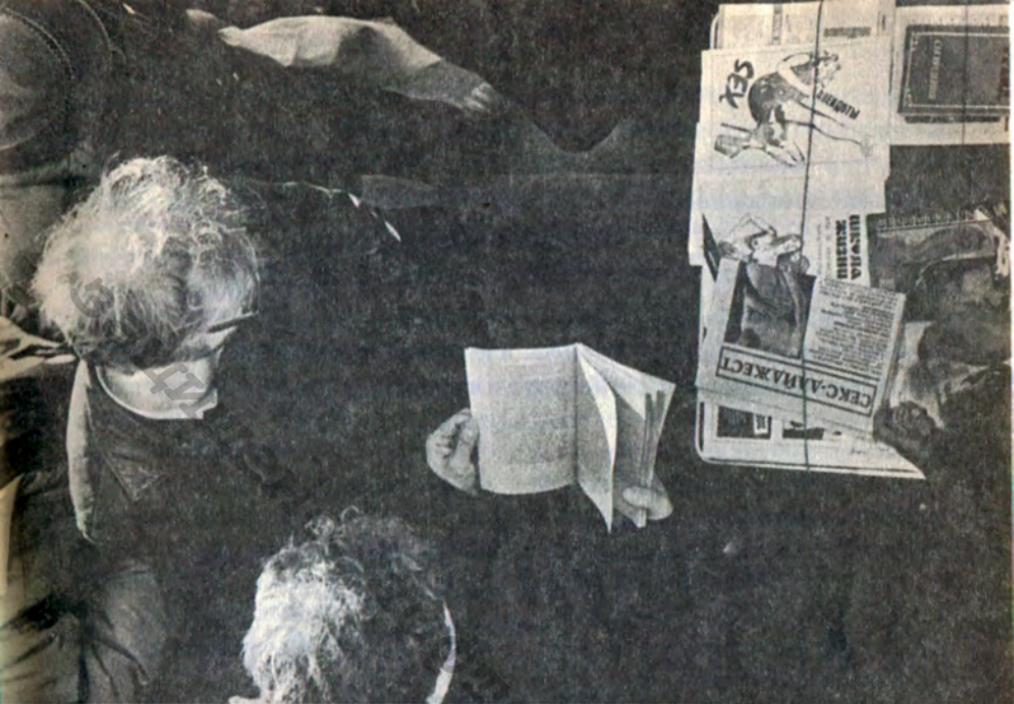
Чуть поодаль другой посредник за 25 рублей обещает отправить любого соотруженика на все четыре стороны.

— Работая за рубежом, вы будете зарабатывать от 7 до 30 тысяч рублей в месяц. Наша фирма — первая и единственная в мире, которая занимается трудоустройством советских граждан за рубежом.

Широко представлена справочная литература. Всего за три с половиной можно узнать, как делать бизнес на Западе. Как вступить в Штатах в фиктивный брак, избежав при этом штрафа в 250 000 долларов, положенного по тамошнему закону за подобные акции. Как получить политическое убежище в свободном мире, и еще куча всяких полезных рекомендаций...

Встречаются и вовсе сногшибательные экземпляры. Акционерное общество «Юридическая Россия»

выпускает изящные брошюры для выезжающих в США, Францию, Канаду, ФРГ (география самая заманчивая). Выложив кругленькую сумму, потенциальный эмигрант получает возможность заранее познакомиться с государственным устройством страны назначения и тут же с изумлением узнает, что, к примеру, основной силой современного американского общества является — что бы вы думали? — Коммунистическая партия, которая последовательно борется за права трудящихся, против расизма и апартеида в интересах мира и социального прогресса. Что же касается других партий, то они проповедуют «идеи классового соглашения», а посему сколь-нибудь значимой роли на внутривнутриполитиче-

ской арене не играют. Второе открытие Америки, да и только!

А вот и последняя новинка подземного бизнеса — для тех, кто, несмотря на самые радужные перспективы, решил остаться на родине. За умеренную плату каждый, кто пожелает, может приобрести оригинальную обложку для паспорта с характерной символикой «а ля «Память»: чернокожее ксиво с белым двуглавым орлом — мечта российского «патриота». Хотя и откровенная «липа», а покупатели берут охотно: одни хохмы ради, другие, возможно, и с дальним прицелом — кто его знает, как дело обернется. . .

*По мотивам публикации
в журнале «СТОЛИЦА».*

Корреспондент оторвал Станислава Лема
от просмотра новостей CNN.

Знаменитый польский писатель и футуролог
часами просиживает у телевизора, обрабатывает десятки газет.

Он собирает информацию,
складывает из фактов сегодняшнего дня мозаику,
чтобы вычислить, предугадать, вообразить, что ждет мир завтра.
Удастся ли? Иногда, похоже, в успехе сомневается сам Лем.
Со Станиславом Лемом беседует журналист Виктор Шуткевич.

ГЛУПОСТЬ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ИСТОРИИ

— В Советском Союзе, как и во всем мире, вас знают главным образом как писателя-фантаста. Однако меня интересует больше не то, что будет на земле в будущем, а то, что происходит на ней уже сегодня...

— Вы попали по точному адресу. Уже два года я не пишу никакой беллетристики. Даже сам удивляюсь порою: неужели я что-то подобное мог сочинять? Не то чтобы фантастика мне опротивела, просто время такое...

— Однако свою первую научно-фантастическую повесть «Человек

с Марса» вы написали в оккупированном немцами Львове в годы второй мировой войны...

— Работа над книгой помогала оторваться от ужасной действительности. Я пытался вообразить себе будущее без насилия и кровопролития, представить некий идеальный мир, где люди будут лучше и умнее. В войне нет никакого интеллектуального начала. Решать, убьешь ли ты первым или вначале убьют тебя, — это слишком тривиальная проблема, недостойная цивилизованного человека. Вот как он поведет себя с

неземными цивилизациями — это действительно философский вопрос.

— И сегодня человечество продолжает гораздо чаще убивать себе подобных, чем рассуждать о внеземных цивилизациях. . .

— Знаете, у меня есть цикл небольших работ, которые являются своеобразными рецензиями на ненаписанные книги. Одну из этих ненаписанных книг я мог бы озаглавить так: «Глупость как движущая сила истории». В самом деле, если присмотреться ко многим трагическим событиям прошлого, то окажется, что в начале их лежала обычная глупость. Когда она дремлет в рядовом обывателе, ее, как правило, не замечают. Но когда она появляется в людях, вершащих судьбами народов, она всегда трагически влияет на ход истории.

— Но за каждую из этих глупостей человечество платило столь страшную цену, что, кажется, давно бы уже пора поумнеть. . .

— В последние годы я утратил веру в способность человека измениться к лучшему. Разумеется, биологически он совершенствовался и будет совершенствоваться, но станет ли лучше, добрее, умнее — весьма проблематично. Как показывают события последнего времени, количество зла в человечестве не уменьшилось. А ведь будущее начинается сегодня.

Возьмем, допустим, Германию. Казалось бы, трудно найти в сегодняш-

нем мире более пацифистски настроенных людей, чем нынешние немцы. Однако выясняется, что они снабдили Саддама Хусейна химическим оружием. И я теперь задаюсь вопросом: а что мешает Германии стать новым, четвертым, рейхом? Правда, у нее пока нет собственной атомной бомбы, но зато есть могучая индустрия и инженеры, которые делают все, что им приказывают. Когда я говорил с немецкими коллегами, они, по-моему, обиделись. Но ведь я не утверждаю, что так оно и будет. Я только указываю на то, что существует такая возможность. . .

Или, скажем, Советский Союз. У вас есть несколько тысяч ядерных боеголовок. Встает вопрос, что будет с ними, если он развалится? Разделить между всеми республиками? Но это просто сумасбродная идея!

Помню, во время приездов в СССР меня часто спрашивали, каким я представляю себе будущего советского человека. Но люди в вашей стране очень разные: одни — в Москве, другие, скажем, в Ашхабаде. Разный национальный характер, традиции, привычки, культурный уровень. . .

То же — и повсюду. А ведь количество людей на планете стремительно возрастает. Весь мир охвачен каким-то дьявольским ускорением: демографическим, политическим, национальным. И совершенно невозможно предсказать, что же из этого выйдет. Боюсь, что в будущем нас еще могут ждать страшные вещи. . .

— Но ведь неоднократно всплывала идея ускорения эволюции человека. 70 лет назад в нашей стране начался невиданный эксперимент по «перековке человеческих душ». Почему же он провалился?

— Да потому, что идея построения всеобщего счастья насильственным путем неизбежно кончается ГУЛАГами, тюрьмами и еще черт знает чем. Мне могут возразить, что у Маркса о них ничего не написано. Действительно, вы не найдете у него указания, что делать, например, с классом эксплуататоров. Следуя Марксу, он должен просто улетучиться, вроде как дым. Но в жизни так не бывает. Столкнувшись на практике с этой проблемой, последователи Маркса неизменно обращались к насилию. Но у насилия есть внутренняя логика развития: в конце концов оно неизбежно приводит к тоталитаризму.

— В гибели миллионов людей в ГУЛАГе виноват, безусловно, тоталитаризм. Но выстрелы, которые звучат у нас в стране сегодня, на Сталина уже не спишешь. У многих моих соотечественников появляется мысль, что виновата свобода, которой, дескать, дали слишком много...

— По-моему, у человека всего должно быть в меру, в том числе и свободы. Ведь излишек ее — это тоже опасная вещь. Но много ее или мало у вас — это вопрос непростой. В чем-то, может, и много, а в чем-то, на мой взгляд, явно недостаточно. Я имею в виду свободу для инициати-

вы, предпринимательства.

— Судя по всему, перспективы перестройки представляются вам довольно мрачными...

— Большинство наблюдателей на Западе пишут, что перестройка уже умерла. Ну, не знаю... Мне все же так не кажется. Горбачев напоминает серфингиста, который несется на доске по бурному морю, совершая головокружительные пируэты. Уже сколько раз казалось, что вот-вот сорвется в пучину и не выплывет. А он по-прежнему на гребне волны. Думаю, у него будет еще 15 или 20 попыток довести перестройку до какого-то надежного берега.

— А не может ли этим берегом стать диктатура?

— Мы в Польше это уже проходили... Генерал Ярузельский, — кстати, по-моему, совсем неплохой человек, — заморозил нас на десяток лет. А потом оказалось, что Польша вышла из этого состояния в еще худшем виде, чем до него. Диктатура совершенно невыгодна с прагматической точки зрения, ведь она ничего не решает. Я уж не говорю о политической и моральной стороне... Возможно, Горбачев попытается использовать армию и милицию как охранительный зонтик для своих реформ. Но что бы у вас ни случилось, я убежден, что сталинские времена никогда не вернуться. В ваших людях все же что-то изменилось.

— В странах Восточной Европы типичным становится печальный парадокс: люди, которые совсем не-

давно боролись с тоталитаризмом, приходя к власти, действуют зачастую теми же методами. Особенно грустно сталкиваться с этим на родине «Солидарности».

— «Солидарность» — это слишком красиво, чтобы могло продолжаться долго. Когда она победила на парламентских выборах, первое заседание сената мы с женой смотрели по телевизору буквально со слезами на глазах. Теперь я больше не могу всего этого видеть — во мне буквально все переворачивается. Откуда столько ненависти, злобы друг к другу у людей, которые еще несколько лет назад были соратниками по совместной борьбе?

Оказалось, что в «Солидарности» собрались очень разные люди. Мышление многих наших парламентариев находится где-то на уровне начала прошлого века. У других в голове — просто пустота. Интриги, склоки, борьба за власть. . . Будто дети играют в войну: все хотят быть генералами, и только самый маленький мальчик становится солдатом.

Беспокоит меня и то, что в общественной жизни в наступление перешел клир. По убеждениям я атеист, хотя по отношению к костелу никогда не был настроен агрессивно. А теперь чувствую определенную опасность с этой стороны и предупреждаю: это может обернуться каким-то новым видом тоталитаризма. Одно дело — взывать к человеческой совести, а другое — грозить за аборт тюремным заключением.

— А как вы себе представляете идеальную модель государства?

— Мне всегда казалось, что правильно устроенное государство должно напоминать хорошую машину, что-то вроде «Мерседеса». Человек садится, едет куда хочет и даже не задумывается, что там у нее внутри и как устроен двигатель. Так вот, и лучшее правительство — это то, существование которого ты попросту не замечаешь. Ты живешь, ходишь в театр, пишешь книги, а правительство занимается своими делами — полицией, дорогами и так далее. Но в нашем сегодняшнем мире такой идеальной системы, по-моему, не существует.

Как у нас, так и у вас все теперь смотрят на Запад. Но там — свои проблемы. Конечно, они совершенно иные, чем в наших странах, но тем не менее они существуют. После введения в Польше военного положения мы с женой прожили несколько лет в очень сытенькой, благополучной Австрии. Но и там в газетах каждый день какие-то грязные скандалы. На телевидении — невероятные глупости, иррациональные истории, сеансы спиритизма. Почему их показывают? Да потому, что зрители требуют именно этого.

Всем хотелось бы удрать от этой распрекраснейшей цивилизации, но неизвестно, куда. . .

Об этом человеке написано на Западе не менее шести десятков книг, сотни статей. Его трагическая судьба легла в основу сценария нашумевшего голливудского фильма.

Ему единственному, после Уинстона Черчилля, присвоен в XX веке официальный статус почетного гражданина США. Посмертно. И только в Советском Союзе до недавнего времени о нем мало кто знал.

Не должен был знать. . .

ТАЙНА «ШВЕДСКОЙ КРАСНОЙ ГВОЗДИКИ»

Фото из журнала «НОВОЕ ВРЕМЯ»,
«ЭХО ПЛАНЕТЫ» и «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В конце минувшего года в московском Доме кино состоялась премьера документальной ленты «Миссия Рауля Валленберга», созданной советскими кинематографистами при содействии телевидения Швеции и немецкой фирмы «Иннова». Фильм о шведском дипломате, спасшем во время второй мировой войны десятки тысяч евреев (по последним оценкам — около ста тысяч) из будапештских гетто.

Для нас этот фильм, вкуче с недавними публикациями в советской прессе, стал подлинным откровением, разрушившим завесу молчания, которая долгие годы окутывала имя выдающегося гуманиста XX века. Гости из Стокгольма, посетившие просмотр, назвали картину сенсацией,

так как она создана в стране, роковым образом причастной к трагедии Рауля Валленберга.

..Его «будапештская одиссея» началась 9 июля 1944 года, спустя три с половиной месяца после оккупации Венгрии немецкими войсками и приезда в Будапешт оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана, возглавлявшего в имперском управлении безопасности «подотдел по делам евреев». По словам Пера Ангера — шведского дипломата, занимавшего в 44-м году пост атташе в представительстве Швеции в Будапеште и тесно сотрудничавшего с Валленбергом, — «немцы полагали, что венгерские власти не могут «надлежащим» образом решить «еврейский вопрос», и рассматривали 800 тысяч венгер-

Обложка книги Пера Ангера «С Раулем Валленбергом в Будапеште».

ской миссии: 31-летний преуспевающий бизнесмен Рауль Валленберг получает дипломатический статус, чтобы под руководством главы миссии Даниэльссона начать беспрецедентную операцию по спасению евреев. В разных концах города открываются конторы Валленберга. Их сотрудники — около 400 человек, главным образом евреи, — после настойчивых переговоров Рауля с венгерскими властями получают разрешение не носить на одежде желтые звезды и свободно перемещаться по стране.

Потерпев неудачу с переправкой людей в Швецию, Валленберг вводит специальные, скрепленные подписью Даниэльссона, «защитные» паспорта, обладатели которых находятся под защитой миссии и имеют право жить в так называемых шведских домах, арендованных миссией в Пеште. Нередки случаи, когда в один паспорт Валленберг вписывает сразу несколько фамилий.

«Часто Рауль повторял, — вспоминает Пер Ангер в своей книге «С Раулем Валленбергом в Будапеште», — что ради спасения человеческой жизни он готов вести переговоры с самим дьяволом». Это не было рисовкой. Он действительно ходил по острию ножа; казалось, естественное чувство самосохранения ему неведомо. В разговорах с венгерскими и немецкими чиновниками, добываясь их согласия не препятствовать его дея-

ских евреев, 200 тысяч из которых проживали в столице, как «опасную пятую колонну за спиной германской армии». С первых же дней начались массовые аресты».

В течение весны и лета в сельских районах Венгрии были уничтожены все жители еврейской национальности, около 600 тысяч отправлены в концлагеря.

Король Швеции Густав V, потрясенный известиями о геноциде, обратился к адмиралу Хорти с призывом позаботиться о тех, кого еще можно спасти. Тот обещал сделать все, чтобы «принципы гуманизма и справедливости были соблюдены»...

Именно в это время в Будапешт прибывает новый секретарь швед-

тельности, Валленберг пускал в ход любые средства: и лесть, и подкуп, и откровенные угрозы. «Не раз стоял он, «вооруженный» лишь своим дипломатическим паспортом, под стволами пулеметов, требуя освобождения «иностранных» пленников». Однажды он даже пошел на то, что пригласил к себе на обед самого Эйхмана с целью добиться от него уступок. Но нацист был непоколебим и перед уходом как бы невзначай бросил: «Мне безразлично, что вы шведский дипломат. Несчастные случаи могут происходить и с ними». Спустя несколько дней автомобиль Валленберга, в котором хозяина, по чистой случайности, не оказалось, был «торпедирован» немецким грузовиком. . .

Советская армия — у венгерской границы. В результате правительственного переворота власть в стране переходит к Ференцу Салаши. Повсюду хаос, свирепствует террор. Салашисты проводят массовые аресты и обыски. Тела расстрелянных евреев сбрасывают прямо в Дунай. В Будапеште создается гетто, куда включают и «шведские дома». Их метят желтыми звездами, однако они продолжают находиться под защитой миссии.

Перед самым Рождеством Ангера и Валленберга вызывают в венгерский МИД. Принято решение эвакуировать из столицы, «в связи с ухудшением обстановки на фронте», все уч-

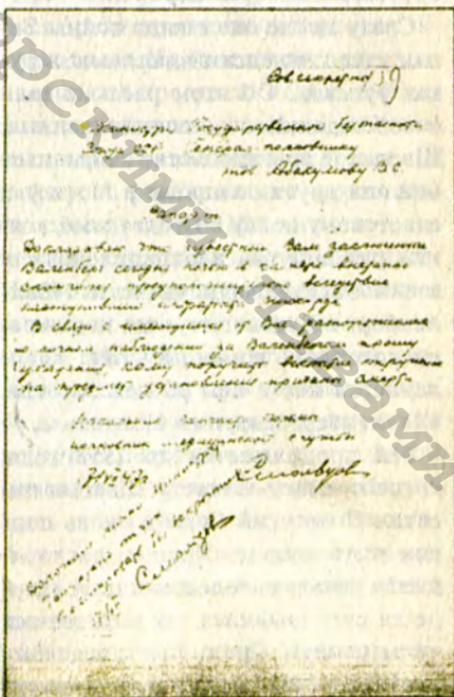
реждения, в том числе шведскую миссию.

Шведы заявили, что они остаются. . .

«Последний раз, — пишет Ангер, — я видел Рауля 10 января 45-го года. Он зашел на минутку, и я попытался уговорить его остаться в Буде* и прекратить деятельность. Но он об этом и слышать не хотел. «У меня нет выбора, — ответил он. — Я не могу вернуться в Стокгольм без сознания того, что сделал все от меня зависящее, чтобы спасти людей».

В середине января советские вой-

*В Буде находилось резервное убежище для сотрудников шведской миссии. Большинство же контор Валленберга было расположено в Пеште. — *Ред.*

Рапорт Смольцова с его пометкой
о приказе Абакумова кремировать
труп без вскрытия.

ска вплотную приблизились к Пешту. Валленберг пересек линию фронта, чтобы переговорить с русскими о том, как обеспечить безопасность и снабжение еврейских гетто. Через три дня он возвратился в сопровождении капитана Советской Армии и двух рядовых. Одному из сотрудников миссии Рауль сказал: «Не понимаю, я их гость или пленник»...

На родину Валленберг не вернулся. Он вместе с личным шофером Вильмошом Лангфельдером — одним из спасенных им от смерти в Будапеште — был захвачен советской военной контрразведкой СМЕРШ, и дальнейшая их судьба по сей день остается неразгаданной тайной. Как, кстати, и сама причина ареста.

Сразу после окончания войны Запад узнал: шведский дипломат в руках русских. Об этом рассказывали освобожденные военнопленные. Шведское правительство направляет один за другим запросы в Москву и советскому послу в Стокгольме, всякий раз получая неопределенные и взаимоисключающие ответы. «Валленберг в Будапеште, взят под охрану советской комендатурой». «Валленберга нет и нам он неизвестен». «Валленберг жив, он в Москве»...

Так продолжается до 1956 года, когда премьер-министр Швеции посетил Советский Союз и вновь поднял этот вопрос. Хрущев распорядился начать расследование. А вскоре на свет появился так называемый «меморандум Громыко» шведскому правительству, в котором министр

иностранных дел сообщил, что проведён «полистный просмотр» документов советских лагерей и тюрем, в результате чего обнаружен единственный документ. Речь шла о рапорте начальника санчасти Лубянской тюрьмы Смольцова министру госбезопасности Абакумову о смерти заключенного Валленберга в ночь на 17 июля 1947 года, «предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда».

Однако к записке Смольцова отнеслись с недоверием: документ явно грешил неясностями, налицо было нарушение субординации. Странным показалось то обстоятельство, что начальник санчасти рапортует непосредственно министру, минуя начальника тюрьмы. Если же предположить, что Смольцов — человек Абакумова и работал на МГБ, то этот рапорт не должен был храниться в архиве санчасти.

Год от года сомнения подкреплялись свидетельствами людей, лично видевших Валленберга уже значительно позже указанной в «меморандуме» даты. Причем сведения поступали не только из Лубянской и Лефортовской тюрем в Москве, но и из других мест заключения. Самое сенсационное сообщение хранится в шведских архивах — запись интервью с бывшим заключенным Абрамом Калининским (он умер в эмиграции в 88-м году), в котором он заявил, что впервые видел Валленберга в Верхнеуральской тюрьме в 1952 году, а последний раз — за два дня до своего освобождения, 27 октября 59-го во

Владимирской тюрьме.

Всплывали и другие подтверждения несостоятельности официальной версии. Однако советская сторона продолжала стоять на своем: Валленберг скончался на Лубянке в 47-м. . .

В течение многих лет «дело Валленберга» оставалось болевой точкой во взаимоотношениях двух стран. И лишь в августе 1987 года «лед тронулся». Начальник Управления информации МИД СССР Геннадий Герасимов сделал заявление, в котором, хоть и подтверждалась прежняя «дата смерти», но при этом говорилось, что в Советском Союзе с пониманием относятся к обеспокоенности родственников шведского дипломата и всех, кто неравнодушен к его судьбе. Пожалуй, впервые, как отметила шведская газета «Свенска дагбладет», «русские признали вклад Валленберга в Будапеште». Во всех предыдущих официальных ответах отсутствовало какое бы то ни было упоминание о его «особой миссии». Автор этой статьи, озаглавленной «Советский Союз меняет тон о Валленберге», Ингмар Линдмаркер привел несколько требований шведской стороны, которые, по его выражению, «могут способствовать испытанию гласности». В частности, предлагалось: отправить Валленберга на родину, если он жив; в противном случае предоставить исчерпывающие свидетельства того, что он мертв. Осуществить прямое сотрудничество со шведскими дипломатами и иными лицами, занимающимися

выяснением обстоятельств дела.

С той поры в отечественной печати появилось немало публикаций, проливающих свет на эту позорную для страны тайну — одно из многих «белых пятен» нашей исковерканной истории. Однако главный вопрос: что случилось с Валленбергом? — остается открытым, и ответ на него может дать только серьезное расследование.

С этой целью создана Международная комиссия, куда вошли пять советских представителей и пять иностранных. Возглавляет комиссию сводный брат Рауля Валленберга профессор Ги фон Дардел. Он рассказывает:

— Мы побывали во Владимирской тюрьме, где просмотрели около 100 тысяч регистрационных карточек заключенных. Каждая из них представляет собой трагедию отдельной человеческой личности. И мы расцениваем свою деятельность в целом как работу по реабилитации жертв сталинского террора. Мы тесно сотрудничаем с обществом «Мемориал». Пока нам не удалось найти регистрационную карточку Валленберга, да мы не очень и рассчитывали на удачу, полагая, что, если таковая и была, ее давно уничтожили или запрятали в другое место. Но мы продолжаем поиски и не теряем надежды обнаружить новые факты о судьбе Валленберга и даже считаем, что есть шанс, пусть минимальный, застать его в живых.

«Комитеты Валленберга» существуют сегодня более чем в двадцати

странах мира. У этих людей есть все основания не доверять официальной версии, поскольку никто до сих пор не видел следственного дела дипломата. «Валленберг жив до тех пор, — сказал один из них, — пока советские власти не дадут достоверной информации об обратном».

В октябре 1989 года Москву посетили родственники Валленберга. В КГБ им торжественно передали его личные вещи, якобы, найденные за две недели до их приезда на полу кладовой комнаты: дипломатический паспорт, визы, адресную книжку и книжку-календарь, где он отмечал свои встречи, в том числе с Эйхманом, пачку валюты, портсигар и тюремную карточку, которая была заполнена при поступлении Рауля в Лубянскую тюрьму.

Рассказ о неожиданной находке звучит, по меньшей мере, нелепо и, естественно, не может удовлетворить ни близких людей, ни тех, кто причастен к расследованию. Опять концы с концами не сходятся. Как утверждает комиссия, все документы заключенного должны храниться в его личном деле (а оно, уверяют представители компетентных органов, не существует). Деньги оформляются квитанциями и передаются в финансовую часть тюрьмы, при этом одна копия опять-таки подшивается к делу. Так же отдельно, по всей форме оформляются ценности и личные вещи. Иными словами, предметы, предъявленные сотрудниками КГБ семье Валленберга, никак не могли оказаться в одном месте. Ско-

рее всего, они находились в его деле. Из чего следует, что оно все-таки есть, но тщательно скрывается. Кем? Почему? И какая же на самом деле участь постигла шведского дипломата в советских застенках? Похоже, вопросов со временем не убавляется.

Говорит член Международной комиссии по выяснению судьбы Валленберга Арсений Рогинский:

— Я думаю, в этом деле не так уж трудно отделить ложь от истины, если воспользоваться традиционным методом историка-источниковеда и начать сличать показания. И вот мы с моим другом, тоже участником комиссии и членом «Мемориала» Вадимом Бирштейном этим занялись, решив проследить «советский путь» Валленберга с самого начала. Поиски в картотеке Владимирской тюрьмы не дали результатов. Тогда мы — с разрешения прежнего министра Бакатина — продолжили работу в одном из фондов МВД: стали изучать дела тех заключенных, что сидели рядом с Валленбергом и давали показания, будто видели его. Надо сказать, что конкретные детали, которыми избобилуют эти показания, например, даты перемещений из одной камеры в другую с упоминанием их номеров, совпали с действительным ходом событий, отраженным в тюремной документации. Это служит пусть косвенным, но все же достаточно серьезным подтверждением достоверности рассказов свидетелей. В конце концов удача нам улыбнулась. Мы нашли приказ о переводе заключенного Валленберга из Ле-

фортовской тюрьмы в Лубянской, датированный февралем 47-го года. В сущности, это первое реальное доказательство пребывания шведского дипломата на территории СССР. Потом обнаружилась аналогичная сопроводилка о переводе из одной камеры в другую Вильмоша Лангфельдера. Это вообще уникальный документ, ибо о пребывании шофера в недрах НКВД не имелось никаких подтверждений. Необходимо продолжать поиски, и тогда мы узнаем правду о Валленберге. Мы убеждены, что материалы в архивах существуют. Намеренно могли уничтожить следственное дело, судебное дело, но не десятки побочных документов — сталинская тюремная машина была насквозь бюрократической: фиксировалась любая мелочь в истории

того или иного заключенного. Надо только открыть для исследователей архивы МВД и КГБ. Но в том-то и дело, что работа наша уже обрублена: нам объявили, что расследование прекращается — до особого разрешения. Когда оно последует, и последует ли вообще? ..

По всей видимости, кому-то очень не по душе активность, с какой Международная комиссия взялась за дело. Но неужели этот «кто-то» всерьез надеется, что сможет навсегда похоронить тайну «шведской красной гвоздики» — так называли Рауля Валленберга те, кто, благодаря ему, избежал кровавого ада геноцида?

*По материалам советской прессы.
Изложено Натальей АГАБЕКОВОЙ.*

Памятник Раулю Валленбергу в Будапеште. Латинская надпись на постаменте: «Когда хорошая погода — у тебя много друзей; когда собираются тучи — ты одинок».

«Упаси тебя Боже что-нибудь просить! И никаких разговоров во время бритья!» — наставляли Константина Тихонова накануне его первого рабочего дня в мужской парикмахерской ЦК КПСС:

КРЕМЛЕВСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

Ирина МАСТЫКИНА

Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА

«Да знаю я, — ворчал тогда про себя Тихонов, — просто так, что ли, бумаги подписывал». «Не отвлекать», «не разглашать», «не просить».

Он помнил об этом все 19 лет работы в Хозуправлении ЦК партии.

Из-за этого и продержался до пенсии.

— А вот предшественник мой, Иван Иванович, любил-таки прихвастнуть, — улыбается мастер. — Однажды, в Волынской больнице скандал учинил: не так, мол, его,

кремлевского брадобреля, обслуживают. После этого в два счета с работы вылетел. Таких вещей нам не прощали. . .

Работа в мужской парикмахерской проходила в постоянном напряжении. Расслабиться невозможно было даже дома. К высокому клиенту могли вызвать и среди ночи, не говоря уже о выходных. Только уедешь на дачу, а за тобой машина: «Пожалуйста, уважаемый Константин Иванович, работать». Достанешь тогда инструмент, который повсюду с тобой, свежий халат — и на Воробьевы горы, к Хрущеву, или в Кунцево, к Брежневу.

— Когда бы ни приезжал я на дачу к Леониду Ильичу, всегда заставал у него Черненко. Были они прямо не разлей вода. А вот супругу хозяйина видел всего один раз. Поздоровалась только и исчезла. Сам Брежнев тоже был немногословен. «Здравствуй, Костя!», «До свидания, Костя!», и все. Он всех по имени называл. И на ты. Нет, руку никогда не жал. Хрущев — другое дело. И о делах расспросит, чашку чая предложит. Он, кстати, реже других пользовался моими услугами. Брился обычно сам, электробритвой. Одеколону не любил, шутил: «Лучше коньяком попрыскать». Брежнев предпочитал «Красную Москву», Каганович — «Тройной» одеколон. . . Меня коллеги сразу предупредили об этом.

Родом Константин Тихонов из маленькой деревушки в 30 километрах от Москвы. Окончив 6 классов, он подался в столицу, где уже обосновался его старший брат. Он и помог пристроиться на завод: убирать от станков стружку, подносить детали. . . Но скоро нагрянула в цех проверка, кто да как сюда устроился. И узнав, что новенький

попал на завод по знакомству, а не через биржу труда, как тогда полагалось, уволили мальчишку. Пришлось Косте вернуться в деревню и ждать, когда снова подвернется местечко.

Оно нашлось на удивление скоро, в мужской парикмахерской на Кропоткинской. Тихий парнишка очень понравился хозяину, и тот, скототив на кухне лежанку, взял Костю к себе. В его обязанности входило начищать до блеска ботинки благодетеля, убирать его дом и салон с тремя креслами, помогать по хозяйству. А попутно учиться парикмахерским премудростям. Денег за все это, конечно, не платили.

Костя оказался настолько способным, что уже через год ему доверили самостоятельно работать с клиентами. А скоро и зарплату положили — 90 рублей в месяц. В первую же получку купил себе наконец приличный костюм и рубашку. Не забывал и о родителях — к ним теперь без гостинцев не ездил.

Так прошло четыре года. И однажды вызвали Константина к начальству, представили какому-то военному. «В Реутове стоит наша дивизия особого назначения, — сказал он. — Не хотите ли там поработать?» Не успел Тихонов и слова сказать, как посадили его в машину и увезли за город. Поставили там палатку и приказали работать. Два года. В 39-м, когда в Прибалтику вводили войска, направили открывать парикмахерские для военных. В 41-м ушел на фронт связистом. В 43-м, после ранения в ногу, получил инвалидность. Когда ее сняли, вернулся к прежней работе, уже директором. Тогда же вступил в партию. Имен-

но этому, как выяснилось позднее, был обязан Константин Иванович перемене в своей судьбе.

Поскольку коммунистов среди парикмахеров в те годы было немало, попал Тихонов в некий список. Его вызвали на Старую площадь, попросили заполнить анкету.

— Ни жив, ни мертв я был тогда. Все думал, что же такого натворил. Даже когда сказали, что хотят предложить работу в парикмахерской ЦК, не сразу успокоился. Но ответил достойно: «Куда партия направит, туда и пойду».

Проверяли Тихонова больше полугода. Не обошли вниманием всех его родных, близких и знакомых. Только когда жизнь претендента в кремлевские цирюльники была восстановлена чуть ли не по минутам, снова пригласили в хозотдел ЦК. «Мы надеемся на тебя, — ласково так сказали. — Завтра же выходи на работу. Будешь обслуживать. . .» И назвали такие имена, что у Тихонова перехватили дыхание. Однако, сглотнув, пошутил: «Что, всех сразу?» — «Нет, — услышал бесстрастный ответ. — Очередность установишь сам. По своему усмотрению».

— Так, что утром меня вызывало одновременно несколько человек, случалось очень часто. Ведь я обслуживал больше 20 членов ЦК. Первыми, конечно, брил кремлевских, а потом уже всех остальных, в соответствии с рангом. Довольно долго я обслуживал Брежнева. Леонид Ильич мне, как мастеру, полностью доверял. У него были прекрасные волосы. Я их мыл — мылом или шампунем — что было под рукой, подстригал. Как известно, брови у Леонида Ильича, — улыбаются Тихонов, — были густые, кус-

тистые. . . Когда я немного освоился на новой работе, то сам предложил привести их в порядок: постричь, уложить. Брежнев сначала отказался, но потом заключил со мной договор: я делаю все, что сочту нужным, но вид при этом должен оставаться естественным.

С содроганием я вспоминаю сейчас вызовы в кабинет Кагановича. Человек деспотичный, своенравный. То бритва ему тупая, то одеколон не тот. Да и атмосфера вокруг него была угнетающей. Он заставлял, например, своего секретаря постоянно держать руку на телефоне, чтобы тот, едва прозвучит звонок, трубку снимал молниеносно. Чуть замешкается, такого фольклора наслушается, уши завянут. Я готов был хоть весь Центральный Комитет обслужить, только бы к нему не ходить. . .

Со Сталиным Константину Ивановичу работать не приходилось. Бог миловал. У него был свой мастер, сейчас он уже умер. В парикмахеры к Берия Тихонов не попал по состоянию здоровья — не прошел медицинскую комиссию.

Зарплата у Константина Ивановича была небольшой — 150 рублей в месяц, в последние два года до пенсии — 170. Один раз его коллега решил пожаловаться на это своему начальнику. Тот ответил: «У тебя что, работа тяжелая? Или вращаешься среди доходяг? Не нравится — никто тебя не держит». Один раз за 19 лет работы труд Тихонова отметили — наградили орденом «Знак Почета». Сам Брежнев вручал. Впервые за все годы и руку пожал. . .

Выпускник художественно-графического факультета Краснодарского университета Георгий Иващенко был в свое время исключен из партии за иконописание, а его трехкомнатная квартира, где он жил с женой и двумя детьми и в которой оборудовал мастерскую, находилась под пристальным вниманием городских властей. До сих пор иподиакон Георгий при архиепископе Краснодарском и Кубанском не может взять в толк, почему его безобидное занятие сочли тогда антипартийной деятельностью, враждебной Советскому государству...

В своем творчестве Иващенко следует классической русской традиции иконописи, о секретах которой он поведал во время нашей беседы.

Издавна русскую икону писали быстро; гораздо больше времени уходило на подготовку. Лучшим материалом для основы считалась хорошо выдержанная и тонко вытесанная липовая доска. Поверхность будущей иконы покрывалась "паволокой" — холстом, приклеенным на доску горячим клеем из рыбьего пузыря. На холст наносился левкас — грунт из растертого в пыль мела, смешанного с рыбьим клеем. Потом левкас полировался до зеркального блеска с помощью пучка высушенного хвоща. Краски также изготавливались из природного сырья вручную. Охра, лазурит, киноварь и некоторые другие минералы отбирались по цветам, растирались с водой, выпаривались, а полученные порошки вторично растирались с сырыми яичными желтками, в особых случаях с прозрачной вишневой смолой и вновь с рыбьим клеем. Нимбы над головами святых делались из тончайшего слоя

БОГОМАЗ ГЕОРГИЙ ИВАЩЕНКО

Разговор с мастером
современной иконописи

Фото Андрея СЕМАШКО

золотой фольги, приклеенной густо натертым чесноком. В этой естественной технологии и заключается, судя по всему, секрет яркости и свежести самых древних икон, словно неподвластных времени.

— Сейчас трудно во всех тонкостях соблюдать старинный устав, — говорит Иващенко, — но я стараюсь по возможности ему следовать, пишу

только натуральными красками. Это не просто дань традиции. На земле рожден человек, на земле живет, в нее же и уходит. Потому и древняя иконопись олицетворяла связь с землей, с природой. Я противник писания икон маслом. Это поздняя западноевропейская традиция, в которой есть свой смысл — служба там идет под насыщенные, густые звуки органа, и такую атмосферу масло пере-

работы кажутся мне необычайно современными, понятными, близкими. Говоря нынешним языком, Рублев был тонким лириком, а Грек — экспрессионистом. Рублевские иконы отличает трагическое спокойствие, моральная сила и созерцательность.

— Говоря об Андрее Рублеве, нельзя не вспомнить великих европейских мастеров. Например, более раннего Джотто или его современников — Мазаччо, Робера Кампена, основоположников нидерландской живописи XV века Хурберта ван Эйка и Яна ван Эйка. Техника их письма яркая, изысканная — полная противоположность аскетичной манере Рублева. Почему такое различие? Не потому ли, что Русь в это время переворачивала очередную страницу своей тяжелой истории, а Европа стояла на пороге Ренессанса?

— Не только поэтому. Джотто в основном писал фрески, делал росписи, другие представители итальянской и нидерландской школ тяготели больше к светскому направлению. Рублев и они — явления несопоставимые, поскольку лишь в православии икона занимает такое важное место, выступает предметом молитвы. Иконописание и картинописание абсолютно разные вещи. Картина на евангельский или библейский сюжет — пусть гениальная, но иллюстрация. Декоративность несовместима со святостью. Васнецов, например, писал не только картины, но и иконы, однако говорил при этом: «Да, красиво, но молиться на них я не могу».

— Нет ли противоречия в том, что святых творят руками грешного человека?

— Если икона творится с молит-

Икона "Казанская Божия Матерь".

дает хорошо. В православном храме моление происходит под легкое хоровое пение, и краски на иконах должны быть тонкими, прозрачными.

Непревзойденными мастерами русской иконописи были и остаются Феофан Грек и Андрей Рублев. Их

вой верующего, если он отрешен в это время от мирской суеты, то нет. Русская икона потому несколько "не от мира сего", что создается с глибо-

писец, прежде чем писать икону, должен был соблести предписанную процедуру: воздержание, пост и молитва. Правила были суровыми, и

ГЕОРГИЙ ИВАЩЕНКО

кой молитвой; она, по сути, руко-
творная молитва. В старину иконо-

Парсуна "Венок Освенцима".

соблюдать их мог только сильный духом человек. Когда работа воплощает в себе этот дух, личность иконописца, его нравственную энергию, тогда и появляются иконы, несущие идею Христа, символ нравственности.

— Лики святых на иконах вызывают чувство умиротворения. Но почему у них такие суровые глаза?

Икона "Господь Вседержитель".

— Они были реально жившими людьми, свидетелями событий нашей истории, немилосердной к народу. Но суровость несколько не то слово. Обратите внимание на сходст-

во выражения глаз богородицы и матерей, чьи дети пострадали от Чернобыля. Я раньше писал много парсун. Парсуна — это персона, живопись, которая не является иконой, а ближе к портрету. У меня есть цикл парсун, посвященных войне, жертвам концлагерей, чернобыльской трагедии. Мне хотелось передать характеры и переживания людей, их страдание и стремление к возрождению.

— Вы говорите о нравственности иконы. Это и есть причина вашего обращения к церкви?

— Со времени крещения Руси минуло десять веков. Православная вера — единственная из всех существующих в стране идеологий, которая не обанкротилась, не дискредитировала себя, которая вечна по природе своей. Русская церковь все вынесла и претерпела, и сегодня, в наше неспокойное время, она несет не только утешение, но и веру в лучшее будущее, в очищение и воскресение. Церковь необходима хотя бы потому, что события последних десятилетий просто заставляют думать о воле Антихриста.

— Но кроме веры в лучшее будущее нужен еще труд во имя его наступления...

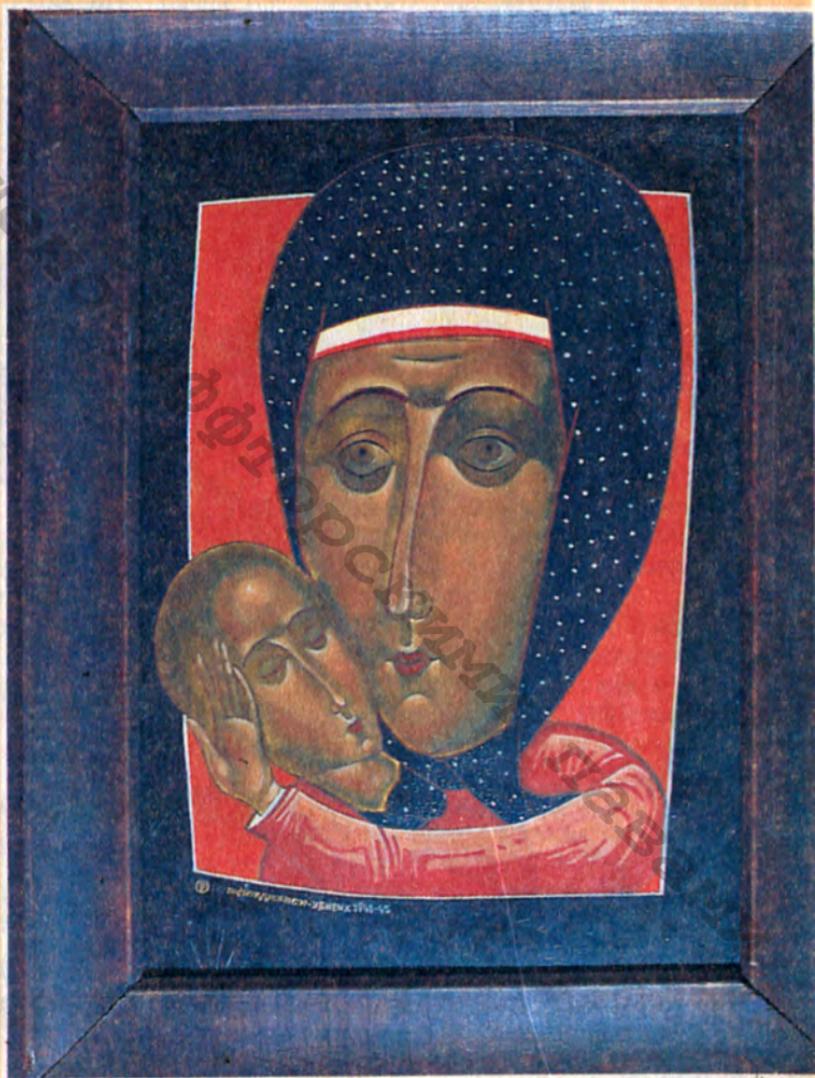
— Вы хотите сказать, что одной молитвой и верой не спасешься? Обретение веры — это обретение духовности, нравственности. Социальная нравственность стала у нас уравниловкой для большинства и привилегиями для немногих. Духовная нравственность — это неспособность быть преступником, туеядцем, приспособленцем, это стремление быть человеком. И обретение нравственности означает возвращение способности к продуктивному

труду.

— На мой взгляд, труд иконописца несколько противоречив. Чтобы иметь средства к существованию, он должен продавать свои

обмен икон на сребреники?

— Иконописца к этому принуждают обстоятельства. Прежде, в давние времена, иконописец состоял при храме или монастыре; это был

творения церкви или частным лицам. Вас не смущает невольный

Парсуна "Памяти убиенных в 1941-1945 гг."

Икона "Воскресение Лазаря".

род церковной службы. Теперь такой "должности" в церкви не существует. С раскола Русской православной церкви на старообрядцев и никонианцев начался кризис русской иконы. В XVIII веке иконы стали выпускать поточным способом, причем лики святых печатались даже на крышках. Отсюда поговорка: "Годится — молиться, не годится — горшки покрывать". В XIX веке иконы стали писать в основном маслом. В нашем столетии начавшееся с приходом советской власти гонение на церковь неизбежно сказалось на уровне подготовки священнослужителей. В результате священники в большинстве своем икону не понимают. Сегодня настало время возрождения церкви из руин, но средств на реставрацию и восстановление храмов катастрофически не хватает, и тут уж не до осознания значения иконы. Да и иконы, будучи принадлежностью церкви, на самом деле являются собственностью государства. Что может быть ужасней, когда на обороте древней иконы рукой кладовщика приколочена жестянка с инвентарным номером!

Иконописец — до сих пор полугалганая профессия, а сама школа иконописи уцелела чудом и держится на одиночках, таких, например, как отец Зенон в Псково-Печерском монастыре, у которого я постигал таинства иконописи, но таких, как он, больше нет. Отношение государства к иконе не слишком морально. С одной стороны — зарубежные выставки русских икон, скажем, в Ватикане, как средство укрепления государственного престижа. С другой — полное нежелание заботиться о них как о народном достоянии и вместе с тем нежелание передать эту заботу

церкви.

— Не является ли сохранение государственной монополии на икону определенным расходом? В том смысле, что в острых ситуациях она может служить эквивалентом твердой валюты и средством купли-продажи? Так было в двадцатые и тридцатые годы...

— Причин много. Но самое страшное в другом. Чаяния о возрождении духовности людей могут основываться только на взаимодействии религиозной и светской культур, вместе составляющих культуру национальную. Стремление государства подчинить светскую культуру целям одной идеологии со всеми вытекающими последствиями практически разрушило ее. Религиозная же только-только начинает трудный процесс возрождения. Взаимодействия между ними практически нет, а их нынешнее состояние вызывает огромную тревогу. Но я не теряю надежду: все же наша земля еще не окудела подвижниками...

— А кем вы считаете себя?

— Я скромный иконописец, богомаз, как говорили в старину, и это — образ моей жизни, служение Всевышнему и, хочу верить, Отечеству.

Специально для «СПУТНИКА».
Беседа вел Леонид ЗАВАРСКИЙ.

Ни один посетитель хосписа, специальной больницы для безнадежных онкологических больных, не может считать себя здесь навсегда посторонним. Страшная болезнь набрасывается без разбору на умного и глупого, осторожного и бесшабашного, бомжа и большого начальника. В лахтинской больнице, первом советском хосписе, им дарят последнее счастье:

ЖИТЬ ДО КОНЦА

Александр ВАСИНСКИЙ

Фото Андрея ЧЕПАКИНА

Умирание — не бросовый, но бесконечно важный этап человеческой жизни. Английский журналист Виктор Зорза понял это, когда на него и на его жену Розмари неожиданно обрушилось горе — раком кожи заболела их дочь Джейн. Она была учительницей. Ей было 25 лет. И дни ее были сочтены. Когда страдания достигли предела, Джейн поместили в хоспис — и перед смертью она смогла сказать: «Я умираю счастливой».

Выполняя последнюю волю дочери, Виктор Зорза стал инициатором распространения хосписов в мире. Недавно на окраине Ленинграда, в Лахте, его стараниями был открыт первый советский хоспис.

— Когда на меня обрушилась болезнь Джейн, я понял, что самое страшное насилие в мире — это насилие смерти. С ним никто не в силах ничего поделать. Хосписы показали мне, что если победа над смертью невозможна, то можно другое — уйти без отчаяния, с достоинством, завершив земные дела.

... Хоспис — это не просто место, куда собирают безнадежно больных. Хоспис — это мировоззрение, это

взгляд на последние месяцы, дни жизни как на полноценное и даже исключительно важное время. Если снять болевой синдром и подготовить человека, эти дни его жизни могут стать откровением для него самого.

В палате лахтинской больницы один пациент признавался, что только здесь он впервые задумался о себе: кто он вообще такой, характер какой, кого обидел. . .

— Раньше что я о себе знал? Да и то словами из характеристики треугольника. . .

... Лахта — это, можно сказать, загород, места зеленые, вольные. Рядом с шоссе — больница № 11. Одноэтажный дом, палаты, коридор. Окна выходят в сад, пробитый предосенним холодным и острым солнцем. На крыльце и скамейках — ходячие больные в накидках поверх халатов.

Персонал здесь небольшой: из набранных по объявлению 50 человек осталось всего 12. С ними занимались три медсестры — инструкторы из английских хосписов. Их окрестили здесь «три Эн»: Эн Неш, Эн Дент и Эн Браун — их «привез» с собой

Виктор Зорза. Англичанкам уже приходилось в Брюсселе, Люксембурге, на Мальте рассказывать о хосписах, учить культуре милосердия, продуманности каждого жеста, нюансам душевных состояний не просто больных, а больных безнадежно.

— Мы, разговаривая с пациентом, держим друг друга за руки, — говорит Эн Браун. — Между сестрой и больным вот что происходит: обмен энергией. Мы оба реципиенты, и сестра сочувствием берет часть болей на себя.

— Одна из главных заповедей хосписов — избавление от болей, которые часто испытывают раковые больные, — добавляет Зорза. — Вернее, есть боли, которые съедают даже само страдание, превращают человека во вместилище ужаса. Не освободившись от них, человек не может вспоминать, размышлять, подводить итоги. . .

В лахтинском хосписе применяют специальные западные препараты, которые не годны для наркоманов, но обладают полным обезболивающим эффектом для онкобольных. Персонал обучен всем способам и этапам помощи, начиная от подыскивания специальных «купирующих» поз, борьбы с пролежнями и кончая тем, как убрать у умирающего травмирующий его предсмертный хрип. Но главное — максимально падающая психологическая атмосфера, очень квалифицированный уход, подобающее питание. Все это, уверен Зорза, должна обеспечивать лахтинская больница.

— Таких, как она, я надеюсь, будет со временем в Советском Союзе достаточно много. Хосписы — для всех, кто в них нуждается. Знаете, ко

мне несколько раз приходили и предлагали субсидии, но взамен хотели войти в опекунский совет, чтобы диктовать, кого нам надо туда положить и тому подобное. Я сказал, что у нас в совете кристально чистые и всем известные люди, гаранты того, что хосписы в СССР будут высокогуманными учреждениями — я имею в виду академика Лихачева, патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго, писателя Гранина, некоторых народных депутатов СССР. Видите ли, я вообще не вел разговоров о хосписе в вашей стране, пока не нашел человека, просто созданного для этого начинания. Это пятидесятилетний врач Андрей Гнездилов, психотерапевт, кандидат медицинских наук и, самое главное, человек безупречной честности. Он, оказывается, 15 лет бился во все двери со своей методикой облегчения страданий умирающих онкобольных, но не находил отклика. Когда мы встретились, я понял, что хоспис в Ленинграде будет.

— Если больному никому не нужен — он наш, — считает Гнездилов. — В обычных больницах не любят безнадежных. Для лечащих врачей, для науки, так сказать, они неинтересны — с ними все ясно. Их скорей домой, чтобы статистику не портили.

В хосписах таким людям лучше всего. Их травмируют общие палаты с лечащимися, выздоравливающими, выписывающимися. Один удел сблизает и успокаивает. Как сказал Гнездилов, умирающий человек особенно нуждается в том, чтобы кто-то его любил, чтобы о нем сожалели — родственники, Бог, сосед по палате, врач, посторонний. От своей ненужности он страдает, и это страдания

убийственные, обида бессилия, покинутости. Одна больная сказала: «Не докричишься. . . Как живем, так и умираем».

— Ваши больные ничем не отличаются от английских, — считает медсестра Эн Неш, — разве что наши более требовательны, нетерпеливы. Русские не особенно надеются, что им помогут. Русские терпят боль. — И добавляет: они используют для описания боли всего 5-6 слов, англичане же — до 140, тщательно рассказывая, на что похожи их страдания.

Эн Неш рассказала еще, что в английских хосписах стараются выполнить последнее пожелание пациента, если оно, конечно, не очень нереальное. Так, один очень старый машинист попросил, чтобы ему разрешили проехать в кабине скоростного электропоезда. Совет попечителей хосписа дошел до министра транспорта и выхлопотал такое разрешение, хотя это было непросто. Старого человека внесли в кабину, пристроили рядом с машинистом. . . Когда он увидел несущийся навстречу путь, он заплакал от радости.

А Гнездилов вспомнил о девушке из советского онкоцентра, которая, чувствуя, что приближается смерть, захотела напоследок услышать «Фантазию» Шуберта, и кто-то из сотрудников помчался домой за пластинкой. В ординаторской был приемник с проигрывателем. Внесли, успели. Девушка не могла открыть глаз, но по губам все поняли, что она слышит, благодарит, прощается. . .

— Каждый носит в себе свою смерть, — говорил на своей лекции в лахтинском хосписе Гнездилов, — но душа созревает порой лишь к по-

следнему сроку. Может быть, для иного человека эти дни в хосписе, когда он выключен из привычной жизни, — самые важные, важнее юности. Для многих здесь откроется смысл жизни. Впервые. Человеку скоро умирать — и он это знает. И он — свободен.

Новизна хосписов и множество кривотолков, связанных с ними, заключены в правиле: врачи не говорят больному, что он безнадежен, если он об этом не спрашивает сам, — но никогда не уклоняется от правдивого ответа, если больной спросит.

Люди приходят в хоспис не умирать, а жить до конца. Это отменяет многие стереотипы, связанные с философией ложного оптимизма, правда о смерти противоречит советской врачебной этике, практике «отвлечения» больного от мыслей о неизбежном конце, представлениям о гуманности «лжи во спасение».

— Какого «спасения»? — Зорза возмущен. — В Советском Союзе ежедневно умирает от рака почти полторы тысячи человек. Согласно философии хосписов, скрывать от больного правду о том, сколько ему осталось, — бесчеловечно. Он не может подготовиться, собраться с мыслями. Проститься и простить. . . Тысячи людей умирают, не сказав (а близкие — не услышав) их последних слов. Знаете, что сказала мне Джейн в один из последних дней? «Для человека нет ничего важнее рождения и смерти. Когда я родилась, я ничего не знала. Умирая, я знаю все. Все вокруг меня добро, а не зло. Я готова умереть».

ретной.

В Свердловске через неделю после торжеств в честь 45-летия Победы над фашистской Германией скончался отставной сержант-артиллерист, Герой Советского Союза Анфилафин Шилков. Родственников у него не оказалось. Военкомат и совет ветеранов (государственная и общественная организации, причастные к судьбам нынешних и бывших солдат) хоронить его отказались.

Работники больницы, где умер 73-летний ветеран, сбросились, кто сколько может, и наскребли денег на гроб и транспорт. «Кладбищенская команда» в свою очередь пустила шапку по кругу и на собранные деньги поставила скромное надгробие на могиле Героя. А тем временем двое работников той же самой больницы представили подложный счет: «Гроб — 78 руб. 33 коп., венки — 34 руб. 88 коп. . .» И получив пособие на его оплату, положили к себе в карман 326 рублей 63 копейки.

Но неужели у нас полностью утрачено, если не почтительное, то хотя бы бескорыстное отношение к смерти? Оказывается, не совсем.

Из ленинградского морга некто, оставшийся неизвестным, под покровом ночи выкрал труп старухи. Перенес его через улицу и оставил на противоположной от морга стороне, прислонив к стене дома. Видно, решил «подшутить» над запоздалыми прохожими. . .

Вместе с жизнью всем нам дается и страх. Он помогает сохранить ее. Плохо, если этот страх сильнее и больше, чем того заслуживает. Но еще хуже, когда его пересиливает

испуг перед жизнью. Наша — такая, что перед ней меркнет страх смерти, который испытывает любое живое существо у последней черты. Это, наверное, и позволяет ощущать ее как невидимую границу между миром живых и миром мертвых. А мы, зачастую не сознавая этого, не видим этой границы, даже когда перед нами и вполне зримая кладбищенская ограда.

Северное кладбище в столице Белоруссии Минске. Круглые сутки на площади в 57 гектаров кипит жизнь.

Уже с утра здесь, особенно в погожие праздничные и выходные дни, появляются принаряженные горожане, захватив с собой, словно на пикник, спиртное и закуски, чтобы устроить застолье «на природе» за упокой души близких. Забрывают сюда в поисках укромного уголка и любители «сообразить на троих». Плач и причитания похоронных процессий соседствуют с громкими разговорами о сугубо земном и грешном.

Снуют среди могил бродяги, нищие и прочие личности без определенных занятий, ищущие средств к пропитанию. Небритые типы, туго набив авоськи пустыми бутылками, торопятся в ближайший пункт сдачи стеклотары. Совсем зеленые юнцы и вконец опустившиеся мужики сливают водку, оставляемую на могилах (есть у нас и такой обычай поминать родственников), и тут же перепродают ее по бешеным ценам.

— Крючки есть? Бабки с собой? — требовательно вопрошают, опираясь на лопаты, мужчины в зеленых робах у заплаканных людей. («Крючки» — разрешение горисполкома или Совмина республики на подзахоро-

нение, «бабки» — рубли.) Могильщики или копщики, как их именуют в просторечии, оценивают свои труды в зависимости от дня недели, погоды и просто собственного настроения. Случается, они (наверняка не без ведома здешней администрации) имитируют могилы на свободных участках, чтобы сорвать куш побольше: «Чужого покойничка ради вашего тревожим...»

Ночью на кладбище появляются призраки: грабят могильные цветочницы, отдирают от надгробий плиты и вырывают черный мрамор из остовов памятников. Покупатель, готовый платить втридорога за этот бывший в употреблении «товар», всегда находится: что поделаешь, если дефицит не миновал и загробный мир.

А о чем только не рассказывают 22 тома (!) уголовных дел, заведенных лишь за три последних года на служащих только одного похоронного бюро (официальное название этого хорошо известного минчанам заведения — спецкомбинат по коммунально-бытовому обслуживанию населения). Тут и вписывание в квитанции услуг, которых не было в помине, и обивка старыми кабинетными шторами гробов и гнилые доски, пущенные на их изготовление...

И сколько у нас в стране таких бюро и таких, как Северное, кладбищ.

Утрата представления о последней черте оборачивается и тем, что мертвые непосредственным образом оказываются втянуты в существование живых.

Вспышка антисемитизма, и в Бобруйске оскверняются еврейские могилы.

Пересмотр роли Союза во второй

мировой войне, и в Мурманской области расстреливают в упор солдатские надгробия.

Переоценка былых общественных ценностей, и в Амурском крае со скромной могилы Героя Социалистического Труда Ивана Ситникова срывают звезду.

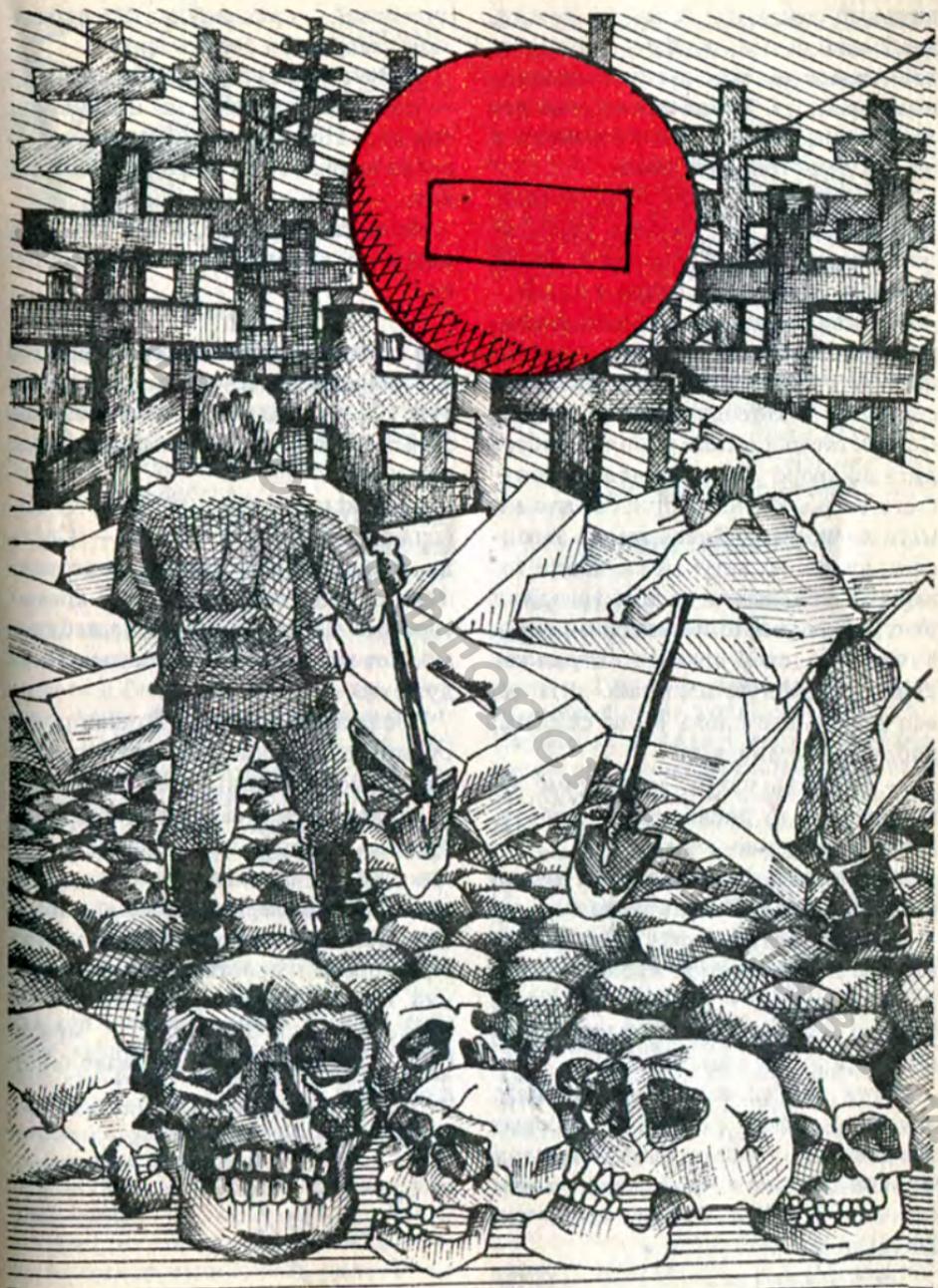
Признание ошибочным вступление советских войск в Афганистан, и в Донецкой области с корнем вырывают 45 кустов роз, высаженных матерью в память тех, кто погиб в чужой стране вместе с ее сыном...

Девальвация рубля, и мы готовы расплачиваться «расфасованными трупами» — органами для реплантации — за строительство инофирмой нового здания судебно-медицинской экспертизы в Москве, хотя у нас больные, нуждающиеся в донорских органах, годами стоят в очередях...

Что это — издержки нынешней перестройки? Нет, революция в загробном мире произошла у нас давно.

Пожалуй, первым, кому закрыли вход в мир вечного покоя и обрекли на принудительное бессмертие, стал Владимир Ульянов-Ленин. Его тело забрали у вдовы ближайшие соратники по партии и поместили в холодный деревянный склеп (прообраз нынешнего мавзолея) на Красной площади. А затем, когда дело двинулось к весне и потеплело, останки вождя передали — опять же без всякого на то согласия вдовы — анатому и биохимику.

Их эксперименты увенчались успехом. Толпы любопытных могут до сих пор лицезреть мумию (ее в духе времени в середине 60-х годов переместили из полувоенного френча в ци-

вильный костюм). А новые вожди, взобравшись на трибуну мавзолея, топчут его ногами в дни всенародных торжеств. Точно так же, как делали это до них те, чьим останкам и по сей день тоже нет покоя.

Как говорится, лиха беда начало. Чем дальше, тем больше ущемлялось право людей хоронить своих мертвых по обычаям отцов и дедов.

«. . . На одном из больших южно-русских литейных заводов произошел несчастный случай, рабочий свалился в кипящую массу чугуна. Сейчас же заводские рабочие собрались во дворе у многопудового кипящего озера. В слезах пришли жена и мать погибшего. Здесь же, на заводском дворе, на летучей панихиде товарищи покойного наспех говорили речи, в которых было много горечи и боли. Заводской оркестр сыграл какую-то траурную мелодию. И когда все печальные слова были сказаны, рабочие постановили:

— Пусть идет чугун, в котором заключено тело погибшего, в рабфту. Разлить чугун по чашкам!

Мать и жена подняли руки за это предложение. «Страна наша бедна», — сказали мать и жена. «Нам нужен металл для грядущей жизни, — сказали рабочие. — Сейчас не время прятаться за сентиментальные рыдания. Они будут лицемерны. . .»

Чугун пошел в работу! Из него сделали сотни разных и важных предметов. . . Может быть, в каждом из этих предметов заключена частица сердца, мозга, нервов, мышц погибшего пролетария. . .»

Так писала в апреле 1930 года газета Ленинградского отделения федеративного объединения советских

писателей, пропагандируя рецепт «пролетарского бессмертия».

Мертвые должны служить живым! — под этим лозунгом мы и живем до сих пор. Под ним же и хороним, повесив «кирпич» на врата вечного покоя.

Не знаю, как кому, а мне служить еще и после смерти как-то не хочется.

На одном из московских кладбищ я набрела на груды погребальных урн. Шел дождь, и пепел, просыпавшийся из них, на глазах смешивался с грязью.

— Невостребованный прах, — пояснил здешний служащий. — Соседи, знакомые, а то, бывает, родственники сдают тела покойных в крематорий, а потом хоронить не забирают. Вот урны и привозят к нам. Дойдут руки — приберем. . .

После этого случая я и решила составить завещание на случай скоропостижной кончины. Моя последняя воля: хочу стать «невостребованным прахом». А чтобы мое желание не сочли бредом сумасшедшей, постаралась аргументировать его по мере сил фактами, почерпнутыми из нашей прессы и собственных наблюдений. В конце концов завещание — не свидетельство о смерти и может быть составлено в произвольной форме?

Дар

Письма читателей

(Продолжение. Начало на стр. 43)

то поможет вам — буду рада, если покажется резким — извините, не я в том виновата, а жизнь наша. Русский народ до тех пор добр, куда его не доведут до крайнего возмущения.

Всего Вам дорого.

Наталья АБРАШКИНА,
20 лет, студентка
Иркутск, Советский Союз

Тон Вашего письма располагает к откровенности. Мне захотелось поделиться с Вами своими мыслями. «Русскую душу» формируют не только национальные черты, но в большей степени, по-моему, обстоятельства, при которых она росла. Если бы не исторические события, переломы, может быть, она бы не претерпела изменений и осталась той, которая жива в потомках так называемой «первой эмиграции», чьи родные вынуждены были покинуть Отечество после 1917 года.

Вас удивил тон статей в «Спутнике», его легко объяснить. Представьте себе человека, слепо верящего в то, что ему долго твердили, и вдруг узнает, что это был обман и что он был просто орудием, а за обманом скрывались несчастья и беды. Чувство вины, невольной сопричастности — вот что скрывается за «плаксивым» тоном статей, но такие чувства свойственны не всем русским душам, а только душам совестливым.

Отсутствие свободы порождает разочарование и мешает осознать

значение своего «долга» — этим и объясняется необходимость контроля, конечно, это не очень приятно слышать, но это правда.

Русская душа — это доверчивость и терпение, склонная к крайностям, но доброжелательная, хотя поддающаяся влияниям, не слишком энергичная и настойчивая. Чаще всего эти черты оборачиваются против русских.

У нас есть талантливые экономисты, ученые, но у них нет возможности послужить народу, а жаль. Измученная нация заслуживает лучшей участи, чем та, которую имеет сейчас.

Елена ГРУБОВА,
32 года, инженер
Жуковский, Советский Союз

ИНОЕ МНЕНИЕ

Разумеется, «Спутник», как того требует перестройка, не может представлять только одно какое-либо мнение. Я приветствую всякий добросовестный спор по общественным проблемам, но он должен вестись с уважением к оппоненту и историческим личностям, если те не зарекомендовали себя как человеконенавистники.

Решительно не согласен с г-ном Решем из Магдебурга (№1/91) в его оценке статьи «Воспоминания о Ленине» (№4/90). Видимо, г-н Реш довольно поверхностно читает «Спутник», иначе бы он заметил, как серьезно подходит журнал к освещению исторического прошлого Советского Союза и его анализу, как резко он в этом отходит от недемократических структур. У меня чувство, что к требованию «пересмотра чудовищных фактов из прошлого социализма» г-на Реша привело вырождение социалистических идей, результатом которого стал сталинизм. Хотел бы дать г-ну Решу хороший совет: глубже разобраться с

(Продолжение на стр. 128)

ЕГО ВСЯ ТУЛА ЗНАЕТ

Леонид ЛЕРНЕР

Ф о т о Павла ГОРШКОВА

За столом, по цыганскому обычаю, сидели только мужчины. Шум и веселье были так заразительны, что и не понимая многого из того, о чем вокруг кричали, темпераментно жестикулируя, я все равно был рад случаю, который привел меня сюда. И вдруг, перекрывая общий шум, кто-то крикнул:

— Миша! Спой для нашего гостя!

Сидевший напротив меня молодой красивый парень встал из-за стола. Шум разом стих. А парень, отстранив протянутую гитару, без аккомпанемента запел — великолепным басом — старинное цыганское страдание о безжалостно загубленной зеленой ивушке. Так познакомился я с Михаилом Сайченко, студентом Московской государственной консерватории. Поговорить нам тогда не удалось, а узнать Михаила поближе захотелось: очень уж необычным для цыгана был его выбор — консерватория. Но встретиться нам тоже не пришлось. Вскоре я услышал, что он бросил учебу, а потом и вовсе исчез. Одни говорили: сманила его красавица-ловарка на вольную жизнь, другие утверждали, что профессора консерватории не сумели понять душу цыгана и сгубили его.

Прошло несколько лет, историю эту я, в делах и заботах, уже начал забывать. И вдруг позвонил мне старый цыганский поэт Николай Саткевич: Миша Сайченко в Туле, поет в церковном хоре.

... С вокзала я отправился на городской рынок. Там обычно промышляют вездесущие цыганские корбейники и гадалки. И точно. Узнав, кого я ищу, затараторили, перебивая друг друга: «Миша-певчий? Да его все в Туле знают. Во Всехсвятской поет, а живет в Заречье». В церковь я пришел ко всенощной и, пробравшись поближе к клиросу, тут же увидел Мишу. А еще раньше — едва вошел — услышал его ликующий бас...

Поздним вечером сидели мы за столом, который быстро накрыла жена Миши, ловарка Лена, и он рассказывал о себе.

Вырос в рабочем поселке в Сибири. Да, семья уже оседло жила. Все жители поселка — ссыльные: в их числе и десяток цыганских семей. Ходил в среднюю школу и закончил ее, к удивлению собственных родителей. Петь в школе начал. В третьем классе с девочкой-ингушкой в дуэте пел, под баян. Нет, на гитаре не играл, некому было учить: они, Сайченко, кузнецы потомственные. После школы, в армии, тоже пел. В ансамбле Северного флота. И решил стать профессиональным певцом. Поступил в музыкальное училище в Омске. Но проучился только три года...

— Это я виновата, — подала голос Лена. — Приехала в Омск по своим цыганским делам. Увидела Мишу и

увезла его с собой в Тулу.

Так вот когда ловарка-то сманила! А говорили, из консерватории. . .

— Нет, — улыбается Миша. — Лена, наоборот, и заставила меня в консерваторию поступать, сам я бы никогда не решился.

Через месяц после свадьбы Лена повезла Михаила в Москву к Николаю Саткевичу, которого знала с детства (он преподавал в цыганской школе под Тулой, была когда-то такая!). Ей казалось, что Саткевич может все. И поэт сделал все, что мог: попросил в приемной комиссии консерватории отнестись к молодому цыгану со вниманием. Спел на экзаменах рахманиновскую арию Алеко, Михаил в числе десяти счастливых был принят на вокальное отделение.

— Многие думают, главное — поступить, а там ты уже вроде как у Христа за пазухой, — продолжал Михаил. — Это не так. Каждый предоставлен фактически самому себе. Я убедился в этом. Если не повезет, либо сам не найдешь преподавателя, который серьезно позаботится о твоём голосе, пиши пропало. Меня приняли, но никто не хотел брать в свой класс. Так я и слонялся, пока не увидел меня Владимир Атлантов, солист Большого театра. Спросил: «Ну, кто ты такой?» Прослушал меня, домой пригласил. Снова слушал. Сам взять не решился, но не бросил, помог: нашел мне преподавателя, замечательного педагога Александра Батурина. И все время опекал. Но он только год проработал в консерватории. Как я горевал, что он ушел! Будь он рядом, не случилось бы со

мною этой беды.

В студенческом общежитии кража произошла. Обвинили меня: цыган — значит, вор. Только Батуриин не верил и все пять месяцев, пока шло следствие, не вычеркивал меня из списков своего класса. А когда меня оправдали, снова взял к себе. Но. . . Год кончился, надо было петь зачетный экзамен, а я пять месяцев не занимался, голос сорвал. Судьбу мою решала уже комиссия. Отчислили все-таки.

Михаил вернулся в Тулу. К тому времени у них с Леной было уже двое детей. Стал искать работу. Предлагали петь в цыганском ансамбле, в ресторане. Не захотел. И вдруг позвали в церковь. Долго не решался.

— Светское пение сильно отличается от духовного, где многое поется на слух, но по «железным» канонам. Это надо было понять. Церковно-славянский язык освоить, молитву прочувствовать. Трудно. Не скоро пришла радость от этой работы. Зато сейчас бывают мгновения, когда вдруг слышу сам свой истинный голос — и мурашки по спине. Эх, если бы мне дали доучиться! Ведь я пробовал тогда, после отчисления, в Гнесинский поступить. Там спросили: «Откуда вы?» Сказал. Позвонили в консерваторию, справки навели и даже разговаривать не стали. Если бы рядом оказался человек, который поддержал. А я растерялся. Веру потерял. . . Многому с тех пор жизнь меня научила. Людей по-другому видеть стал. С клироса — все как на ладони. Дело, которому сейчас служу, серьезное. Чувствую это. А сча-

стлив ли? Я цыган, хоть и в таборе никогда не жил. С детства все так складывалось, что все я в другую сторону шел. Вот в опере петь мечтал, большим певцом, как Атлантов, хотел стать, по миру поездить. А может, то душа моя цыганская по воле тосковала? Может, табор да дороги степные, кусок хлеба да глоток воды родниковой — все, что нужно, чтобы свободным быть?

Указом «Об оседлости цыган», изданным в 1956 году, как бы подводилась черта под окончательным «закрепощением» цыганской воли, которое началось в двадцатые годы. Только в начале-то был Всероссийский цыганский союз, цыганские школы, артели, колхозы, что, как писали, стало «хорошей основой для развития их материальной и духовной культуры». Появились среди цыган ученые, врачи, писатели, инженеры. Большинство из тех, кто родился после второй мировой войны, знает о кочевьях только по рассказам отцов и дедов. Помню, как на вопрос: нравится ли новая жизнь? — старый цыган-колхозник отвечал: тянет по свету побродить, но перед родственниками неудобно, и хочу, чтобы дети мои учеными стали.

И вот сидит передо мной молодой цыган и не о своей жизни говорит, не о своей обиде — о народе своем. Отношение к цыганам в России всегда было терпимым. Пытались их сделать оседлыми и раньше, приобщить к земледельческому труду — на этот счет и указы царские специальные издавались. Но несмотря на неудачи, правительство никогда к крайностям, как в других странах, не прибе-

гало. Свойственная русским людям снисходительность позволяла цыганам чувствовать себя в мире этом вполне органично. Были они и искусными кузнецами, и лошадиниками, и музыкантами. Заметный вклад сумели внести в русскую культуру. И вот их заставили принять наши условия жизни. И что же? Исчезли исконные цыганские профессии, умолкли десятки прекрасных цыганских хоров, зато подросло целое племя цыганских «нищих», спекулянтов.

— Любый народ, потеряв самобытность, достоинство свое теряет, — говорил Михаил. — А цыгане? Цыгане — гости в любой стране. И вот что я вам скажу: какая страна — такие и мы. Мы тоже себя потеряли. И сами дали право презирать всех нас, скопом. Ведь презирают даже тех, к кому за помощью идут. Вот мы с Леной. В доме нашем стараемся людям

только добро делать. Денег одолжить, с горем, неприятностями, болезнями — все к Лене, за советом и лечением. А как-то разбаловались во дворе дети наши, все вспомнили сразу, что мы — цыгане. Государство всех людей унизило. Маленьким стал человек. Чтобы хоть какую-то компенсацию за государственное унижение получить, стали друг друга обижать. Ни в Бога, ни в дружбу не верят. Горько видеть это, иногда даже страшно. Но хорошее должно все-таки вернуться.

... Уже светало, и мы с Михаилом решили хоть пару часов поспать перед заутреней. Я хотел еще раз услышать его голос, голос цыгана — певчего Всехсвятской церкви, что в городе Туле.

Из газеты «МИЛОСЕРДИЕ».

Изготовитель высококачественной бумаги для полиграфии на международном рынке

MYLLYKOSKI OY

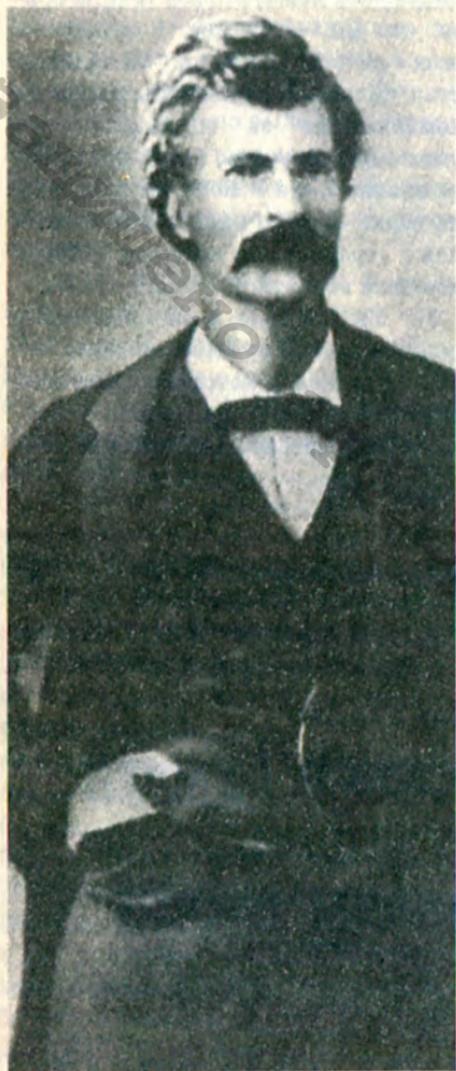
✉ 46800 MYLLYKOSKI
SF-46800 MYLLYKOSKI FINLAND

☎ (951) 50111
+ 358 51 50111

TELEX
52212
myra sf

TELEFAX
358 51 50505

Малоизвестное из жизни известных

Молодой Сэмюэл Клеменс,
известный миру как Марк Твен.

Фото из журнала «США: ЭКОНОМИКА,
ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ» и ИАН

Первыми «организованными туристами», посетившими Ливадию в Крыму, 124 года назад стали американцы, а их «гидом» по собственному дворцу был император России Александр II. Хронику этих событий оставил нам их участник — Сэмюэл Ленгхорн Клеменс, более известный миру под псевдонимом Марк Твен.

В ГОСТЯХ У РУССКОГО ЦАРЯ

Михаил ЗЕМЛЯНИЧЕНКО,
Николай КАЛИНИН

Летом 1867 года «Квакер-сити» — американский пароход новейшей конструкции с группой туристов на борту — направился к берегам Старого Света. В программе турне было посещение Франции, Италии, Греции, святых мест в Палестине, городов Черноморского побережья России, большой интерес к которой объяснялся оживлением русско-американского сотрудничества.

Душой собравшейся компании американцев был корреспондент газет «Дейли Альта Калифорния» и нью-йоркских «Трибюн» и «Геральд» Марк Твен, который должен

был готовить репортажи о самом интересном в этом необычном путешествии. Его впечатления от поездки впоследствии вошли в известную книгу «Простаки за границей», полную тонких наблюдений, искрящихся юмором. Одна глава «Простаков» полностью посвящена посещению американцами Ливадии и Ореанды и встрече с русским императором Александром II, императрицей, их дочерью великой княжной Марисей, братом царя великим князем Михаилом, другими членами царской семьи и высокопоставленными сановниками.

Итак, корабль прибыл в Севастополь. Узнав об этом, император пожелал встретиться с туристами из Соединенных Штатов в своем южнобережном имении, о чем тут же было сообщено американскому консулу в Одессу. 25 августа 1867 года «Квакер-сити» направился в Ялту.

Неожиданный поворот событий взволновал путешественников: они почувствовали себя участниками необычной миссии, представляя могущественному монарху дружественной державы народ Америки. Срочно было решено написать приветственный адрес и вручить его императору. Автором адреса был, конечно же, Марк Твен.

Можно не сомневаться, что он был искренен в выражении глубокого уважения к России. Только что в США закончилась гражданская война, правительство и общественность высоко оценили позицию России, поддержавшей сохранение единства и мощи США. Лорд Пальмерстон

признал в английском парламенте, что его правительство не начало интервенции отчасти из опасения, что США могли бы в этом случае «заключить военный союз с Россией».

Адрес пронизан духом того времени и стоит того, чтобы привести его целиком:

«Ваше императорское величество!

Мы — горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и принадлежит людям, не занимающим никакого официального положения, и потому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом вашего величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое, по свидетельству доброжелателей и недругов, всегда было верным другом нашего любимого отечества.

Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выраженные нами слова и вызывающие их чувства только слабый отголосок мыслей и чувств всех наших соотечественников — от зеленых холмов Новой Англии до далеких берегов Тихого океана. Нас немного числом, но наш голос — голос нации в целом!

Одна из ярчайших страниц, украсивших историю всего человечества с той поры, как люди пишут ее, была начертана рукою вашего императорского величества, когда эта рука расторгла узы двадца-

Александр II.

ти миллионов рабов. Американцы особо ценят возможность чествовать государя, совершившего столь великое дело. Мы воспользовались преподанным нам уроком и в настоящее время представляем нацию столь же свободную в действительности, какую она была прежде только по имени. Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годину ее великих испытаний. С упованием молим бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаемся, что благодарность России и ее государю живет и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что

Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком.

Ялта, Россия, 25 августа 1867 г.»

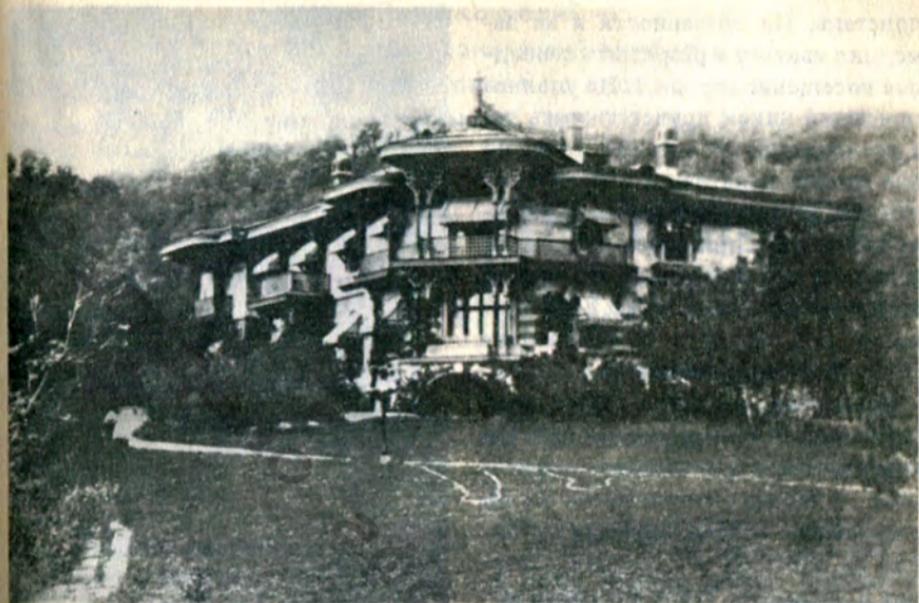
55 человек получили приглашение посетить дворцы царской семьи. Император прислал экипажи и, выслушав адрес, поблагодарил.

С интересом будущий великий писатель вглядывался в русского царя, его окружение. Внешний облик, манера поведения, доброжелательность и искренность хозяев поразили его: «На императоре была фуражка, скюртук, панталоны — все из какой-то гладкой белой материи, бумажной или полотняной, без всяких драгоценностей, без орденов и регалий. Император высок, худощав, выражение лица у него репительное, однако очень приятное. Нетрудно заметить, что он человек добрый и отзывчивый. В его глазах нет и следа той хитрости, которую все мы замечали у Луи-Наполеона.

... В его словах чувствуется характер, русский характер: сама любезность, и притом неподдельная. Француз любезен, но зачастую это лишь официальная любезность. Любезность русского идет от сердца, это чувствуется и в словах, и в тоне, — поэтому веришь, что она искренна».

Неожиданным для американцев оказалось и то, что царь и члены его семьи с видимым удовольствием сами показывали гостям дворцы и парки в своих имениях. Великий князь Михаил пригласил гостей на завтрак.

«У них это называется завтраком, — пишет Марк Твен, — но по-наше-

Таким увидели Большой императорский дворец в Ливади Марк Твен и его спутники.

му это — холодная закуска. Нам подали вино двух сортов, чай, хлеб, сыр, холодное мясо — все это сервировали на столах среди гостиной и на верандах — всюду, где было удобно. Трапеза прошла без всяких церемоний. Это было нечто вроде пикника.

Княжеский чай был отменно хорош. В него выжимали лимон или подливали ледяного молока — кому как нравилось. С лимоном вкуснее».

Марк Твен был восхищен Ливадией и Ореандой, отдавая должное изысканному вкусу как самих хозяев, так и создателей этих дворцово-парковых ансамблей.

Архитектура дворцов того времени была совершенно отличной от всемирно известного теперь Большого белого дворца, построенного по про-

екту Н.Краснова в 1911 году. Взору туристов предстали скорее не дворцы, а большие особняки, построенные из местного камня, с многочисленными балконами, лоджиями, богато украшенными деревянной резьбой. Имение было приобретено Александром II для климатического лечения императрицы Марии Александровны.

Сохранилось описание тех же событий, сделанное историком и исследователем Крыма В.Кондараки, в то время замещающим предводителя дворянства Ялты, насчитывавшей, кстати, не более полутора тысяч жителей.

Вот как он пишет о внезапном появлении американцев: «Лишь только народ осведомился, кто были эти гости, как толпы начали стекаться на

пристань. По обязанности я не замедлил явиться и разрешить свободное посещение города. . . Не уполномоченный никем приветствовать их, я воздержался от звучных фраз, но дал понять капитану и пассажирам, что они встретят в каждом доме радушие и гостеприимство». Туристы засыпали его вопросами «об образе жизни августейшей семьи, о народонаселении, климате и производительной промышленности».

Кондараки свидетельствует, что Александр II «соблаговолил выйти к ним навстречу и поздравить с приездом. . . . Монарх лично повел их по ближайшим аллеям, обращая внимание на наиболее интересные растения и предметы. Такое внимание монарха очаровало американцев».

Марк Твен: «. . . Царская фамилия несомненно считала, что, принимая нас, она может выказать отношение к народу Америки куда лучше, чем если бы осыпала любезностями целый взвод полномочных послов; и потому они со всем вниманием отнеслись к этому приему, который должен был знаменовать их доброе расположение и дружеские чувства к нашей стране. И мы так и поняли их приветливость, поняли, что она адресована не лично нам. Но не скрою, каждый из нас был полон гордости от того, что его принимали как представителя нации; и без сомнения, каждый гордился своей страной, гражданам которой здесь оказывают столь радужный прием».

Наступил день отплытия «Квакеры» из Ялты. Вечером, как пишет Кондараки, «наши гости осветились

Ливадийский дворец (так он выглядит сегодня) ежегодно посещают до 750 тысяч советских и иностранных туристов. Среди других достопримечательностей их привлекают мемориальные залы дворца, где в 1945 году проходила Крымская конференция.

на прощанье бенгальскими огнями и, пустив несколько ракет, снялись с якоря. Против Ливадии судно выпустило пар и начало салютовать императорскому дворцу».

А вот выдержка из «Записных книжек» Марка Твена об этом же событии: «Вчера вечером отплыли в Константинополь — салют, фейерверк. Прелестная маленькая плутовка, с которой я отплясывал на балу фантастический русский танец, не выходит у меня из головы. Ах, почему я не знаю русского языка!»

Из журнала «США: ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ».
Печатается с сокращениями.

— Пьер Кочубей? —
переспросил меня знакомый замбиец. —
Его дом найти совсем не сложно —
вам любой покажет дорогу. . .

РУССКИЕ ДВОРЯНЕ ИЗ ЗАМБИИ

Владимир ЗБАРАЦКИЙ

Фото из еженедельника «ЭХО ПЛАНЕТЫ»

Утопающая в зелени вилла в окрестностях Лусаки, аккуратно подстриженные газоны и кусты — все говорит о том, что здесь живут люди обеспеченные. Дверь открыла сама хозяйка дома. Провела в просторную гостиную с современной мебелью и мягкими коврами.

— Наверное, лучше всего начать с истоков нашего рода, — предложила Елена Викторовна. — Первые Кочубеи появились в России в конце XIV века. Предки нашей семьи — выходцы из Албании. («Кучубей» значит «маленький», или «младший бей»). Жили они не слишком богато, но были предприимчивыми и целеустремленными людьми. Расцвет рода приходится на время правления Петра I, который приблизил Кочубеев ко двору. В ту эпоху наши предки были советниками, служили в армии. Петр наделил их землями на Украине. Кочубеи очень любили царя, и потому его имя носит едва ли не каждый второй мужчина в роду. У нас почти все Петры Васильевичи и Василии Петровичи. Эта традиция продол-

жается и по сей день.

Дом Кочубеев органично вобрал в себя разные стили. Старинные абажуры, светильники и фарфор, африканские резные статуэтки черного дерева. . . Со стен гостиной смотрят многочисленные портреты представителей этого знатного рода, в библиотеке много исторических книг — на русском, английском; французском — каждый том так или иначе связан с судьбой рода.

Вскоре появляется и сам хозяин — высокий, сухощавый мужчина с манерами делового человека. Узнав, что я советский журналист, он приветливо улыбается и охотно включается в разговор. Как и жена, Петр Васильевич безукоризненно говорит по-русски. Я поймал себя на мысли, что такую правильную речь нечасто услышишь и в Москве.

— При Александре I Кочубеи укрепили свое положение при дворе, — рассказывает Петр Васильевич. — Бабушка наследника престола императрица Екатерина II сама отобрала пять мальчиков из дворян-

ских семей, которые воспитывались вместе с ее внуком. Среди них был и отпрыск рода Кочубеев. Позднее ему пожаловали графский титул. При Николае I он стал князем, положив начало княжескому роду Кочубеев. Были среди них министры, крупные землевладельцы, военные. Впрочем, на военную службу шли неохотно. По складу характера они были деловыми людьми. Многие получили агрономическое образование. В 1917 году наш род пережил ту же трагедию, что и большинство знатных фамилий. Земли Кочубеев были конфискованы. Одной из жертв стал мой дед, юрист. В 1918-м, во время гражданской войны, красноармейцы расстреляли его прямо на улице Киева, на глазах у всей семьи. Он никогда не был военным, не занимался антиправительственной деятельностью. Думаю, тот период истории был жутким, кровавым. . .

Наша семья бежала в Константинополь, — продолжает Петр Васильевич. — А затем перебралась в Австрию. Пробовали обосноваться на земле, но вскоре кончились средства и наступили тяжелые времена. Почти нищими Кочубеи попали в Бельгию, где им оказала помощь бельгийская королева, жена короля Альберта, у которой было немало родственников в России. Семья постепенно встала на ноги. Мой отец, Василий Петрович, учился и одновременно работал в ресторане, чтобы оплатить учебу. Закончил школу, поступил в университет, где получил диплом агронома. Профессию он выбрал потому, что не переставал думать о России, надеялся, что рано или поздно вернется домой и сможет работать на земле. Но с годами его представ-

ления о родине изменились — новая Россия не прельщала, а старая исчезла безвозвратно.

Отец женился на бельгийке. Вскоре появился на свет я, а после еще четыре сестры. Все мы — граждане Бельгии.

В 1937-м открылась африканская страница жизни нашей ветви князей Кочубеев. Отец уехал в Бельгийское Конго (нынешний Заир), купил там дом и в 47-м перевез всю семью в Африку. Помню, я очень плакал, не хотел ехать на Черный континент. А сейчас уже не могу без него. В 1960 году, когда страна обрела независимость, отцовская собственность была экспроприирована. Он вновь уехал в Бельгию, но вскоре устроился в Продовольственную и сельскохозяйственную организацию ООН. Работал в Италии, Египте, Сенегале. Умер он в 1977-м. А моя мама жива, ей 81 год.

В Бельгийском Конго я поступил в школу иезуитов. Окончив ее, уехал в Бельгию, чтобы продолжить учебу в университете, на юридическом факультете. Тогда же женился на Елене Викторовне Спечинской. Знакомы мы были с детства. Еще в 1940 году наши родители подружились в Бельгии, куда дворянская семья Спечинских перебралась из России сразу после революции, оставив родовое поместье в Чашниково под Зеленоградом. С Леной мы сблизились в Брюссельском университете, где она училась на факультете славистики.

Меня очень тянуло назад, в Африку, и, поженившись, мы уехали в Заир. Там я получил работу мелкого служащего в международной транспортной компании «Ажанс маритим интернациональ» (АМИ). Затем перебрались в Бурунди, где ро-

Петр Васильевич Кочубей.

Елена Викторовна со старшим сыном Василием.

дидись наши дети Василий, Николай и Мария. А в 1977 году мы переехали в Замбию, и по рекомендации АМИ я стал генеральным директором фирмы в этой стране.

— Как получилось, что вдалеке от России вы так хорошо сохранили русский язык?

— Наши родители бережно хранили все русские традиции, дома мы говорили только по-русски. С нашими детьми до 5 — 6 лет мы также объяснялись на родном языке. Но вот позже, когда они пошли в школу, родным для них стал французский. Годы учебы в разных странах — Замбии, Бельгии, а сейчас и в Англии, — оказали свое влияние. Бегло по-русски дети не говорят, но понимают язык хорошо.

Заметив, что я люблюсь интерьером, Петр Васильевич говорит:

— И дом, и обстановка не наша собственность. Все это, и даже машина, принадлежит компании. Мы,

конечно, люди не бедные, но деньги, которые я получаю, идут на жизнь, на учебу детей. Русские корни сказываются: мы любим приглашать в гости друзей и знакомых, путешествовать. . .

В это время раздается звонок, и в гостиную входит высокий, немного застенчивый юноша.

— Это наш старший сын, Василий, — знакомит нас Елена Викторовна. — Недавно он закончил колледж в Англии, занимался на факультете океанографии.

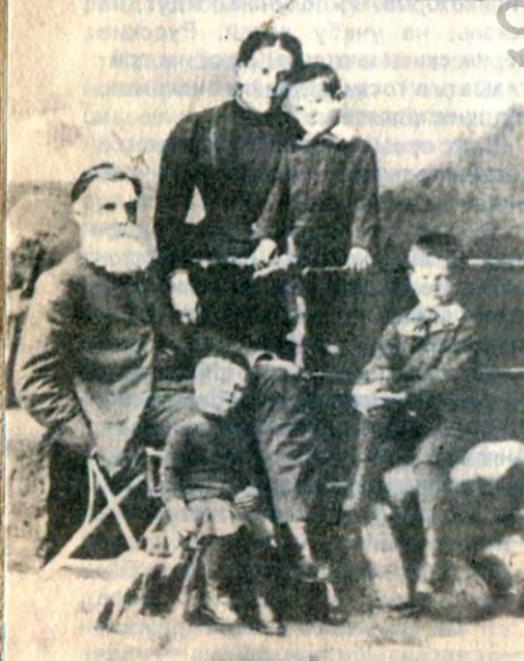
Младших детей — Николая и Марии — в момент нашей встречи в Лусаке не было. «Они тоже учатся в Англии и в ближайшее время должны приехать на каникулы. Скоро у нас в доме будет шумно и весело», — говорит Елена Викторовна.

Конечно, мне хочется узнать, бывали ли Кочубеи в СССР.

— Да, мы были в России трижды, — рассказывает хозяйка, — по-

Усадебный дом Кочубеев в поместье Воронки близ Чернигова.

следний раз — в 1977 году. Туристами посетили Москву, Ленинград, Киев. Даже съездили в Чашниково. На месте имения моих предков сейчас филиал биологического факультета МГУ. Впечатления от страны остались самые хорошие. Когда отправились в Россию впервые, сразу после нашей свадьбы, честно говоря, боялись. Знаете чего? Разочароваться. Но поездка оказалась приятной. Россия по-прежнему интересна, самобытна, люди удивительно гостеприимны. Мы внимательно следим за происходящими у вас событиями. В по-

Прадед Петра Васильевича советник императора Василий Аркадьевич Кочубей (1826 — 1897) с женой и сыновьями.

следние годы этот интерес особенно возрос.

Беседа подходит к концу. И тут Кочубеи вдруг предлагают мне посетить крокодиловую ферму, созданную ими в нескольких километрах от Лусаки.

Елена Викторовна садится за руль «лендровера», и через 15 минут мы на месте.

— Идея создать такое хозяйство наша, — говорит она, но мы не владельцы. Все доходы, и немалые, — от продажи крокодиловой кожи идут фирме АМИ. А мы ежегодно получаем премии. Эта ферма — гордость нашей семьи. Подобных хозяйств в Замбии больше нет. Здесь, как видите, больше двадцати крокодиловых бассейнов, в каждом живут рептилии самого разно-

го возраста. По соседству выращиваются утки и свиньи. То, что остается после обработки мяса, идет на корм крокодилам. На ферме мы не только работаем, но любим просто отдыхать, наблюдая, как ведут себя наши питомцы.

Семью Кочубеев в Замбии знают хорошо. Бизнесмены охотно сотрудничают с Петром Васильевичем — он всегда готов оказать деловую услугу. Нередко обращаются к нему за помощью и советские дипломаты, специалисты.

— Двери нашего дома всегда открыты для соотечественников. Приезжайте почаще, — говорит на прощание Елена Викторовна Кочубей.

*Из еженедельника
«ЭХО ПЛАНЕТЫ».*

Печатается с сокращениями.

Крокодиловая ферма в окрестностях Лусаки — семейная гордость Кочубеев.

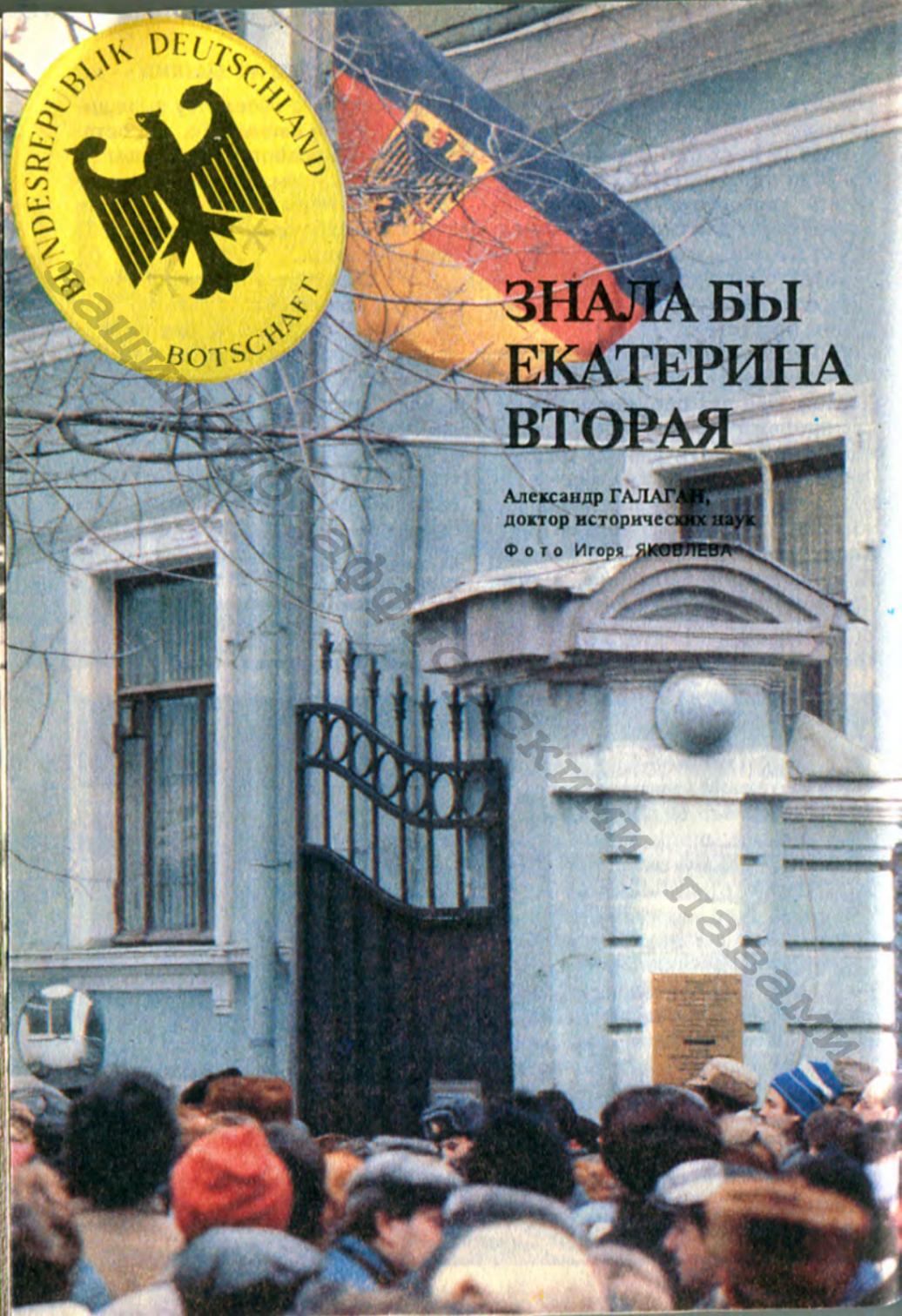

ЗНАЛА БЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ

Александр ГАЛАГАН,
доктор исторических наук

Фото Игоря ЯКОВЛЕВА

Из всех немногочисленных документов, которые хранились в нашей крестьянской семье, больше всего мне нравилось рассматривать один. Это был плотный лист вощеной бумаги, испещренный водяными знаками и словами, составленными из букв нашего и иностранного начертания. Он назывался *Geburtsschein* — Свидетельство о рождении № 19830. Поэтому мне уже с детства удалось узнать, не будучи немцем, некоторые немецкие слова, означавшие, что я — *Burger*, то есть гражданин, что мой отец — *Vater*, мать — *Mutter*, а моя родина — *Ortschaft Узморье Republik. АССРНП — Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья*.

— Мама, а где она теперь?

— Ее нет.

— А немцы где? Куда они подевались?

— Нет их, — уклончиво отвечала мать и просила, чтобы я никого больше об этом не спрашивал:

— Вырастешь — сам узнаешь.

Я рос, учился в школе, в институте, работал в городской газете города Энгельса — бывшей столице республики немцев Поволжья, и мой интерес к жизни и судьбе легендарного народа не утихал, а, наоборот, возрастал из года в год. Все, что я узнавал от родителей, односельчан, сослуживцев, записывал в толстую тетрадь, которая однажды исчезла при непонятных обстоятельствах. . .

Помню рассказ тети Вирки. Она жила на самой крайней улице села, по которой проходил шоссе́нный тракт Энгельс — Ровное (бывший Зельман). «Вот здесь они шли, — показывала тетя Вирки на дорогу перед домом и хваталась за голову. — Ма-

терь божья, как это было страшно!» Но справившись с волнением, продолжала рассказ, и перед моими глазами возникали события прошлого.

...На улице остановилась полуторка, полная людей в португезах и с наганами. Военные быстро обежали все дома на Степной улице и приказали жителям закрыться, не высывываться, ни от кого ничего не брать и никому ничего не давать. Заскочив назад в грузовик, они запылили в сторону немецкого поселения Брабандера.

Вскоре со стороны Брабандера слышался невнятный гул, вернее, вой. На Узморье надвигалась казавшаяся бесконечной колонна орущих, плачущих, рыдающих людей.

— Немцы идут! — закричал с чердака кто-то из пацанов.

Взрослые шли пешком, стариков и детей везли на подводах, а впереди и по бокам колонны двигались военные с винтовками наперевес. Когда колонна вползла в село, женщины-изгнанницы заголосили еще громче, им вторили разрывающие душу детские голоса. Из колонны во дворы и палисадники полетели пузырьки и камешки с записками.

Люди шли и шли через село. И день, и два, и три. . .

«Когда это было? Не помню точно, — тетя Вирки напряженно морщила лоб, — наверное, где-то в сентябре 41-го года. Тепло еще было. Накануне я вывесила постирушки, так к вечеру они почернели от пыли. . . Потом я нашла в огороде баночку изпод крема, а в ней записка. Таких записок тогда находили много. Угнанные немцы в большинстве просили об одном и том же: присмотреть за ос-

тавленней без хозяев скотиной, пододит коров. . .»

На обочинах шоссейного тракта, по которому гнали немцев, мальчишки нашли несколько изуродованных портретов Екатерины Второй. Крепко обиделись на нее изгнанники. Еще бы, царица обещала переселенцам из Европы спокойную жизнь на века, а вышло вон оно что. . .

История немецкой колонизации Поволжья восходит действительно к царствованию Екатерины Второй, хотя, по единодушному утверждению многочисленных дореволюционных историков, эта идея зародилась еще раньше, в царствование Елизаветы Петровны.

А все началось с того, что в сороковых годах восемнадцатого века в аристократических кругах Европы возник настоящий бум вокруг моды на шелка. Соответственно поднялись и цены на изделия из него. Женское шелковое платье стоило тогда целое состояние. Колониальные державы — прежде всего Англия, Франция и Испания — быстро смекнули и поставили под жесткий контроль корабельных пушек все морские шелковые пути. А цены на шелк продолжали фантастически быстро расти.

Вот тут-то советники и подали Елизавете Петровне мысль: почему бы не организовать шелковое производство в России, где немало подходящих для этого климатических зон (понизовые Волги, например)? Что же касается мастеров, то можно призвать их из Европы, посулив различные льготы. Так было и решено, но смерть дочери Петра I задержала реализацию проекта.

Прошло четверть века, и новая им-

ператрица, 33-летняя Екатерина Вторая, с присущей ей энергией взялась довести до конца замысел Елизаветы Петровны, правда, без прежнего акцента на шелководство. Взойдя на престол, Екатерина Вторая обнародовала указ (14 октября 1762 года), в котором повелевалось «раз и навсегда. . . без дальнейшего доклада» принимать на жительство в Россию всех иностранцев. Один за другим (4 декабря 1762 года и 22 июля 1763-го) последовало два высочайших Манифеста, приглашающих селиться в России всех иностранцев (кроме евреев — этот пункт был оговорен особо), которым гарантировались «монаршьи милости и благоволения», а именно: свобода вероисповеданий, безвозмездная ссуда на обустройство, тридцать десятин земли на каждую семью, освобождение молодежи «мужского пола» от воинской повинности и многое другое.

Первые переселенцы появились на Волге в 1764 году, а уже через три года на ее берегах обосновалось сто четыре колонии, в которых жило около 30 тысяч человек. Жизнь первых колонистов не отличалась ни благополучием, ни порядком. Прошло по меньшей мере двадцать, если не больше лет, прежде чем поволжские колонии стали процветающим регионом России.

В середине прошлого столетия немецких колоний было 189, в них проживало около 250 тысяч человек, располагавших 871 471 десятиной земли. Один из петербургских публицистов писал в начале 1890-х годов: «Екатеринштадт — столица самарских колоний — выглядит настоящим городом. . . Въезжая в колонию, сразу попадаешь в другой мир, резко разня-

щийся от окружающего русского населения. . . Все они (немцы. — А.Г.) одинаково ревниво охраняют свою обособленность и самобытность».

Поволжские колонисты в отличие от южных (одесских) и днепровских (из Хортицы) не имели прочных связей со своей прародиной, но поддерживали и развивали отношения с прибалтийскими (остзейскими) немцами. Почти все пасторы поволжских колоний были выпускниками Дерптского университета, а любимым чтением местной интеллигенции считалась газета «Rigache Zeitung». Несмотря на то, что делопроизводство и судопроизводство осуществлялось на русском языке, колонисты, как правило, русского языка не знали. Прибалтийские бароны недаром посылали в поволжские колонии своих отпрысков, чтобы они приобрели там «самую сильную немецкую закваску».

Но время шло, менялись поколения и вместе с ними жизнь. Бурные события XX века в России вовлекли в свою орбиту и поволжских немцев. Они активно участвовали во всех трех русских революциях.

Свою государственность поволжские немцы получили впервые только в 1918 году, когда В.И. Ленин подписал Декрет об образовании автономной области немцев Поволжья. В 1924 году она была преобразована в автономную республику. Здесь действовало 200 школ на родном языке, 5 вузов, 11 техникумов, издавалось 30 газет, работало мощное книжное издательство. . .

И вот грянула Великая Отечественная война. «Комсомольская правда» от 24 августа 1941 года рассказывала о мученической смерти от рук фашистов Генриха Гофмана из ре-

спублики немцев Поволжья. Ее уроженцу Роберту Клейну присвоено звание Героя Советского Союза. И не только ему одному. И вдруг — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». В нем сквозь корявый бюрократический слог отчетливо сквозила мысль: поволжские немцы — предатели. А раз так — в колонны их, одну из которых и видела тетя Вирки, в лагеря, на поселения в Сибирь и Казахстан. . .

Недавно я с братом ездил на родину, в наше Узморье. Сидим на лавочке у отцовского дома. Напротив стайка пяти-шестилетних ребятишек возится в куче песка. Вечерет. Из переулка появляется девочка постарше и кричит на всю улицу:

— Оскар! Маля! Мама зовет исть. Идите скорее.

Ребятишки — ноль внимания.

— Амалия! — кричит девочка. — Идите скорее, а то. . .

Завидев нас, девочка свои угрозы продолжила на родном, немецком языке.

А мы с братом вспоминаем собственное детство. Точно так же играли и мы когда-то с немецкими ребятишками. Только было это давным-давно. Где они сейчас, друзья далекого детства?

Пусть вернутся, пусть осядут у своих древних корней два миллиона советских немцев, как те полтора десятка немецких семей, которые уже вернулись в Узморье. Это их родина, родина их отцов, дедов и прадедов.

В этом бывшем немецком городе семь веков «пруссачества» напоминают о себе лишь контурами старых вывесок под облупившейся краской. В этом городе живет лишь один человек, в паспорте которого записано: «Место рождения — Восточная Пруссия».

ПОСЛЕДНИЙ НЕМЕЦ КЕНИГСБЕРГА

Александр ХОХЛОВ

Фото ИАН

— Ты из КГБ? — спросил он через дверь.

Я пролезнул в узкую щель редакционное удостоверение. Покачиваясь и переминаясь с ноги на ногу, он долго рассматривал его, прежде чем утвердительно сказать:

— Ты из КГБ. Вздохнул и добавил: «Заходи...»

... В Кенигсберг русские войска входили трижды. В 1757-м, 1813-м и 1945-м. В последний раз для того, чтобы остаться. После второй мировой войны третья часть Восточной Пруссии перешла к СССР. Город философа Иммануила Канта и астронома Фридриха Бесселя стал областным центром Российской Федерации. Области дали имя умершего в 1946 году «всесоюзного старосты» Михаила Калинина, а заложенный в 1255-м город соответственно стал Калининградом.

В путеводителях для туристов его принято называть «городом с интересной судьбой». Если судить по ярким буклетам, то самым интересным и значительным в его судьбе стали успехи последних сорока пяти лет в промышленности и сельском хозяйстве...

Что было ждать этому городу от русских, окропивших своей кровью каждый разбитый до щебенки кирпич? По постановлению правительства сюда ехали по вербовке погорельцы из центральной России. Переселенцам давали во владение аккуратные немецкие фольварки, скот... С немцами (а их оставалось в советской зоне Восточной Пруссии почти сто тысяч человек) жили мир-

но. Удивительно: пайки в те голодные годы были одинаковыми — для победителей и для побежденных.

А с 1947-го началась тотальная депортация немцев в Германию. В отличие от прибалтийских республик, вооруженного сопротивления здесь не было. Выселяли трудолюбивых и послушных новой, советской, власти бюргеров и бауэров. На члена семьи — чемодан. На сборы — сутки. К 1949 году, по официальным данным, в Калининградской области не осталось ни одного немца.

... Он поверил, что я из газеты, лишь тогда, когда я согласился с ним вышить. «Из органов побоялись бы», — пьяно буркнул он и принес бутылку. Мы пили теплую водку, а он все спрашивал:

— Скажи, вы, русские, нас, немцев, победили. . . Но почему здесь так плохо живется?

... В 1945-м семнадцатилетнего Франца Райха бросили в Кенигсберге родные. Или забыли. Отец работал по найму у бауэра: мастерил телеги, сани, делал дворовые пристройки. Мать с двумя младшими сидела дома. Старший брат, Рудольф, воевал с русскими. А Франц учился в Видминнене на шофера. Начались бомбежки, и он поехал к родным. Но бауэр-хозяин ухмыльнулся и сказал: тебя бросили. Кровь ударила в голову, и Франц никуда больше не поехал. Остался у хозяина, помогал ему закапывать добро. Только управались — пришли русские. Передовые части ушли дальше на запад, а на следующий день тыловики-обозники расстреляли бауэра. Франц никого

не винил — он уже знал, что война безжалостна.

В конце 1945-го он пошел устраиваться на работу к русским. В конторе связистов проверок не устраивали, записали со слов, что из военнопленных, француз, зовут Франсис Беру, желает остаться жить в Стране Советов.

В 1950-м он познакомился с Галей. Ему — 22, ей — 19. Он — французик из угнанных, она — дочь героя-полковника. Франсис один как перст на земле, и Галя, сбежавшая от издевательств злой мачехи, одна-одинешенька. Соплились. Сын родился. Записала его Галина на себя, на свою простую русскую фамилию. Как и второго сына, и дочь.

В 1963-м ее вызвали в «органы», и она — после всех пережитых страхов — обрадовалась: как же правильно поступила с детьми, как правильно! Муж-то — Господи! — немец.

... Все немецкое в этом городе уничтожалось. Главной задачей было искоренить сам дух «пруссачества». Был у немцев блок улиц, носящих имена великих композиторов. Заменяли на имена русских, оставив только улицу Бетховена. Да и ту вскоре переименовали. Одной из улиц в 1945-м дали имя Тельмана. Сделали ему памятник — а пьедестала нет. Дали команду — нашли. Статую, сделанную скульптором-самоучкой, водрузили на постамент памятника Иммануилу Канту работы великого Рауха.

Были уничтожены и немецкие кладбища: на костях разбили парки. Полуразрушенный Королевский за-

IMMANUEL KANT
1724-1804

мох снесли. «До основания». Уже 15 лет на его месте строят Дом Советов. Когда достроят — неизвестно. Здание почему-то все время перекашивается. . .

. . . Беда пришла к Францу от добра. Через Красный Крест его нашли родители. Радоваться бы, что живы и здоровы. . .

Райх молчит. Потом совершенно трезвым голосом говорит:

— Вот тогда я в первый раз и выпил.

Что хочет он залить, затопить водой: давнюю мальчишескую обиду на родителей? Застарелый, панический страх перед «органами»? Невозможность что-то изменить, вернуть назад?

Он не написал родным ни одного ответа. А письма из Германии зачитаны до дыр. Он напивается и плачет над фотографией, на которой нет людей, а только два серых гранитных памятника: «Рихард Райх. 4.11.82», «Марта Райх. 4.11.85».

На мать Франца очень похожа его дочь. Она училась в другом городе. Франц и Галина боялись, что в калининградском вузе станет известно о национальности ее отца. Это был конец 70-х. Муж дочери — моряк. У них в семье были нелады, когда он узнал правду о Франце. Но обошлось. Это были уже 80-е. В 1990-м по Калининграду ездил троллейбус с надписью на борту: «Нашему городу — 735 лет». Один день ездил. Сняли с линии, надпись затерли.

Францу Райху в самом начале нашего знакомства я солгал. Я пришел к нему напрямиком из областного уп-

равления КГБ. Не верил, не мог поверить, что в Калининграде не осталось ни одного немца. Но розыски были безуспешными, пока я не обратился в КГБ. Его сотрудники дали мне восемь адресов. Это — по области. В самом Калининграде живет только один немец — Райх. «Не думайте, что мы следим за ним, собираем на него материал», — уверял меня сотрудник УКГБ. . .

. . . А Райх уже совсем пьян.

— Германия здесь уже не быть. . . Здесь много русской крови. . . Я своей родине не изменил. . . И умру здесь. . . Но почему здесь так плохо живется?

*Из газеты «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА».
Печатается с сокращениями.*

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ «ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ»

Светлана ПЫЛЬЧЕНКОВА

Фото Алексея МЕЛЬНИКОВА

В Москве, в Большом Гнезди-ковском переулке, в старом доме под номером 10, а вернее, в подвале поселилась... Летучая мышь. Нет, не маленький зверек, который пугает людей по ночам звуком своих перепончатых крыльев. Не он, а... театр.

Как новое повторяет хорошо забытое старое, так «Летучая мышь», возрожденная Григорием Гурвичем, схожа с той, мхатовской, что славилась в начале века в столице и, навсегда покинув Россию, еще долго блистала в Нью-Йорке и Париже...

... Новый год в Художественном театре. В партере вырастают столы. На них, словно по мановению волшебной палочки, появляются безумные яства, всевозможные напитки. На всех этажах — аттракционы, чайные и — бешеный карнавал.

Королем этого ежегодного праздника был малоудачливый и малоизвестный актер Московского Художественного театра Никита Балиев, маленький комичный толстяк с армянским выговором. Царствование его длилось всего одну ночь в году. Но Москва долгие месяцы повторяла балиевские шутки, удивлялась трюкам неузнаваемых Станиславского и Немировича, Качалова и Чехова.

После нескольких лет невероятного успеха Балиев решил открыть собственный театр — артистическое кабаре «Летучая мышь», название которого пародировало мхатовский символ — чайку. Было это в 1908 году.

Страшные и беспокойные годы

перед войной 1914 года вылились на сцене кабаре в уникальный каскад номеров политической сатиры, пародий, классики, изящных миниатюр, грассирующих романсов. Сделав «Летучую мышь» самым престижным местом Москвы, Баглиев приглашал для участия в его дивертисментах русских и зарубежных знаменитостей. Шаляпин и Вахтангов, Качалов и Коонен, Станиславский и Немирович-Данченко и еще многие, многие другие, составлявшие славу российского театра, считали за честь выступить хоть с небольшим номером в этом кабаре.

В 1920 году «Летучая мышь» навеки покинула Россию. Она блистала в Париже, имела шумный успех на Бродвее, песню «Катенька» из репертуара театра напевала вся Америка. «Летучую мышь» в эмиграции посещали Чаплин, Гилгуд, Паола Негри, другие звезды мирового театра и кино восхищались ею, но никто из соотечественников не знал о мировом триумфе театра. Имена его актеров исчезли и из театральной истории России. . .

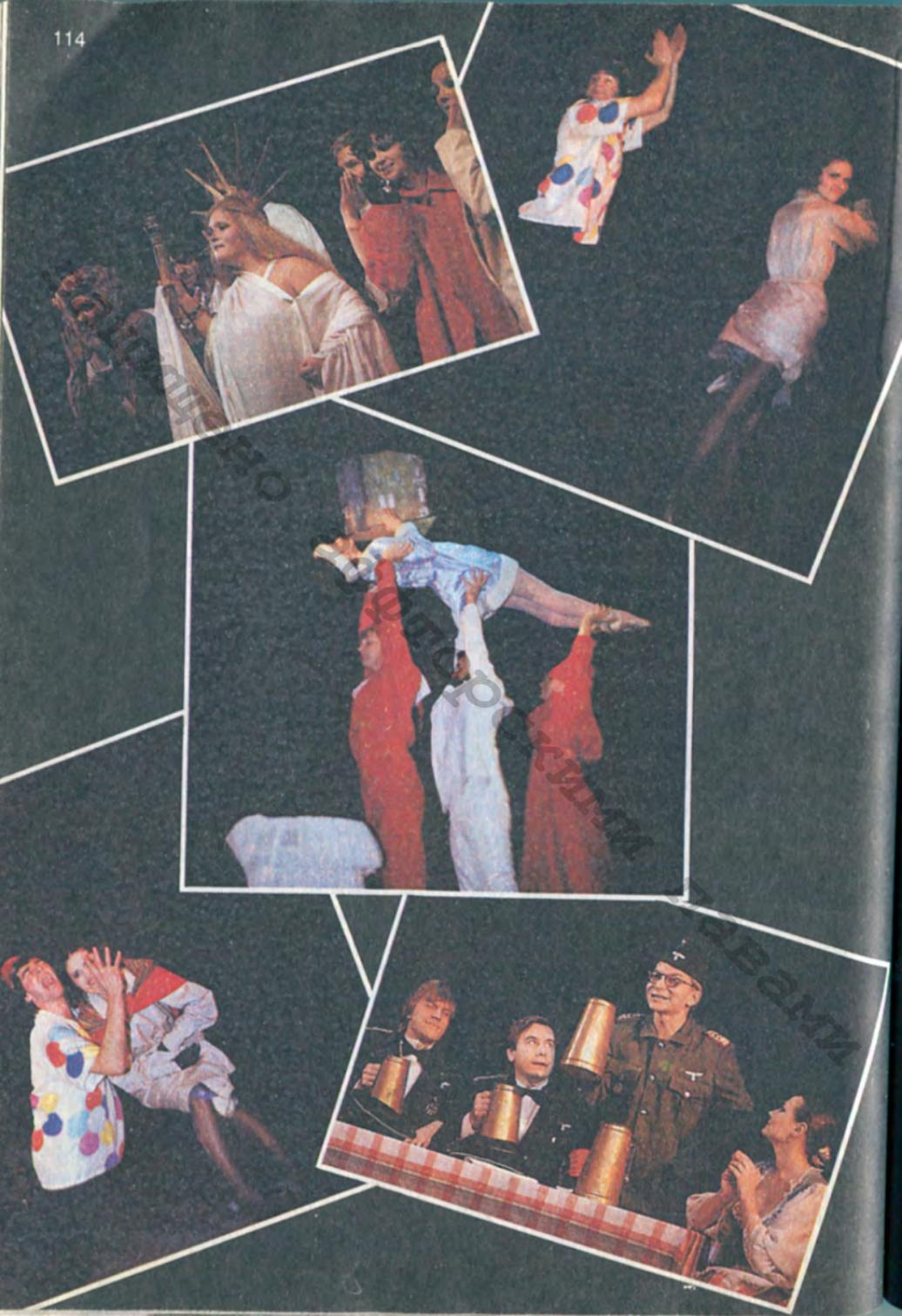
Григорий Гурвич, художественный руководитель, директор возрожденной «Летучей мыши», рассказывает:

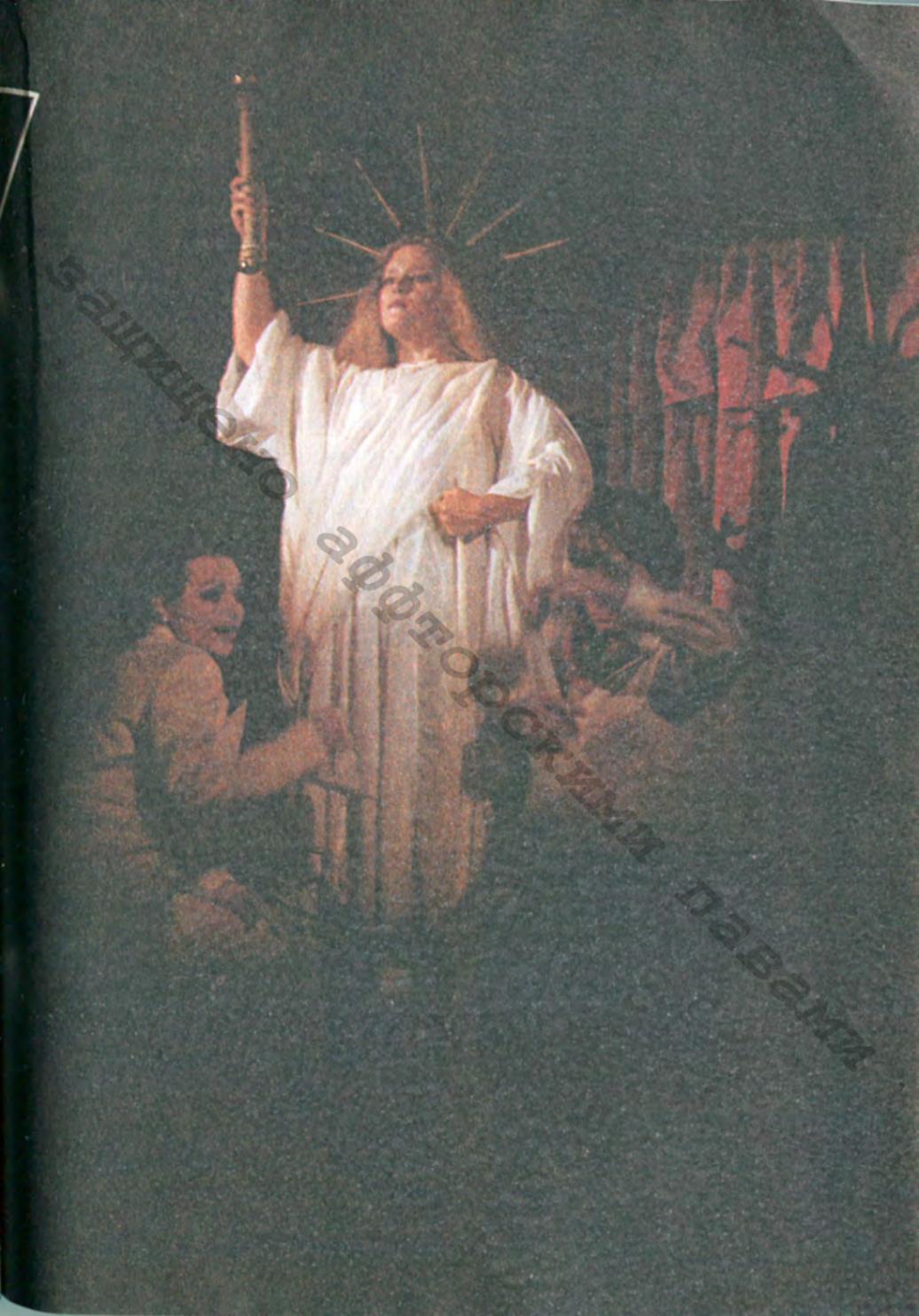
— У нас началось все с Марка Захарова. После первого мхатовского «капустника», сыгранного в Центральном Доме актера, он подошел ко мне и сказал таким проникновенным голосом: «То, что я видел сегодня — «Летучая мышь». Я вам советую открыть этот театр в Москве еще раз». Честно говоря, я был против. Страшно не понрави-

лась эта идея. Думал, Захаров мне попросту голову морочит, хочет из игры вывести. Ведь в те годы я был уверен, что рожден для того, чтобы ставить драмы, Чехова, Островского, как минимум. А «капустники» — так, баловство и все. И потом, я, как любой советский человек, при слове «кабаре» представлял себе ресторан в порту, или кабачок, где танцуют проститутки. И только теперь вижу, как был не прав.

Открытию нашего театра предшествовала душещипательная история с оптимистическим началом, ужасающей серединой и счастливым концом, — продолжает Гурвич. — Идея, поданная Марком Захаровым, не забылась. Я, естественно, начал суесться, искать место для будущего театра, средства, придумывать его внешний облик. И однажды предложил главному режиссеру театра имени Ермоловой Валерию Фскину вместе открыть театр-кабаре в пустующем кафе «Марс», что в самом начале Тверской. Он был в восторге от этой идеи. Полгода мы носились с ней как с писаной торбой, обсуждали, строили планы, надеялись. Не просто разговаривали — делали проект, разрабатывали интерьер. . . А через полгода он сказал мне: «Извини, старик, ничего не вышло». Но к тому времени я уже ушел из трех театров и думать не хотел о чем-то другом.

Я вышел от него совершенно оглушенный. Не слишком приятно было думать о том, что вот сейчас я приду домой и скажу жене: «Знаешь, ничего не вышло». И тут я встретил руководителя фирмы

Башинское

аффтюрский павелит

«Комплекс» Алексея Савченко-Бельского. Он, зная о моих планах, спросил:

— Как у вас дела с театром?

— А никак! — что я мог еще сказать.

— Ну так мы вам поможем.

И уже через два месяца у нас была необходимая сумма. Этому человеку я буду признателен всю жизнь. . .

— Как бы вы сформулировали в нескольких словах кредо вашего театра?

— Интересно, сентиментально, смешно, искренне. И зрелищно. Вот черты, присущие нашему жанру. Пожалуй, еще богатство и буржуазность — тоже наши слова.

— Почему, на ваш взгляд, потребность в театрах вроде «Летучей мыши» возникла именно сегодня?

— Весь парадокс в том, что такие театры, как наш, и появляются именно в такое время, как наше. И никак иначе. Вспомните, Германия, начало века, расцвет кабаре. . . Ба-бах — тридцать третий год. Россия, начало века, расцвет кабаре. . . Ба-бах — семнадцатый. Улавливаете параллель? Расцвет кабаре происходит в атмосфере безвластия, шатания и разброда, когда людям очень хочется забыть. И еще — когда жить в стране становится страшновато, а интеллигенция теряет чувство юмора и ударяется в политику.

Конечно, есть такие вещи, которых наш жанр не касается. Например, делать спектакль про афганскую войну я бы не стал. Это как кровоточащая рана. Согласен, на-

ше представление вызывает грусть. Но форма, интонация — они с просветом. На сцене много поют, танцуют. И зрители благодарны. Они видят, что никто не пытается сделать вид, что все хорошо. Мы словно говорим: ничего,

ничего, жить можно. Живем же. И надо жить. Зритель чувствует это и очень здорово реагирует.

— Каким вы видите свое будущее?

— Театр не развивается по плану. Время диктует ему свои условия. Вот я сделал первый спектакль «Чтение новой пьесы». Пытаюсь понять, как жить дальше. Ставить каноническую пьесу? Могу. Но нужно ли это? Ведь на такой спектакль в «Летучую мышь» никто не пойдет. Потому что от нас ждут нетривиального репертуара. Сегодня я точно знаю одно: надо развивать жанр музыкального шоу. Если бы в России не закрыли все театры-кабаре, мы сейчас имели бы свой Бродвей. Не только в смысле миллионного шоу-бизнеса, а в смысле потрясающего уровня актерского мастерства. Сейчас театры делятся по жанрам — драматический, оперетты, балета. . . А так был бы другой, смешанный жанр. Ведь шоу — это когда душа свободна не только на сцене, но и в зрительном зале.

— Ваш самый большой успех. . . Он был? Или еще будет?

— Я не мастер заглядывать в будущее. А из того, что прожито, называю три счастливых дня. Первый — капустник 1983 года, когда «Летучая мышь» уже появилась на свет, но еще не подозревала о своем рождении. В фойе Дома актера — 250 человек. Все — звезды советского кино и театра. И наша команда. С этого вечера все и началось.

Второй день — 26 мая 1989 года, премьера, открытие театра.

На снимках слева:
за кулисами
«Летучей мыши».

На верхнем фото
главный режиссер
театра-кабаре
Григорий Гурвич.

Тогда еще никто не знал, что будет, как будет и вообще, будет ли. Все были полны сомнений. Утром в день премьеры наш художник Боря Краснов кричал на меня: «Ты сошел с ума, еще ничего не готово, а ты назначил премьеру!» И он был прав. Мы не были готовы.

За месяц до премьеры мы обзвонили всех гостей, театральную публику, журналистов, предупредили, пригласили, а в последний момент выяснилось, что рано. Но еще раз обзвонить 300 человек за один день просто невозможно. Кроме того, в следующий раз мне бы просто не поверили.

Спектакль был близок к провалу. Он сыпался на глазах и шел на 30 минут дольше, чем сейчас. И вот финал. Зрители поднялись и истошно вопят. Пробрался за кулисы, а там весь зал. Целуются, плачут, поздравляют друг друга. . .

Третий успех — спектакль в ФРГ. Кассель, первые гастроли. В зале — ни одного русского человека. Спектакль идет с переводом. И все же — успех.

За спиной Григория вдруг возникает обаятельная женщина и неслышным голосом говорит:

— Через пять минут последний звонок.

. . . Проплутав по коридорам, вхожу в зал. А там, на маленькой уютной сцене, в элегантном смокинге, лаковых штиблетах и при бабочке зрителей уже приветствует Григорий Гурвич. . .

Письмо в редакцию еженедельника «Поиск» содержало сенсационную информацию: экстрасенсов, изобретателей «вечного двигателя», откровенных шарлатанов финансируют спецслужбы и оборонные ведомства, скрывая их

ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Борис ПАСТЕРНАК

Рис. Алексея ОСТРОМЕННОГО

«Я столкнулся со злокачественной формой лженауки» — такой фразой начиналось письмо члена-корреспондента АН СССР Евгения Александрова, заместителя директора Государственного оптического института.

«Эка невидаль! — подумал я. — Да лженаука прямо-таки кидается на меня с каждого книжного прилавка. Вот и мои знакомые выпускают газету под названием «Невероятный мир», и я вовсе не порываю с ними отношений. Хотя чепуха там несусветная. В последнем номере, к примеру, перепечатали американскую статью с фотографией, запечатлевшей агентов ЦРУ в момент задержания ими инопланетян. Для меня эта статья лишь свидетельство того, что и за океаном есть такие же веселые ребята, а вовсе не доказательство полного торжества там лженауки.

В конце концов всех этих «колдунов России», экстрасенсов и прорицателей я считаю просто субъектами общественной жизни. Чью-то веру в чудо науки опровергнуть не в состоянии. Неужели серьезный ученый Александров

этого не понимает?

Но далее в письме сообщалось нечто такое, что заставляло вспомнить о спецслужбах уже серьезно. «Речь идет о закрытой масштабной программе, проводимой в интересах различных «компетентных» ведомств, — писал Е. Александров. — Программа совершенно одиозная. По существу те же НЛО, «полтергейсты», «паранормальные явления», но в упаковке суперсовременной научной терминологии. . . Будучи осведомленным о суммах, расходуемых на безумцев и проходимцев, я считаю своим долгом сделать все для пресечения этого безобразия». Я тотчас вылетел в Ленинград для встречи с ученым.

Прежде всего я спросил, не боится ли мой собеседник ответственности за разглашение государственной тайны. Реакция была весьма спокойная:

— Совершенно не опасаясь. Секретов в этой области просто нет. Все — полная туфта. Но всякие наши «особые ведомства» на протяжении, видимо, десятков лет подпитывают ее. Мне и раньше приходилось читать какие-то idiotические отчеты, авторы которых говорили, что их финансировали якобы КГБ или отделы Министерства обороны. Но я как-то не воспринимал их всерьез, эти разработки у меня вызывали просто смех. Одним из первых обратился, помнится, ко мне некий К. из Ленинградского оптико-механического объединения. . .

К. сообщил Александрову, что обнаружил новые лучи, «заряженные нейтрино». Исходил он в своих исследованиях из средневековых работ о магии кристаллов. Лучи проходили у него «сквозь все», а изюминка была в том, что фиксировались они, разумеется, лишь экстрасенсом, которому нужна

была для этого палочка — «лучше из дерева» — с надетой на нее катушкой, «настроенной на частоту протонного резонанса». На касающиеся технических подробностей вопросы Евгения Александрова изобретатель толком ответить не мог, но сказал, что прибор «действовал хорошо: экстрасенс аж вздрагивал». . .

Лучи использовались, конечно, для решения любых задач, и в первую очередь для лечения от всех болезней. У К. оказался целый чемодан всяческих протоколов: коровы лучше доились, куры лучше неслись, раны быстрее заживали. . .

— Но что меня совсем уж сразило, — рассказывает Александров, — так это техническое воплощение всего этого вздора — аппаратура К. была просто на уровне космической техники!

К. обратился к Александрову за протекцией как к человеку, обладающему большим весом в министерстве. Ученый отказал, добавив, что примет участие в любой экспертизе, чтобы разоблачить этот вздор.

— Вот так я впервые услышал, — говорит Евгений Борисович, — что «научная группа» в составе десяти человек уже девять лет исследует несуществующие лучи и пользуется для этого финансированием государственного ведомства по борьбе со шпионажем.

Но еще большие неожиданности поджидали ученого впереди.

Министерство направляло в институт для отзыва или для организации экспертизы отчеты о неких работах, поразившие Александра «огромным размахом глубоко антинаучной деятельности с совершенно фантастическими притязаниями». Вот, к примеру, манифест новой науки, представленный Тульским политехническим инсти-

тутом. Группу в два десятка исполнителей возглавлял идеолог, который с марксистско-ленинских позиций доказывал существование единого метода получения любых открытий. Там были и явно параноидальные типы, и просто малограмотные личности, эксперименты ставились совершенно нелепые, зато выводы делались глобальные.

В частности, эта группа разрабатывала новый принцип перемещения в пространстве — без опоры, со скоростью выше скорости света, причем сам движущийся предмет становился... невидимым и невидимым. И под всей этой «научной частью» стояла замечательная приписка, на которую и должен был клюнуть богатый заказчик: объект пригоден для несения оружия, в том числе ядерного, с мгновенной доставкой его в нужные точки. Был в тульской лаборатории создан и свой генератор всепроникающего таинственного излучения! И, конечно, прилагался свой чемодан протоколов, в котором лежал и «царь-эффект»: сообщение о возможности влияния на климат. КПД у прибора был такой: потребляя 20 милливатт энергии, он облагораживал климат на всей территории СССР.

— Я не верил своим глазам! — воскликнул Александров. — К делу были приложены снятые со спутников и обработанные на ЭВМ картины облачного и растительного покровов на больших территориях! На отчетах стояли подписи руководителей Госкомгидромета! Все это было официально заказано и оплачено!..

Для сомневающихся был заготовлен воистину нокаутирующий удар: рекордные урожаи 1976 и 1977 годов были получены страной потому, что генератор в Туле работал почти непрерывно! Теперь, мол, об этом можно сказать открыто... .

Вывод из отчета следовал такой: работы необходимо продолжить на совершенно новом уровне финансирования. О направлении грядущих исследований авторы сообщить пока отказывались, так как степень секретности документов представлялась им недостаточной.

На папках с их отчетом стоял гриф «Совершенно секретно»... .

По поводу тульского отчета Александров предложил: лишить всех участников работы ученых степеней, лишить их права заниматься научно-технической работой за государственный счет и привлечь к ответственности всех, кто подписывал им финансирование.

Последнее он написал, конечно, сгоряча и необдуманно, поскольку тем самым обрек свой отзыв на полную консервацию под сукном министерского стола. И ничего не случилось! Спустя пару лет он узнал, что некая проверка была проведена и группу распустили, но вовсе не в связи с его отзывом. Просто все такие прожекты в силу своей авантюристичности рано или поздно должны как-то ликвидироваться, сходить на нет. И предпочтительнее всего — незаметно. Ну не получилось, отрицательный результат — тоже результат, наука требует жертв... Расходы — списать!

Но, умирая, такая авантюра непременно прорастет свежим побегом: все то же самое, только в новой упаковке.

В прошлом году Александров получает приказ (разумеется, с грифом «Секретно») о том, что институту в числе десятка других предприятий и учреждений отрасли предписывается принять участие в новой работе под названием «Спинорные поля, спинорные технологии» (потом к названию было добавлено слово «биоэнергетика»). Просмотрев бумаги, Александров по-

нял, что его ожидает новая встреча со старыми знакомыми.

«Спинорные поля» могли буквально все: уничтожать военную технику противника, при воздействии на машины и механизмы экономить топливо, при воздействии на организм человека уменьшать потребление пищи. Ну и, понятное дело, повышать урожайность сельхозкультур и лечить любые болезни.

Было, правда, и кое-что новенькое, сравнимое с облагораживанием климата. При своевременном включении генератора спинорное поле могло останавливать либо превращать землетрясения!

И вскоре Евгений Борисович был приглашен на инструктивное совещание в одно из оборонных министерств.

Участникам совещания был представлен руководитель Центра нетрадиционных технологий А., отрекомендовавшийся специалистом по квантовой электродинамике. С коварством настырного экзаменатора Александров задал ему несколько вопросов и, окончательно усомнившись в его квалификации, спросил в лоб:

— Не могли бы вы дать ссылки на свои опубликованные работы?

Что ответил А., легко угадать. Он сказал, что все его публикации были закрытыми.

— Хотя, — смеется Евгений Борисович, — я не слышал ни об одной закрытой публикации в этой области и не думаю, что таковые вообще существуют.

Но все эти мелочи мигом отлетели в сторону, едва речь пошла о финансировании.

— Этот человек, — продолжает Александров, — назвал сумму в 500 миллионов рублей! Нашему ведомству могло перепасть миллионов 20 — 30.

На вопрос, что это за «спинорные по-

ля», он получил достойный ответ: «Вы сначала заключите с нами договор, а потом мы вам предоставим всю информацию». Кое-что выведать все же удалось: фиксируются «спинорные поля» пока — ну, конечно, — лишь экстрасенсами. А. особенно нажимал на проблемы связи, уверял, что самые секретные работы развернуты под эгидой разведывательных ведомств, что эксперименты ставятся непосредственно на Лубянке, из подвалов которой и ведутся «закрытые спинорные передачи». На окраине же Москвы находится приемник-экстрасенс, который и ловит сигнал. В момент его приема электрическая проводимость между руками экстрасенса недвусмысленно меняется. (Прогресс налицо: раньше экстрасенс просто «аж вздрагивал».) Причем сигнал проходит сквозь частотол москвских стен без задержек и искажений. И при этом не может быть никем перехвачен, так как адресован «индивидуально». В общем, мечта резидента.

Когда задали вопрос, не доводилось ли в ходе экспериментов перехватывать сигналы, посланные тем же способом из-за рубежа, А. просветлел лицом, приосанился и доложил: «Я должен вас обрадовать. В этой области мы ведем опережающие исследования».

Обидно, но тут А. прав. В этой области мы, похоже, и в самом деле «впереди планеты всей».

В очередной приезд министра в институт Александров попросил его об аудиенции «по вопросу о «спинорных полях». Обмен мнениями был недолгим, министр предупредил его, что «имеются сегодня и иные точки зрения». Кстати, сказал он, как вы объясните мне такую штуку. . .

И министр поведал историю, которая достойно пополнила собой александ-

ровскую коллекцию чудес, «недоступных уму». На одном из «режимных» предприятий отрасли произошла авария, ядовитая жидкость протекла в шахту и вызвала отравление у горнорабочих. Проверка показала, что завод и без аварии отравляет всю округу, сбрасывая в реку чрезвычайно загрязненную воду. В проверке участвовал и экстрасенс. Да-да, кивнул министр, заметив недоумение Александра, у нас в министерстве работает экстрасенс, мы его приглашаем, если надо что-нибудь найти, ну и вообще, он многие задачи решает. И вот этот экстрасенс предложил нам очистить воду. Принесли ему три плоскости, две — для очистки, одна — контрольная. Он сделал пирамидки из картона, накрыл плоскости, помудрил над ними, поработал. . .

— Что значит «поработал»? — спросил Александр. — Что он делал?

— Ну, не знаю, — ответил министр. — Биополем их как-то облучал, что ли. . . Минут пятнадцать он, значит, поработал. . .

Через четверть часа пирамидки были сняты, и в обеих плоскостях обнаружилось бурье комочки. Анализ показал, что вода стала чище.

— Ну, и что вы скажете? — спросил министр.

Ни секунды не промедлив, Евгений Борисович изложил свою версию: видимо, экстрасенс употребил один из препаратов, которые называются флокулянтами и применяются для обеззараживания питьевой воды. Достаточно маленькой щепотки или капельки, чтобы вызвать выпадение примесей.

— Я смотрел на министра, — говорит мне Александр, — и видел на его лице глубокое разочарование и неудовольствие. К теме он быстро потерял интерес.

Что же касается «спинорных полей»,

то министр сказал, что и сам-то в них не очень верит, но виноватым себя в расходе средств на исследования не считает. Потому что наше министерство, подчеркнул он, никаких денег на это не тратит. Средства выделяет Госкомитет по науке и технике, наши люди получают зарплату. Что же в этом плохого?..

Александр исправно являлся на все последующие совещания в министерство и пытался в одиночку противостать разрыванию бессмысленных, но масштабных работ. Доклады там о многом: одни на весьма серьезном предприятии под действием «спинорного излучения» достигли «уменьшения веса тела на 80 процентов», другие фотографировали сквозь стены, третьи добывали энергию из ничего под действием «микрелептонного газа». . . Однажды он обратился к заместителю министра, который председательствовал на совещании:

— Если вы действительно верите во всю эту чепуху, то почему не сосредоточились на решении энергетической проблемы. Стране не хватает нефти и угля, а вам предлагают добывать дармовую энергию. Почему вы не беретесь?

Ответ был из категории убийственных:

— Мы не министерство энергетики.

Вот о чем рассказал мне автор письма. А я пожалел, что людей, готовых подобно Александру бороться совершенно бескорыстно — то есть исключительно ради доброго имени отечественной науки и экономии государственных денег — таких людей еще мало-мало. . .

Хотите верить, хотите нет

В Издательстве «Новости» вышел первый выпуск альманаха чудес, сенсаций и тайн «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ». Его страницы повествуют о невероятных событиях, случающихся с нами и вокруг нас, о загадочных явлениях, чья природа пока не раскрыта. Предлагаем познакомиться с рассказом очевидца странных происшествий, помещенным в главе «Когда становится страшно...»

ПРИЗРАКИ НА УЛИЦАХ МОСКВЫ

Сергей ПАНАСЕНКО, журналист

Рис. Андрея БАЛАШОВА и
Юлии НИКОЛАЕВОЙ

2 часа 40 минут. Глубокая ночь. Мой спутник, московский архитектор Евгений Александров, закуривает новую сигарету: кажется, третью за последнюю четверть часа.

— Волнуешься? — спрашиваю его.

— Ладно-ладно, — с шуточной угрозой в голосе отвечает он. — Я сейчас на тебя самого посмотрю...

Мы стоим на перекрестке двух небольших переулков в районе Патриарших прудов. Считай, центр Москвы. Тихо. Лишь с Садового кольца, до которого рукой подать, время от времени долетает шум проносящегося автомобиля, да в

доме за спиной у нас плачет ребенок. Я представляю, как над его кроватью склоняется растрепанная со сна мать, как бормочет слова утешения.

— Спокойно! — хватает меня Евгений за руку, хотя я и без его команды стою неподвижно. — Едет!

Начинаю напряженно вслушиваться. Сперва — ничего. Потом издали доносится звук работающего мотора. Сначала мне кажется, что звук идет со стороны Садового кольца, но источник его все ближе, и я понимаю: автомобиль катит по переулку прямо к нам. Машинально ищу глазами приближающуюся машину. Но улица пустынь

на, как и минуту, и пять назад.

Я забываю обо всех предостережениях и предупреждениях, сделанных мне накануне Евгением и повторенных сегодня. Волна неодолимого страха накатывает на меня. По узкому переулку на нас — мы стоим на краю тротуара — движется просто звук: иначе описать это невозможно. Я отлично различаю спокойный, ровный шум мощного автомобильного мотора. Могу даже проводить машину глазами: вот она приближается, вот почти поравнялась с нами, вот миновала нас и поехала дальше. Но машины нет, и все это — один только звук. Мостовая пуста, как может быть пуста мостовая крохотного московского переулка около трех часов ночи.

Краем глаза замечаю, как растет столбик пепла на сигарете в неподвижной руке Евгения. Он, как и я, зачарованно следит за перемещением звука. Между тем невидимый автомобиль — иначе не назовешь — замер у двери небольшого особняка. Отчетливо слышно, как мощный двигатель работает на холостых оборотах. Затем происходят вещи, заставляющие меня и вовсе похолодеть от ужаса. Раздается звук открываемой двери. Спокойные шаги, голос, говорящий что-то (слов разобрать не удается). Щелкает замок в дверце автомобиля, спустя несколько секунд кажется, что дверь особняка захлопывается. Мотор прибавляет обороты, и вот последние звуки тают в ночи.

Все это таинственное представление занимает, по словам Евгения (я, конечно, на свои часы посмотреть забыл), около трех минут.

И, видимо, примерно столько же мы стоим не шелохнувшись: я — парализованный испугом и неожиданными впечатлениями, Евгений — наслаждаясь моей реакцией.

— Что я тебе говорил? — торжественно произносит он, когда ко мне возвращается способность членораздельной речи.

Чтобы мой шок был понятнее, надо добавить, что особняк, неподалеку от которого мы дежурируем и напротив которого останавливалась машина-невидимка, старожилам известен как «дом Берия». Здесь жил этот кровавый пособник Сталина. Однако связано ли напрямую это обстоятельство со звуковым призраком, три-четыре раза в месяц, по наблюдениям Евгения, появляющимся в переулке, достоверно утверждать сложно.

Евгений — неофициальный руководитель небольшой самостоятельной группы, поставившей себе целью изучение наблюдающихся на ночных улицах Москвы необъяснимых феноменов. «Нас интересуют только улицы, — объяснил он мне еще при знакомстве. — То, что творится в домах, в подвалах, на чердаках, уже не наша епархия».

На протяжении десяти лет Евгений и его единомышленники — двое инженеров, один ученый-физик, один рабочий и даже один милиционер — тщательно записывают, проверяют и анализируют загадочные звуковые и зрительные явления, свидетелями которых за это время было немало людей. «Много, конечно, на поверку оказывается чепухой, — утверждает Евгений. — Кому-то померещилось, ну и начинается трезвон. Мы взяли за

правило вносить в картотеку лишь те аномальные явления, которые зафиксированы нами не менее двух раз на одном и том же месте».

Мы продолжаем наш разговор в квартире Евгения за крепчайшим чаем. Хозяин разворачивает передо мной обычную карту Москвы. Она, оказывается, покрыта странными значками.

— Это схема появления в городе звуковых и зрительных феноменов, которым не удалось подыскать рациональное объяснение, — комментирует мой собеседник. — Форма значка обозначает вид явления, а цифровой код несет информацию о частоте происшествий, их продолжительности.

— Вот это что? — Наугад тычу пальцем в крестик где-то в районе Большой Колхозной площади.

Евгений секунду-другую всматривается.

— А, это черная тень. Гость довольно редкий. Большой Сергиевский переулок, дом три, во дворе. Вообрази огромный силуэт мужчины, ростом до второго этажа. Стоит всю ночь до рассвета: жутковатый, но безобидный. А вот это, к примеру, знаешь что? — Он переводит мой палец в Замоскворечье. — Очень милые кошки. Пересекают улицу от дома к дому, из стены выходят, в стену же возвращаются. Сначала даже смешно наблюдать. Но если окажешься на их пути — лишишься рассудка.

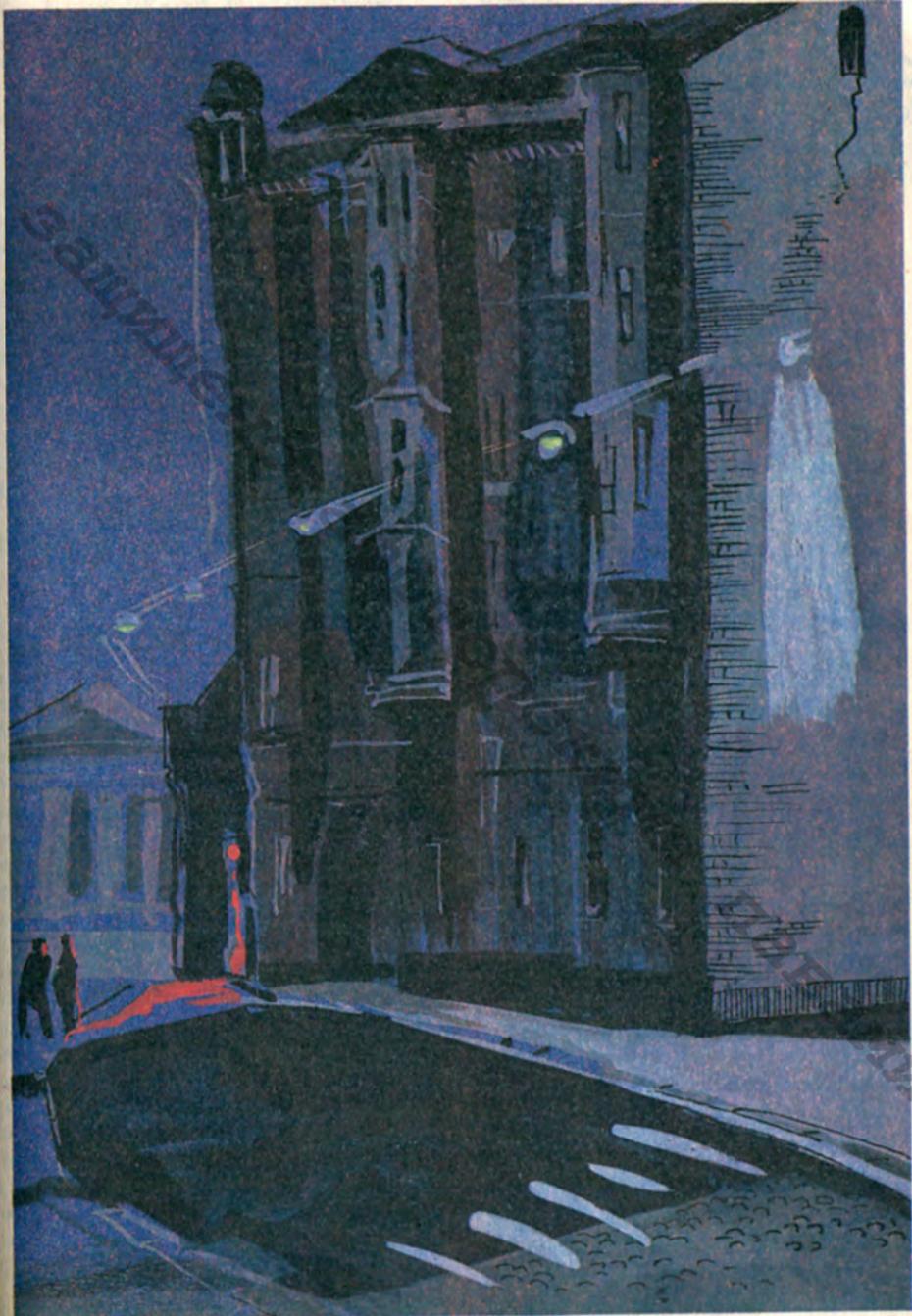
По словам Евгения, все аномальные явления в городе можно разделить на четыре главные группы. Первая — просто звуки. Это, как он считает, самое безопасное. Вторая и третья группы — подвиж-

ные и неподвижные фантомы, но без звука. «От встреч с ними вреда тоже особого не бывает, — считает он. — Дальше обморока дело не заходило».

Наиболее опасными последствиями чреватых встречи с фантомами озвученными. «Я убежден, — доказывает Евгений, — что некоторые из них попросту смертельны для человека. Это выходит на поверхность какой-то совершенно чуждый нам мир, от которого следует держаться подальше. Подозреваю, что часть нераскрытых исчезновений людей как раз на совести этих чудовищ».

Аномальные феномены, судя по составленной группой Евгения схеме, распределены по Москве неравномерно. Заметно гуще значки расставлены в районах Таганки, Яузских ворот, переулков вокруг Пятницкой, а также в районах между улицей Герцена и Бронными улицами. Реже встречаются они на Арбате, почти нет на Полянке и Плющихе. Вовсе избавлены от риска встреч с такого рода «визитерами» жители новых районов.

— Я не думаю, что надо кидаться объяснять подобные явления, — отклоняет мою просьбу Евгений. — Это вообще очень распространенная ошибка многих увлекающихся различными аномальными явлениями: рассыпать версии и гипотезы без всяких к тому оснований. Ну наплету я тебе про пересечение биополей и мировую душу: даст это что-нибудь? Сперва надо накопить достаточный статистический материал, провести серию опытов, и лишь тогда, может быть, стоит попробовать делать выводы. . .

Письма читателей

(Продолжение. Начало на стр. 89)

ролью Ленина в мировой истории. Разве «Заметки редактора» в №1/91 не подводят его к Ленину? Он ведь тоже был просто человеком и хотел остаться только им.

«Воспоминания о Ленине» вновь привели меня в Горки под Москвой. С благоговением посетил я это историческое место, где жил этот революционер и в то же время простой и скромный человек, не только хорошо знавший горе и нужду простого человека в тогдашней России, но и указавший ему выход из этого положения. Случилось большое несчастье — Ленин рано умер, и началось вырождение социалистической идеи. Однако это не значит, что идея мертва. Она, как и раньше, движет миллионами людей во всем мире, а капитализм ясно показывает, что он не в состоянии успешно решить проблемы людей.

Хорст КРАУС
Мейсен, Германия

РАЗМЫШЛЕНИЯ, ОЦЕНКИ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Выражаю мое неодобрение политической ориентации ваших статей. Это систематическая дискредитация всего происходящего в обществе вплоть до отрицания того, что принесло величие и славу вашей стране, чем восхищались все коммунисты мира. Идет ли речь о таких крупнейших событиях, как Октябрьская револю-

ция 1917 года и разгром гитлеровского фашизма, или о более скромных, но благородных акциях, как экономическая помощь героическому кубинскому народу или военная помощь мужественному афганскому народу.

Увы, я констатирую, что вы все более и более равняетесь на коррумпированную цивилизацию западного капитализма и на империализм США. Я разочарован и даже потрясен тем, что ваша знаменитая «Перестройка» выражается в фактах политической анархии, экономического хаоса, межэтнической катастрофы в вашей стране и беспорядочного бегства в социалистических государствах Востока.

Вместо того, чтобы поддержать и вдохновить на славную борьбу за строительство подлинного социалистического общества, вы вашими статьями стараетесь разрушить все, что относится к этому идеалу. Слова «социализм» и «марксизм» почти отсутствуют в вашем словаре, они появляются только в ироничном смысле.

Раймонд РАМБИС
Лимож, Франция

Наша семья читает «Спутник» около десяти лет. В эти годы мы были сочувствующими свидетелями превращения вашего журнала из послушного властям органа печати в независимый и правдивый.

Надеемся, что события в вашей стране будут продолжать развиваться в том же направлении и опасения относительно наступления диктатуры не оправдаются. Выход из кризиса только один — путь к рыночной экономике! Надо последовательно идти по этому пути. От полумер нет толку.

Мы видим только один путь — путь «лечения» сильными средствами», несмотря на все протесты и демонстрации, и в конце — ориентированный на рыночное хозяйство Советский Союз,

объединяющий свободные государства со своими законами, своей полицией и т.д. Немного рыночной экономики, немного социализма, немного того... — это приведет к хаосу. Разве он уже не начинается?

Если я пишу о «лечении сильными средствами», то, как бывший гражданин ГДР, знаю, о чем говорю. На меня рыночная экономика свалилась как снег на голову. У нас еще много трудностей. Растет число безработных, разваливаются предприятия... Вряд ли найдется кто-нибудь, кого это не затронуло (в том числе и меня). Но разве есть другой путь? Через несколько лет мы приспособимся к трудностям структурных перемен, и дело пойдёт!

Вот несколько слов простого рабочего о проблемах вашей страны.

Х.ШЕДЕ

Потсдам, Германия

Случайно купил один из номеров «Спутника», о котором я ранее не знал, и он показался мне интересным. Из журнала узнал о советском кино, подобных статей я у нас не читал. Умоляю силы небесные, чтобы фильмы, о которых шла речь в статье, появились в Колумбии, где в основном преобладают американские кинофильмы о насилии и жестокости. Очень понравились разделы о путешествиях по СССР, культуре. Вызвали огромный интерес статьи о жизни А.Сахарова, психотерапевте Кашиповском, о спецшколе для ребят, нарушивших закон, студенческих обменах между СССР и США. Понравилось все — рассказ о музыке, раздел книг, новости техники и медицины, статьи о спорте, растениях, кулинарии...

Во все страны, где можно найти «Спутник», я посылаю привет от имени всех колумбийцев.

Вильям ЯНЬЕС

Хирардо, Колумбия

Являясь вот уже четыре года подписчиком вашего журнала «Спутник», могу положительно оценить работу, сделанную редакцией, результаты которой, конечно же, всеяют надежду. Хочу внести предложение: вести рубрику о географии России, где, к примеру, можно рассказывать о каждой республике — ее площади, населении, ландшафте, истории, музеях, писателях и ученых, о том, что она производит, ее ископаемых, животном и растительном мире. Надеюсь, что моя идея будет способствовать обогащению вашего журнала.

Шекини ЖУГУРИХА

Тизи-Узу, Алжир

Издания «Спутника» полезны. Но не надо так много размышлений о прошлом. Лучше писать о настоящем и будущем. Ваша редакция должна обратить внимание на вопросы экономики и примеры решения экономических проблем, на вопросы денежного обращения и налогов, производственные, трудовые, собственности, права, успехи в решении этих вопросов.

Подробнее писать об отрядных результатах работы, которые зависят от всего общества: никто не обязан в одиночку решать проблемы и устранять недостатки, созданные всеми. Эту сторону надо расширить. Шутки и развлечения должны идти в ногу с работой. Главное — меньше ныть.

Р.БЕТТХЕР

Эспелькам, Германия

Уважаемые читатели!

Благодарим за письма и просим извинить, что нам, к сожалению, приходится их сокращать. Интересно узнать ваше мнение по затронутым в почте вопросам. Постараемся учесть ваши предложения при составлении следующих номеров. — Редакция.

МОРФИЙ

Михаил БУЛГАКОВ

Рис. Виктора СКРЫЛЕВА

I

Давно уже отмечено умными людьми, что счастье — как здоровье: когда оно налицо, его не замечаешь. Но когда пройдут годы, — как вспоминаешь о счастье, о, как вспоминаешь!

Что касается меня, то я, как выяснилось это теперь, был счастлив в 1917 году, зимой. Незабываемый, вьюжный, стремительный год!

Начавшаяся вьюга подхватила меня, как клочок изорванной газеты, и перенесла с глухого участка в уездный город. Велика штука, подумаешь, уездный город? Но если кто-нибудь, подобно мне, просидел в снегу зимой, в строгих и бедных лесах летом, полтора года, не отлучаясь ни на один день, если кто-нибудь разрывал бандероль на газете от прошлой недели с таким сердечным биением, точно счастливый любовник голубой конверт, ежели кто-нибудь ездил на роды за 18 верст в санях, запряженных гуськом, тот, надо полагать, поймет меня.

Уютнейшая вещь керосиновая лампа, но я за электричество!

И вот я увидел их вновь наконец, обольстительные электрические лампочки! Главная улица городка, хорошо укатанная крестьянскими санями, улица, на которой, чаруя взор, висели — вывеска с сапогами, золотой крендель, изображение молодого человека со свинными и наглыми глазами и с абсолютно неестественной прической, означавшей, что за стеклянными дверями

помещается местный Базиль, за 30 копеек бравшийся вас брить во всякое время, за исключением дней праздничных, коими изобилует отечество мое.

На перекрестке стоял живой милиционер, в запыленной витрине смутно виднелись железные листы с тесными рядами пирожных с рыжим кремом, сено устилало площадь, и шли, и ехали, и разговаривали, в будке торговали вчерашними московскими газетами, поддерживающими в себе потрясающие известия, невдалеке призывно пересвистывались московские поезда. Словом, это была цивилизация, Вавилон, Невский проспект.

О больнице и говорить не приходится. В ней было хирургическое отделение, терапевтическое, заразное, акушерское. В больнице была операционная, в ней сиял автоклав, серебрились краны, столы раскрывали свои хитрые лапы, зубья, винты. В больнице был старший врач, три ординатора (кроме меня). Фельдшера, акушерки, сиделки,

аптека и лаборатория. Лаборатория, подумать только! С цейсовским микроскопом, прекрасным запасом красок.

Тяжкое бремя соскользнуло с моей души. Я больше не нес на себе роковой ответственности за все, что бы ни случилось на свете. Я не был виноват в ущемленной грыже и не вздрагивал, когда приезжали сани и привозили женщину с поперечным положением, меня не касались гнойные плевриты, требовавшие операции. Я почувствовал себя впервые человеком, объем ответственности которого ограничен какими-то рамками. Роды? — Пожалуйста, вон — низенький корпус, вон — крайнее окно, завешенное белой марлей. Там врач-акушер, симпатичный и толстый, с рыженькими усиками и лысоватый. Это его дело. Сани, поворачивайте к окну с марлей! Осложненный перелом — главный врач-хирург. Воспаление легких? — В терапевтическое отделение к Павлу Владимировичу.

О, величественная машина большой больницы на налаженном, точно смазанном ходу! Как новый винт по заранее взятой мерке, и я вошел в аппарат и принял детское отделение. И дифтерит, и скарлатина поглотили меня, взяли мои дни. Но только дни. Я стал спать по ночам, потому что не слышалось более под моими окнами зловещего ночного стука, который мог поднять меня и увлечь в тьму на опасность и неизбежность. По вечерам я стал читать (про дифтерит и скарлатину, конечно, в первую голову и затем почему-то со странным интересом Фенимора Купера) и оценил вполне и лампу над столом, и седые уголки на подносе самовара, и стынущий чай, и сон после бессонных полутора лет. . .

Так я был счастлив в 17-м году зимой, получив перевод в уездный город с глухого въездного участка.

II

Пролетел месяц, за ним второй и третий, 17-й год отошел, и полетел февраль 18-го. Я привык к своему новому положению и мало-помалу свой

дальний участок стал забывать. В памяти стерлась зеленая лампа с шипящим керосином, одиночество, сугробы. . . Неблагодарный! Я забыл свой боевой пост, где я один без всякой поддержки боролся с болезнями, своими силами, подобно герою Фенимора Купера, выбираясь из самых диковинных положений.

Изредка, правда, когда я лежился в постель с приятной мыслью о том, как сейчас я усну, какие-то обрывки пронеслись в темнеющем уже сознании. Зеленый огонек, мигающий фонарь. . . скрип саней. . . короткий стон, потом тьма, глухой вой метели в полях. . . Потом все это боком кувыркалось и проваливалось. . .

«Интересно, кто там сидит сейчас на моем месте? . . . Кто-нибудь да сидит. . . Молодой врач вроде меня. . . ну, что же, я свое высидел. Февраль, март, апрель. . . ну, и, скажем, май — и конец моему стажу. Значит, в конце мая я расстанусь с моим блистательным городом и вернусь в Москву. И ежели революция подхватит меня на свое крыло — придется, возможно, еще поездить. . . но во всяком случае своего участка я более никогда в жизни не увижу. . . Никогда. . . Столица. . . Клиника. . . Асфальт, огни. . .»

Так думал я.

«. . . А все-таки хорошо, что я пробыл на участке. . . Я стал отважным человеком. . . Я не боюсь. . . Чего я только не лечил?! В самом деле? А? . . . Психических болезней не лечил. . . Ведь. . . верно, нет, позвольте. . . А агроном допился тогда до чертей. . . И я его лечил, и довольно неудачно. . . Белая горячка. . . Чем не психическая болезнь? Почитать надо бы психиатрию. . . Да ну ее. Как-нибудь впоследствии в Москве. . . А сейчас в первую очередь детские болезни. . . и еще детские болезни. . . и в особенности эта каторжная детская рецептура. . . Фу, черт. . . Если ребенку 10 лет, то, скажем, сколько пирамидону ему можно дать на прием? 0,1 или 0,15? . . . Забыл. А если три года? . . . Только детские болезни. . . и ни-

чего больше. . . довольно умопомрачительных случайностей! Прощай, мой участок! . . . И почему мне этот участок так настойчиво сегодня вечером лезет в голову? . . . Зеленый огонь. . . Ведь я покончил с ним расчеты на всю жизнь. . . Ну и довольно. . . Спать. . .»

— Вот письмо. С оказией привезли. . .

— Давайте сюда.

Сиделка стояла у меня в передней. Пальто с облезшим воротником было накинуто поверх белого халата с клеймом. На синем дешевом конверте таял снег.

— Вы сегодня дежурите в приемном покое? — спросил я зевая.

— Я.

— Никого нет?

— Нет, пусто.

— Ешли. . . (зевота раздирала мне рот и от этого слова я произносил невяшливо) кого-нибудь привезут. . . вы дайте мне знать сюда. . . Я лягу спать. . .

— Хорошо. Можно иттить?

— Да, да. Идите.

Она ушла. Дверь визгнула, а я зашлепал туфлями в спальню, по дороге безобразно и криво раздирая пальцами конверт.

В нем оказался продолговатый смятый бланк с синим штемпелем моего участка, моей больницы. . . Незабываемый бланк. . .

Я усмехнулся.

«Вот интересно. . . весь вечер думал об участке, и вот он явился сам на память о себе. . . Предчувствие. . .»

Под штемпелем химическим карандашом был начертан рецепт. Латинские слова, неразборчивые, перечеркнутые. . .

— Ничего не понимаю. . . Путаный рецепт. . . — пробормотал я и уставился на слово «morphinī. . .» Что, бишь, тут необычайного в этом рецепте? . . . Ах да. . . Четырехпроцентный раствор! Кто же выписывает четырехпроцентный раствор морфия? . . . Зачем? !

Я перевернул листок, и зевота моя

прошла. На обороте листка чернилами, вялым и разгонистым почерком было написано:

«11 февраля 1918 года.

Милый collega!

Извините, что пишу на клочке. Нет под руками бумаги. Я очень тяжело и нехорошо заболел. Помочь мне некому, да я и не хочу искать помощи ни у кого, кроме Вас.

Второй месяц я сижу на бывшем Вашем участке, знаю, что Вы в городе и сравнительно недалеко от меня.

Во имя нашей дружбы и университетских лет прошу Вас приехать ко мне поскорее. Хоть на день. Хоть на час. И если Вы скажете, что я безнадежен, я Вам поверю. . . А может быть, можно спастись? . . . Да, может быть, еще можно спастись? . . . Надежда блеснет для меня? Никому, прошу Вас, не сообщайте о содержании этого письма».

— Марья! Сходите сейчас же в приемный покой и вызовите ко мне дежурную сиделку. . . как ее зовут? . . . Ну, забыл. . . Одним словом, дежурную, которая мне письмо принесла сейчас. Поскорее!

— Счас.

Через несколько минут сиделка стояла передо мной, и снег таял на облезшей кошке, послужившей материалом для воротника.

— Кто привез письмо?

— А не знаю я. С бородой. Кооператор он. В город ехал, говорит.

— Гм. . . ну ступайте. Нет, постойте. Вот я сейчас записку напишу главному врачу, отнесите, пожалуйста, и ответ мне верните.

Вечер я провел над путеводителем по железным дорогам. Добраться до Горелова можно было таким образом: завтра выехать в два часа дня с московским почтовым поездом, проехать 30 верст по железной дороге, высадиться на станции N, а от нее двадцать две версты проехать на санях до Гореловской больницы.

«При удаче я буду в Горелове завтра ночью, — думал я, лежа в постели. —

Чем он заболел? Тифом, воспалением легких? Ни тем, ни другим. . . Тогда бы он и написал просто: «я заболел воспалением легких». А тут сумбурное, чуть-чуть фальшивое письмо. . . «Тяжко. . . и нехорошо заболел. . .» Чем? Сифилисом? Да, несомненно, сифилисом. Он в ужасе. . . он скрывает. . . он боится. . . Но на каких лошадях, интересно знать, я со станции поеду в Горелово? Плохой номер выйдет, как приедешь на станцию в сумерки, а добраться-то будет и не на чем. . . Ну нет. Уж я найду способ. Найду у кого-нибудь лошадей на станции. Послать телеграмму, чтоб он выслал лошадей! Ни к чему! Телеграмма придет через день после моего приезда. . . Она ведь по воздуху в Горелово не перелетит. Будет лежать на станции, пока не случится оказия. Знаю я это Горелово. О, медвежий угол!»

Письмо на бланке лежало на ночном столике в круге света от лампы, и рядом стояла спутница раздражительной бессонницы с щетиной окурков, пельница.

Я ворочался на скомканной простыне, и досада рождалась в душе. Письмо начало раздражать меня.

«В самом деле: если ничего острого, а, скажем, сифилис, то почему он не едет сюда сам? Зачем я должен нестись через вьюгу к нему? Что, я в один вечер вылечу его от люэса, что ли? Или от рака пищевода? Да какой там рак! Он на два года моложе меня. Ему 25 лет. . . «Тяжко. . .» Саркома? Письмо нелепое, истерическое. Письмо, от которого у получающего может сделаться мигрень. . . И вот она налицо. Стягивает жилку на виске. . . Утром проснешься, стало быть, и от жилки полезет вверх на темя, скует пиголовы и будешь к вечеру глотать пирамидон с кофеином. А каково в санях с пирамидоном? Надо будет у фельдшера шубу взять разъездную, заморзнешь завтра в своем пальто. . . Что с ним такое? . .

«Надежда блеснет. . .» — в романах так пишут, и вовсе не в серьезных докторских письмах! . . Спать, спать. . . Не думать больше об этом. Завтра все ста-

нет ясно. . . Завтра».

Я привернул выключатель, и мгновенно тьма съела мою комнату. Спать. . . Жилка ноет. . . Но я не имею права сердиться на человека за нелепое письмо, еще не зная, в чем дело. Человек страдает по-своему, вот пишет другому. Ну, как умеет, как понимает. . . И недостойно из-за мигрени, из-за беспокойства порочить его хотя бы мысленно. Может быть, это и не фальшивое и не романтическое письмо. Я не видел его, Сережку Полякова, два года, но помню его отлично. Он был всегда очень рассудительным человеком. . . Да. Значит, стряслась какая-то беда. . . И жилка моя легче. . .

Видно, сон идет. В чем механизм сна? . . Читал в физиологии. . . но история темная. . . не понимаю, что значит сон. . . как засыпают мозговые клетки?! Не понимаю, говорю по секрету. Да почему-то уверен, что и сам составитель физиологии тоже не очень твердо уверен. . . Одна теория стоит другой. . . Вон стоит Сережка Поляков в зеленой тужурке с золотыми пуговицами над цинковым столом, а на столе труп. . .

Хм, да. . . ну это сон. . .

III

Тук, тук. . . Бух, бух, бух. . . Ага. . . Кто? Кто? Что? . . . Ах, стучат, ах, черт, стучат. . . Где я? Что я? . . . В чем дело? Да, у себя в постели. . . Почему же меня будят? Имеют право потому, что я дежурный. Проснитесь, доктор Бомгард. Вон Марья зашлапала к двери открывать. Сколько времени? Половина первого. . . Ночь. Спал я, значит, только один час. Как мигрень? Налицо. Вот она!

В дверь тихо постучали.

— В чем дело?

Я приоткрыл дверь в столовую. Лицо сиделки глянуло на меня из темноты, и я разглядел сразу, что оно бледно, что глаза расширены, взбудоражены.

— Кого привезли?

— Доктора с Гореловского участка, — хрипло и громко ответила сиделка, — застрелился доктор.

— По-ля-ко-ва? Не может быть! Полякова?!

— Фамилии-то я не знаю.

— Вот что. . . Сейчас, сейчас иду. А вы бегите к главному врачу, будите его, сию секунду. Скажите, что я вызываю его срочно в приемный покой.

Сиделка метнулась — и белое пятно исчезло из глаз.

Через две минуты злая вьюга, сухая и колючая, хлестнула меня по щекам на крыльце, вздула полы пальто, оледенила испуганное тело.

В окнах приемного покоя поыхал свет белый и беспокойный. На крыльце, в туче снега, я столкнулся со старшим врачом, стремившимся туда же, куда и я.

— Ваш? Поляков? — спросил, покашливая, хирург.

— Ничего не пойму. Очевидно, он, — ответил я, и мы стремительно вошли в покой.

С лавки навстречу поднялась закутанная женщина.

Знакомые глаза заплаканно глянули на меня из-под края бурого платка. Я узнал Марью Власьевну, акушерку из Горелова, верную мою помощницу во время родов в Гореловской больнице.

— Поляков? — спросил я.

— Да, — ответила Марья Власьевна, — такой ужас, доктор, ехала, дрожала всю дорогу, лишь бы довести. . .

— Когда?

— Сегодня утром на рассвете, — бормотала Марья Власьевна, — прибежал сторож, говорит. . . «У доктора выстрел в квартире. . .».

Под лампой, изливающей скверный тревожный свет, лежал доктор Поляков, и с первого же взгляда на его безжизненные, словно каменные, ступни валенок у меня привычно екнуло сердце.

Шапку с него сняли — и показались слипшиеся, влажные волосы. Мои руки, руки сиделки, руки Марьи Власьевны замелькали над Поляковым, и белая марля с расплывавшимися желто-красными пятнами вышла из-под пальто. Грудь его поднималась слабо. Я по-

щупал пульс и дрогнул, пульс исчезал под пальцами, тянулся и срывался в ниоткуда с узелками, частыми и непрочными. Уже тянулась рука хирурга к плечу, брала бледное тело в щипок на плече, чтобы впрыснуть камфару. Тут раненый расклеил губы, причем на них показались розоватая кровавая полоска, чуть шевельнул синими губами и сухо, слабо выговорил:

— Бросьте камфару. К черту.

— Молчите, — ответил ему хирург и толкнул желтое масло под кожу.

— Сердечная сумка, надо полагать, задета, — шепнула Марья Власьевна, цепко взылась за край стола и стала всматриваться в бесконечные веки раненого (глаза его были закрыты). Тени серо-фиолетовые, как тени заката, все ярче стали зацветать в углублениях у крыльев носа, и мелкий, точно ртутный, пот росой выступал на тенях.

— Револьвер? — дернув щекой, спросил хирург.

— Браунинг, — пролепетала Марья Власьевна.

— Э-эх, — вдруг, как бы злобно и досадуя, сказал хирург и вдруг, махнув рукой, отошел.

Я испуганно обернулся к нему, не понимая. Еще чьи-то глаза мелькнули за плечом. Подошел еще один врач.

Поляков вдруг шевельнул ртом, криво, как сонный, когда хочет согнать липнущую муху, а затем его нижняя челюсть стала двигаться, как бы он давился комочком и хотел его проглотить. Ах, тому, кто видел скверные револьверные или ружейные раны, хорошо знакомо это движение! Марья Власьевна болезненно сморщилась, вздохнула.

— Доктора Бомгарда. . . — еле слышно сказал Поляков.

— Я здесь, — шепнул я, и голос мой прозвучал нежно у самых его губ.

— Тетрадь вам. . . — хрипло и еще слабее отозвался Поляков.

Тут он открыл глаза и возвел их к нерадостному уходящему в темь потолок покоя. Как будто светом изнутри стали наливаться темные зрачки, белок глаз

стал как бы прозрачен, голубоват. Глаза остановились в выси, потом помутнели и потеряли эту мимолетную красу.

Доктор Поляков умер.

Ночь. Близ рассвета. Лампа горит очень ясно, потому что городок спит и току электрического много. Все молчит, а тело Полякова в часовне. Ночь.

На столе перед воспаленными от чтения глазами лежат вскрытый конверт и листок. На нем написано:

«Милый товарищ!

Я не буду Вас дожидаться. Я раздумал лечиться. Это безнадежно. И мучиться я тоже больше не хочу. Я достаточно попробовал. Других предостерегаю: будьте осторожны с белыми, растворимыми в 25 частях воды кристаллами. Я слишком им доверился, и они меня погубили. Мой дневник вам дарю. Вы всегда мне казались человеком пытливым и любителем человеческих документов. Если интересует вас, прочтите историю моей болезни.

Прощайте. *Ваш С. Поляков.*

Приписка крупными буквами:

«В смерти моей прошу никого не винить.

Лекарь Сергей Поляков.

13 февраля 1918 года.

Рядом с письмом самоубийцы тетрадь типа общих тетрадей в черной клеенке. Первая половина страниц из нее вырвана. В оставшейся половине краткие записи, вначале карандашом или чернилами, четким мелким почерком, в конце тетради карандашом химическим и карандашом толстым красным, почерком небрежным, почерком прыгающим и со многими сокращенными словами.

IV

«. . . 7-й год, 20-го января.

. . . и очень рад. И слава богу: чем глуше, тем лучше. Видеть людей не могу, а здесь я никаких людей не увижу, кроме больных и крестьян. Но они ведь

ничем не тронут моей раны? Других, впрочем, не хуже моего рассадили по земским участкам. Весь мой выпуск, не подлежания призыву на войну (ратники ополчения 2-го разряда выпуска 1916г.), разместили в земствах. Впрочем, это не интересно никому. Из приятелей узнал только об Иванове и Бомгарде. Иванов выбрал Архангельскую губернию (дело вкуса), а Бомгард, как говорила фельдшерца, сидит на глухом участке вроде моего за три уезда от меня в Горелове. Хотел ему написать, но раздумал. Не желаю видеть и слышать людей.

21 января.

Вьюга. Ничего.

25 января.

Какой ясный закат. Мигренин — соединение antipyrin'a coffein'a и ac citric.

В порошках по 1,0. . . разве можно по 1,0? . . . Можно.

3 февраля.

Сегодня получил газеты за прошлую неделю. Читать не стал, но потянуло все-таки посмотреть отдел театров. «Аида» шла на прошлой неделе. Значит, она выходила на возвышение и пела: «Мой милый друг, приди ко мне. . .»

У нее голос необыкновенный, и как странно, что голос ясный, громадный дан темной душонке. . .

(Здесь перерыв, вырваны две или три страницы.)

. . . конечно, недостойно, доктор Поляков. Да и гимназически — глупо с площадной бранью обрушиваться на женщину за то, что она ушла! Не хочет жить — ушла. И конец. Как все просто, в сущности. Оперная певица сошлась с молодым врачом, пожила год и ушла.

Убить ее? Убить? Ах, как все глупо, пусто. Безнадежно!

Не хочу думать. Не хочу. . .

11 февраля.

Все вьюги да вьюги. . . Заносит меня! Целыми вечерами я один, один. За-

жигая лампу и сажу. Днем-то я еще вижу людей. Но работаю механически. С работой я свылся. Она не так страшна, как я думал раньше. Впрочем, много помог мне госпиталь на войне. Все-таки не вовсе неграмотным я приехал сюда.

Сегодня в первый раз делал операцию поворота.

Итак, три человека погребены здесь под снегом: я, Анна Кирилловна — фельдшерница-акушерка и фельдшер. Фельдшер женат. Они (фельдш. персонал) живут во флигеле. А я один.

15 февраля.

Вчера ночью интересная вещь произошло. Я собирался ложиться спать, как вдруг у меня сделались боли в области желудка. Но какие! Холодный пот выступил у меня на лбу. Все-таки наша медицина — сомнительная наука, должен заметить. Отчего у человека, у которого нет абсолютно никакого заболевания желудка или кишечника (аппенд., напр.), у которого прекрасная печень и почки, у которого кишечник функционирует совершенно нормально, могут ночью сделаться такие боли, что он станет кататься по постели?

Со стоном добрался до кухни, где ночует кухарка с мужем своим, Власом. Власа отправил к Анне Кирилловне. Та ночью пришла ко мне и вынуждена была вприснуть мне морфий. Говорит, что я был совершенно зеленый. Отчего?

Фельдшер наш мне не нравится. Нелюдим, а Анна Кирилловна очень милый и развитый человек. Удивляюсь, как нестарая женщина может жить в полном одиночестве в этом снежном гробу. Муж ее в германском плену.

Не могу не воздать хвалу тому, кто первый извлек из маковых головок морфий. Истинный благодетель человечества. Боли прекратились через семь минут после укола. Интересно: боли шли полной волной, не давая никаких пауз, так что я положительно задышался, словно раскаленный лом воткнули в живот и вращали. Минуты через четыре после укола я стал разли-

чать волнообразность боли.

Было бы очень хорошо, если б врач имел возможность на себе проверить многие лекарства. Совсем иное у него было бы понимание их действия. После укола впервые за последние месяцы спал глубоко и хорошо — без мыслей о моей, обманувшей меня.

16 февраля.

Сегодня Анна Кирилловна на приеме осведомилась о том, как я себя чувствую, и сказала, что впервые за все время видит меня нехмурым.

— Разве я хмурый?

— Очень, — убежденно ответила она и добавила, что поражается тем, что я всегда молчу.

— Такой уж я человек.

Но это ложь. Я был очень жизнерадостным человеком до моей семейной драмы.

Сумерки наступают рано. Я один в квартире. Вечером пришла боль, но не сильная, как тень вчерашней боли, где-то за грудную кость. Опасаясь возобврата вчерашнего припадка, я сам себе вприснул в бедро один сантиграмм.

Боль прекратилась мгновенно почти. Хорошо, что Анна Кирилловна оставила пузырек.

18-го.

Четыре укола не страшны.

25 февраля.

Чудак эта Анна Кирилловна! Точно я не врач, 1 1/2 шприца морф. Да.

1 марта.

Доктор Поляков, будьте осторожны! Вздор.

Сумерки.

Но вот уже полмесяца, как я ни разу не возвращался мыслью к обманувшей меня женщине. Мотив из партии ее Амнерис покинул меня. Я очень горжусь этим. Я — мужчина.

Анна К. стала моей тайной женой. Иначе и быть не могло никак. Мы за-

ключены на необитаемый остров.

Снег изменился, стал как будто серее. Лютых морозов уже нет, но метели по временам возобновляются. . .

Первая минута: ощущение прикосновения к шее. Это прикосновение становится теплым и расширяется. Во вторую минуту внезапно проходит холодная волна под ложечкой, а вслед за этим начинается необыкновенное прояснение мыслей и взрыв работоспособности. Абсолютно все неприятные ощущения прекращаются. Это высшая точка проявления духовной силы человека. И если б я не был испорчен медицинским образованием, я бы сказал, что нормально человек может работать только после укола морфия. В самом деле: куда к черту годится человек, если малейшая невралгика может выбить его совершенно из седла!

Анна К. боится. Успокоил ее, сказав, что я с детства отличался громадной силой воли.

2 марта.

Слухи о чем-то грандиозном. Будто бы свергли Николая II.

Я ложусь спать очень рано. Часов в девять. И сплю сладко.

10 марта.

Там происходит революция. День стал длиннее, а сумерки как будто чуть голубоватее.

Таких снов на рассвете я еще никогда не видел. Это двойные сны.

Причем основной из них, я бы сказал, стеклянный. Он прозрачен.

Так что вот, — я вижу жутко освещенную рампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет. Оркестр, совершенно неземной, необыкновенно полновучен. Впрочем, я не могу передать это словами. Одним словом, в нормальном сне музыка беззвучна. . . (в нормальном? Еще вопрос, какой сон

нормальнее! Впрочем, шучу. . .) беззвучна, а в моем сне она слышна совершенно небесно. И главное, что я по своей воле могу усилить или ослабить музыку. Помнится, в «Войне и мире» описано, как Петья Ростов в полусне переживал такое же состояние. Лев Толстой — замечательный писатель!

Теперь о прозрачности; так вот, сквозь переливающиеся краски «Аиды» выступает совершенно реально край моего письменного стола, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол и слышны, прорываясь сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты.

Значит, восемь часов, — это Анна К., идет ко мне будить меня и сообщить, что делается в приемной.

Она не догадывается, что будить меня не нужно, что я все слышу и могу разговаривать с нею.

И такой опыт я проделал вчера:

А н н а. — Сергей Васильевич. . .

Я. — Я слышу. . . (тихо музыке — «сильнее»).

Музыка — великий аккорд.

А н н а. — Записано двадцать человек.

А м н е р и с (поет).

Впрочем, этого на бумаге передать нельзя.

Вредны ли эти сны? О нет. После них я встаю сильным и бодрым. И работаю хорошо. У меня даже появился интерес, а раньше его не было. Да и мудрено, все мои мысли были сосредоточены на бывшей жене моей.

А теперь я спокоен. Я спокоен.

19 марта.

Ночью у меня была ссора с Анной К. — Я не буду больше готовить растров.

Я стал ее уговаривать:

— Глупости, Аннуся. Что я, маленький, что ли?

— Не буду. Вы погибнете.

— Ну, как хотите. Поймите, что у меня боли в груди!

— Лечитесь.

— Где?

— Уезжайте в отпуск. Морфием не лечатся. (Потом подумала и добавила.) Я простить себе не могу, что приготовила вам тогда вторую склянку.

— Да что, я морфинист, что ли?

— Да, вы становитесь морфинистом.

— Так вы не пойдете?

— Нет.

Тут я впервые обнаружил в себе неприятную способность злиться и, главное, кричать на людей, когда я не прав.

Впрочем, это не сразу. Пошел в спальню. Посмотрел. На донышке склянки чуть плескалось. Набрал в шприц — оказалось четверть шприца. Швырнул шприц, чуть не разбил его и сам задрожал. Бережно поднял, осмотрел — ни одной трещинки. Просидел в спальне около 20 минут. Выхожу — ее нет.

Ушла.

Представьте себе, не вытерпел, пошел к ней. Постучал в ее флигеле в освещенное окно. Она вышла, закутавшись в платок, на крылечко. Ночь тихая, тихая. Снег рыхл. Где-то далеко в небе таяет весной.

— Анна Кирилловна, будьте добры, дайте мне ключи от аптеки.

Она шелнула:

— Не дам.

— Товарищ, будьте добры, дайте мне ключи от аптеки. Я говорю вам как врач.

Вижу в сумраке, ее лицо изменилось, очень побелело, а глаза углубились, провалились, почернели. И она ответила голосом, от которого у меня в душе шелохнулась жалость.

Но тут же злость опять наплыла на меня.

Она:

— Зачем, зачем вы так говорите? Ах, Сергей Васильевич, я — жалюючи вас.

И тут высвободила руки из-под платка, и я вижу, что ключи у нее в руках. Значит, она вышла ко мне и захватила их.

Я (грубо):

— Дайте ключи!

И вырвал их из ее рук.

И пошел к белеющему корпусу больницы по гнилым, прыгающим мосткам.

В душе у меня ярость шипела, и прежде всего потому, что я ровным счетом понятия никакого не имею о том, как готовить раствор морфия для подкожного впрыскивания. Я врач, а не фельдшерница!

Шел и трясясь.

И слышу: сзади меня, как верная собака, пошла она. И нежность взмыла во мне, но я задушил ее. Повернулся и оскалившись говорю:

— Сделаете или нет?

И она взмахнула рукою, как обреченная, «все равно, мол», и тихо ответила:

— Давайте сделаю. . .

. . . Через час я был в нормальном состоянии. Конечно, я попросил у нее извинения за бессмысленную грубость. Сам не знаю, как это со мной произошло. Раньше я был вежливым человеком.

Она отнеслась к моему извинению странно. Опустилась на колени, прижалась к моим рукам и говорит:

— Я не сержусь на вас. Нет. Я теперь уже знаю, что вы пропали. Уж знаю. И себя я проклиная за то, что я тогда сделала вам впрыскивание.

Я успокоил ее как мог, уверив, что она здесь ровно ни при чем, что я сам отвечаю за свои поступки. Обещал ей, что с завтрашнего дня начну серьезно отвыкать, уменьшая дозу.

— Сколько вы сейчас впрыснули?..

— Да не волнуйтесь вы!

. . . В сущности говоря, мне понятно ее беспокойство. Действительно, Morphium hydrochloricum грозная штука, привычка создается очень быстро. Но маленькая привычка ведь не есть морфинизм? . . .

. . . По правде говоря, эта женщина единственный верный, настоящий мой человек. И, в сущности, она и должна быть моей женой. Ту я забыл. Забыл. И все-таки спасибо за это морфию. . .

8 апреля 1917 года.
Это мучение.

9 апреля.
Весна ужасна.

Черт в склянке. Кокаин — черт в склянке.

Действие его таково:

При впрыскивании ... почти мгновенно наступает состояние спокойствия, тотчас переходящее в восторг и блаженство. И это продолжается только одну, две минуты. И потом все исчезает бесследно, как не было. Наступает боль, ужас, тьма. Весна гремит, черные птицы перелетают с обнаженных ветвей на ветви, а вдали лес щетиной, ломаной и черной, тянется к небу, и за ним горит, охватив четверть неба, первый весенний закат.

Я меряю шагами одинокую пустую большую комнату в моей докторской квартире по диагонали от дверей к окну, от окна к дверям. Сколько таких прогулок я могу сделать? Пятнадцать или шестнадцать — не больше. А затем мне нужно поворачивать и идти в спальню. На марле лежит шприц рядом со склянкой. Я беру его и, небрежно смазав йодом исколотое бедро, всаживаю иголку в кожу. Никакой боли нет. О, наоборот: я предвкушаю эйфорию, которая сейчас возникнет. И вот она возникает. Я узнаю об этом потому, что звуки гармошки, на которой играет обрадовавшийся весне сторож Влас на крыльце, рваные, хриплые звуки гармошки, глухо летящие сквозь стекло ко мне, становятся ангельскими голосами, а грубые басы в раздувающихся мехах гудят, как небесный хор. Но вот мгновение, и кокаин в крови по какому-то таинственному закону, не описанному ни в какой из фармакологий, превращается во что-то новое. Я знаю: это смесь дьявола с моей кровью. И никнет Влас на крыльце, и я ненавижу его, а захват, беспокорно громящая, выжигает мне внутренности. И так несколько раз подряд в течение вечера, пока не пойму, что отравлен. Сердце начинает стучать

так, что я чувствую его в руках, в висках. . . а потом оно проваливается в бездну, и бывают секунды, когда я мыслю о том, что более доктор Поляков не вернется к жизни. . .

13 апреля.

Я — несчастный доктор Поляков, заблуждающийся в феврале этого года морфинизмом, предупреждаю всех, кому выпадет на долю такая же участь, как и мне, не пробовать заменить морфий кокаином. Кокаин — сквернейший и коварнейший яд. Вчера Анна еле отходила меня камфарой, а сегодня я — полутруп. . .

6 мая 1917 года.

Давненько я не брался за свой дневник. А жаль.

По сути дела, это не дневник, а история болезни, и у меня, очевидно, профессиональное тяготение к моему единственному другу в мире (если не считать моего скорбного и часто плачущего друга Анны).

Итак, если вести историю болезни, то вот: я впрыскиваю себе морфий два раза в сутки ...

Прежние мои записи несколько истеричны. Ничего особенно страшного нет. На работоспособности моей это ничуть не отражается. Напротив, весь день я живу ночным впрыскиванием накануне. Я великолепно справляюсь с операциями, я безукоризненно внимателен к рецептуре и ручаюсь моим врачевным словом, что мой морфинизм вреда моим пациентам не причинил. Надеюсь, и не причинит. Но другое меня мучает. Мне все кажется, что кто-нибудь узнает о моем пороке. И мне тяжело на приеме чувствовать на своей спине тяжелый пытливый взгляд моего ассистента-фельдшера.

Вздор! Он не догадывается. Ничто не выдаст меня.

Зрачи меня могут предать лишь вечером, а вечером я никогда не сталкиваюсь с ним.

Страшнейшую убыль морфия в на-

шей аптеке я пополнил, съездив в уезд. Но и там мне пришлось пережить неприятные минуты. Заведующий складом взял мое требование, в которое я вписал предусмотрительно и всякую другую чепуху, вроде кофеина, которого у нас сколько угодно, и говорит:

— 40 граммов морфия?

И я чувствую, что прячу глаза, как школьник. Чувствую, что краснею.

Он говорит:

— Нет у нас такого количества. Граммов десять дам.

И действительно, у него нет, но мне кажется, что он проник в мою тайну, что он щупает и сверлит меня глазами, и я волнуясь и мучаюсь.

Нет, зрачки, только зрачки опасны, и поэтому поставлю себе за правило: вечером с людьми не сталкиваться. Удобнее, впрочем, места, чем мой участок, для этого не найти, вот уже более полугодя я никого не вижу, кроме моих больных. А им до меня дела нет никакого.

18 мая.

Душная ночь. Будет гроза. Брюхо черное вдали за лесом растет и пучится. Вон и блеснуло бледно и тревожно. Идет гроза.

Книга у меня перед глазами, и в ней написано по поводу воздержания от морфия:

«... Большое беспокойство, тревожное тоскливое состояние, раздражительность, ослабление памяти, иногда галлюцинация и небольшая степень затмения сознания. . .»

Галлюцинаций я не испытывал, но по поводу остального я могу сказать: о, какие тусклые, казенные, ничего не возгорающие слова!

«Тоскливое состояние»! . .

Нет, я, заболевший этой ужасной болезнью, предупреждаю врачей, чтобы они были жалостливее к своим пациентам. Не «тоскливое состояние», а смерть медленная овладевает морфинистом, лишь только вы на час или два лишите его морфия. Воздух не сытный, его глотать нельзя. . . в теле нет клеточ-

ки, которая бы не жаждала. . . Чего? Этого нельзя ни определить, ни объяснить. Словом, человека нет. Он выключен. Двигается, тоскует, страдает труп. Он ничего не хочет, ни о чем не мыслит, кроме морфия. Морфия!

Смерть от жажды — райская, блаженная смерть по сравнению с жадой морфия. Так заживо погребенный, вероятно, ловит последние ничтожные пузырьки воздуха в гробу и раздирает кожу на груди ногтями. Так еретик на костре стонет и шевелится, когда первые языки пламени лижут его ноги. . .

Смерть — сухая, медленная смерть. . .

Вот что кроется под этими профессорскими словами «тоскливое состояние».

Больше не могу. И вот взял и сейчас уколол себя. Вздых. Еще вздох.

Легче. А вот. . . вот. . . мятный холодок под ложечкой. . .

. . . Этого мне хватит до полуночи. . .

Вздор. Эта запись — вздор. Не так страшно. Рано или поздно я брошу! . . А сейчас спать, спать.

Этотую глупую борьбой с морфием я только мучаю и ослабляю себя.

(Далее в тетради вырезано десятка два страниц.)

. . .ря

. . . я рта в 4 час. 30 минут

Когда мне полегчает, запишу свои ужасные впечатления.

14 ноября 1917 г.

Итак, после побега из Москвы из лечебницы доктора. . . (фамилия тщательно зачеркнута) я вновь дома. Дождь льет пеленою и скрывает от меня мир. И пусть скроет его от меня. Он не нужен мне, как и я никому не нужен в мире. Стрельбу и переворот я пережил еще в лечебнице. Но мысль бросить это лечение воровски созрела у меня еще до боя на улицах Москвы. Спасибо морфию за то, что он сделал меня храбрым. Никакая стрельба мне не страшна.

Да и что вообще может испугать человека, который думает только об одном — о чудных, божественных кристаллах. Когда фельдшерница, совершенно терроризированная пушечным буханием. . .

(Здесь страница вырвана.)

. . . вал эту страницу, чтоб никто не прочитал позорного описания того, как человек с дипломом бежал воровски и трусливо и крал свой собственный костюм.

Да что костюм!

Рубашку я захватил больничную. Не до того было. На другой день, сделал укол, ожил и вернулся к доктору N. Он встретил меня жалостливо, но сквозь эту жалость сквозило все-таки презрение. И это напрасно. Ведь он — психиатр и должен понимать, что я не всегда владею собой. Я болен. Что ж презирать меня? Я вернул больничную рубашку.

Он сказал:

— Спасибо, — и добавил: — Что же вы теперь думаете делать?

Я сказал бойко (я был в этот момент в состоянии эйфории):

— Я решил вернуться к себе в глушь, тем более что отпуск мой истек. Я очень благодарен вам за помощь, я чувствую себя значительно лучше. Буду продолжать лечиться у себя.

Ответил он так:

— Вы ничуть не чувствуете себя лучше. Мне, право, смешно, что вы говорите это мне. Ведь одного взгляда на ваши зрачки достаточно. Ну кому вы говорите? . . .

— Я, профессор, не могу сразу отвыкнуть. . . в особенности теперь, когда происходят все эти события. . . меня совершенно издергала стрельба. . .

— Она кончилась. Вот новая власть. Ложитесь опять.

Тут я вспомнил все. . . холодные коридоры. . . пустые, масляной краской выкрашенные стены. . . и я ползу, как собака с перебитой ногой. . . чего-то жду. . . Чего? Горячей ванны? . . . Укольчика в 0,05 морфия. Дозы, от которой, правда не умирают. . . но только. . . а

вся тоска остается, лежит бременем, как и лежала. . . Пустые ночи, рубашку, которую я изорвал на себе, умоляя, чтобы меня выпустили? . . .

Нет. Нет. Изобрели морфий, вытянули его из высушенных щелкающих головок божественного растения, ну так найдите же способ и лечить без мучений! Я упрямо покачал головой. Тут он припрялся, и я вдруг испуганно бросился к двери. Мне показалось, что он хочет запереть за мною дверь и силою удержать меня в лечебнице. . .

Профессор побагровел.

— Я не тюремный надзиратель, — не без раздражения молвил он, — и у меня не Бутырки. Сидите спокойно. Вы хвастались, что вы совершенно нормальны, две недели назад. А между тем. . . — он выразительно повторил мой жест испуга, — я вас не держу-с.

— Профессор, верните мне мою расписку. Умоляю вас, — и даже голос мой жалостливо дрогнул.

— Пожалуйста.

Он щелкнул ключом в столе и отдал мне мою расписку (о том, что я обязуюсь пройти весь двухмесячный курс лечения и что меня могут задержать в лечебнице и т.д., словом, обычного типа).

Дрожащей рукой я принял записку и спрятал, пролепетав:

— Благодарю вас.

Затем встал, чтобы уходить. И пошел.

— Доктор Поляков! — раздалось мне вслед. Я обернулся, держась за ручку двери. — Вот что, — заговорил он, — одумайтесь. Поймите, что вы все равно попадете в психиатрическую лечебницу, ну, немножко попозже. . . И притом попадете в гораздо более плохом состоянии. Я с вами считался все-таки как с врачом. А тогда вы придете уже в состоянии полного душевного развала. Вам, голубчик, в сущности, и практиковать нельзя и, пожалуй, преступно не предупредить ваше место службы.

Я вздрогнул и ясно почувствовал, что краска сошла у меня с лица (хотя и

так ее очень немного у меня).

— Я, — сказал я глухо, — умоляю вас, профессор, ничего никому не говорить. . . Что ж, меня удалят со службы. . . Ославят больным. . . За что вы хотите мне это сделать?

— Идите, — досадливо крикнул он, — идите. Ничего не буду говорить. Все равно вас вернут. . .

Я ушел и, клянусь, всю дорогу держался от боли и стыда. . . Почему? . .

Очень просто. Ах, мой друг, мой верный дневник. Ты-то ведь не выдашь меня? Дело не в костюме, а в том, что я в лечебнице украл морфий. 3 кубика в кристаллах и 10 граммов однопроцентного раствора.

Меня интересует не только это, а еще вот что. Ключ в шкафу торчал. Ну, а если бы его не было? Взломал бы я шкаф или нет? По совести?

Взломал бы.

Итак, доктор Поляков — вор. Странницу я успею вырвать.

Ну, насчет практики он все-таки пересолил. Да, я дегенерат. Совершенно верно. У меня начался распад моральной личности. Но работать я могу, я никому из моих пациентов не могу причинить зла или вреда.

Да, почему украл? Очень просто. Я решил, что во время боев и всей кутерьмы, связанной с переворотом, я нигде не достану морфия. Но когда утихло, я достал еще в одной аптеке на окраине — ... раствора — вещь для меня бесполезная и нудная. . . И унижаться еще пришлось. Фармацевт потребовал печать, смотрел на меня хмуро и подозрительно. Но зато на другой день я, придя в норму, получил без всякой задержки в другой аптеке ... — написал рецепт для больницы (попутно, конечно, выписал кофеин и аспирин). Да в конце концов, почему я должен прятаться, бояться? В самом деле, точно на лбу у меня написано, что я — морфинист? Кому какое дело, в конце концов?

Да и велик ли распад? Привожу в свидетели эти записи. Они отрывочны, но ведь я же не писатель! Разве в них какие-нибудь безумные мысли? Помогите, я рассуждаю совершенно здраво.

У морфиниста есть одно счастье, которое у него никто не может отнять, — способность проводить жизнь в полном одиночестве. А одиночество — это важные, значительные мысли, это созерцание, спокойствие, мудрость. . .

Ночь течет, черна и молчалива. Где-то оголенный лес, за ним речка, холод, осень. Далеко, далеко взъерошенная буйная Москва. Мне ни до чего нет дела, мне ничего не нужно, и меня никуда не тянет.

Гори, огонь, в моей лампе, гори тихо, я хочу отдыхать после московских приключений, я хочу их забыть.

И забыл.

Забыл.

18 ноября.

Заморозки. Подсохло. Я вышел пройтись к речке по тропинке, потому что я почти никогда не дышу воздухом.

Распад личности — распадом, но все же я делаю попытки воздержаться от него. Например, сегодня утром я не делал впрыскивания. . . Мне жаль Анны. Каждый новый процент убивает ее. Мне жаль. Ах, какой человек!

Да. . . Так. . . вот. . . когда стало плохо, я решил все-таки помучиться (пусть бы полюбовался на меня профессор N) и оттянуть укол и ушел к реке.

Какая пустыня. Ни звука, ни шороха. Сумерек еще нет, но они где-то притаились и ползут по болотцам, по кочкам, меж пней. . . Идут, идут к Левковской больнице. . . И я ползу, опираясь на палку (сказать по правде, я несколько ослабел в последнее время).

И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро и ножками не перебирает под своей пестрой юбкой колоколом старушонка с желтыми волосами. . . В первую минуту я ее не понял и даже не испугался. Старушонка как старушонка. Странно — почему на холоде стару-

шонка простоволосая, в одной кофточке? . . . А потом, откуда старушонка, какая? Кончится у нас прием в Левкове, разъедутся последние мужицкие сани, и на десять верст кругом — никого. Туманы, болотца, лесал! А потом вдруг пот холодный потек у меня по спине — понял! Старушонка не бежит, а именно л е т и т, не касаясь земли. Хорошо? Но не это вырвало у меня крик, а то, что в руках у старушонки вилы. Почему я так испугался? Почему? Я упал на одно колено, простирая руки, закрываясь, чтобы не видеть ее, потом повернулся и, ковляя, побежал к дому, как к месту спасения, ничего не желая, кроме того, чтобы у меня не разрывалось сердце, чтобы я скорее вбежал в теплые комнаты, увидел живую Анну. . . и морфию. . .

И я прибежал.

Вздор. Пустая галлюцинация. Случайная галлюцинация.

19 ноября.

Рвота. Это плохо.

Ночной мой разговор с Анной 21-го:

А н н а. — Фельдшер знает.

Я. — Неужели? Все равно. Пустяки.

А н н а. — Если не уедешь отсюда в город, я удавлюсь. Ты слышишь? Посмотри на свои руки, посмотри.

Я. — Немного дрожат. Это ничуть не мешает мне работать.

А н н а. — Ты посмотри — они же прозрачны. Одна кость и кожа. . . Погляди на свое лицо. . . Слушай, Сережа, уезжай, заклинаю тебя, уезжай. . .

Я. — А ты?

А н н а. — Уезжай. Уезжай. Ты погибашь.

Я. — Ну, это сильно сказано. Но я действительно сам не пойму, почему так быстро я ослабел? Ведь неполный год, как я болею. Видно, такая конституция у меня.

А н н а (печально). — Что тебя может вернуть к жизни? Может быть, эта твоя Амнерис-жена?

Я. — О нет. Успокойся. Спасибо

морфию, он меня избавил от нее.

А н н а. — Ах ты, боже. . . что мне делать? . . .

Я думал, что только в романах бывают такие, как эта Анна. И если я когда-нибудь поправлюсь, я навсегда соединю свою судьбу с нею. Пусть тот не вернется из Германии.

27 декабря

Давно я не брал в руки тетрадь. Я закутан, лошади ждут. Бомгард уехал с Гореловского участка, и меня послали заменить его. На мой участок — женщина-врач.

Анна — здесь. . . Будет приезжать ко мне. . .

Хоть 30 верст.

Решили твердо, что с 1 января я возьму отпуск на один месяц по болезни — и к профессору в Москву. Опять я дам подписку, и месяц я буду страдать у него в лечебнице нечеловеческой мук.

Прощай, Левково. Анна, до свиданья.

1918 год

Январь.

Я не поехал. Не могу расстаться с моим кристаллическим растворимым божком.

Во время лечения я погибну.

И все чаще мне приходит мысль, что лечиться мне не нужно.

15 января.

Рвота утром.

Три шприца четырехпроцентного раствора в сумерки.

Три шприца четырехпроцентного раствора ночью.

16 января.

Операционный день, потому большое воздержание — с ночи до 6 часов вечера.

В сумерки — самое ужасное время — уже на квартире слышал отчетливо голос, монотонный и угрожающий, ко-

торый повторял:

— Сергей Васильевич. Сергей Васильевич.

После впрыскивания все прошло сразу.

17 января.

Вьюга — нет приема. Читал во время воздержания учебник психиатрии, и он произвел на меня ужасающее впечатление. Я погиб, надежды нет.

Шорохов пугаюсь, люди мне ненавистны во время воздержания. Я их боюсь. Во время эйфории я их всех люблю, но предпочитаю одиночество.

Здесь нужно быть осторожным — здесь фельдшер и две акушерки. Нужно быть очень внимательным, чтобы не выдать себя. Я стал опытен и не выдам. Никто не узнает, пока у меня есть запас морфия. Растворы я готовлю сам или посылаю Анне заблаговременно рецепт. Один раз она сделала попытку (нелепую) подменить пятипроцентный двухпроцентным. Сама привезла его из Левкова в стужу и буран.

Из-за этого у нас была тяжелая ссора ночью. Убедил ее не делать этого. Здешнему персоналу я сообщил, что болен. Долго ломал голову, какую бы болезнь придумать. Сказал, что у меня ревматизм ног и тяжелая неврастения. Они предупреждены, что я уезжаю в феврале в отпуск в Москву лечиться. Дело идет гладко. В работе никаких сбоев. Избегаю оперировать в те дни, когда у меня начинается неудержимая рвота с икотой. Поэтому пришлось приписать и катар желудка. Ах, слишком много болезней у одного человека!

Персонал здешний жалостлив и сам гонит меня в отпуск.

Внешний вид: худ, бледен восковой бледностью.

Брал ванну и при этом взвесился на больничных весах. В прошлом году я весил 4 пуда, теперь 3 пуда 15 фунтов. Испугался, взглянув на стрелку, потом это прошло.

На предплечьях непрекращающиеся нарывы, то же на бедрах. Я не умею

стерильно готовить растворы, кроме того, раза три я впрыскивал некипяченым шприцем, очень спешил перед поездкой.

Это недопустимо.

18 января.

Была такая галлюцинация: жду в черных окнах появления каких-то бледных людей. Это невыносимо. Одна штора только. Взял в больнице марлю и завесил. Предлога придумать не мог.

Ах, черт возьми! Да почему, в конце концов, каждому своему действию я должен придумывать предлог? Ведь действительно это мучение, а не жизнь!

Гладко ли я выражаю свои мысли? По-моему, гладко.

Жизнь? Смешно!

19 января.

Сегодня во время антракта на приеме, когда мы отдохнули и курили в аптеке, фельдшер, крутя порошок, рассказывал (почему-то со смехом), как одна фельдшерица, болея морфинизмом и не имея возможности достать морфия, принимала по полрюмки опийной настойки. Я не знал, куда девать глаза во время этого мучительного рассказа. Что тут смешного? Мне он ненавистен. Что смешного в этом? Что?

Я ушел из аптеки воровской походкой.

«Что вы видите смешного в этой болезни? . . .»

Но удержался, удерж.

В моем положении не следует быть особенно заносчивым с людьми.

Ах, фельдшер. Он так же жесток, как эти психиатры, не умеющие ничем, ничем, ничем помочь больному.

Предыдущие строки написаны во время воздержания, и в них много несправедливого.

1 февраля.

Анна приехала. Она желта, больна. Доконал я ее. Доконал. Да, на моей

совести большой грех.

Дал ей клятву, что уезжаю в середине февраля.

Исполню ли ее?

Да. Исполню.

Е.т. буду жив.

3 февраля.

Итак: горка. Ледяная и бесконечная, как та, с которой в детстве сказочного Кая уносили сани. Последний мой полет по этой горке, и я знаю, что ждет меня внизу. Ах, Анна, большое горе будет вскоре, если ты любила меня. . .

11 февраля.

Я решил так. Обращусь к Бомгарду. Почему именно к нему? Потому что он не психиатр, потому что молод и товарищ по университету. Он здоров, силен, но мягок, если я прав. Помню его. Быть может, он над . . . я в нем найду участливость. Он что-нибудь придумает. Пусть отвезет меня в Москву. Я не могу к нему ехать. Отпуск я получил уже. Лежу. В больницу не хожу.

На фельдшера я наклеветал. Ну, смеялся. . . Не важно. Он приходил навещать меня. Предлагал выслушать.

Я не позволил. Опять предлоги для отказа? Не хочу выдумывать предлога.

Записка Бомгарду отправлена.

Люди! Кто-нибудь поможет мне?

Патетически я стал восклицать. И если кто-нибудь прочел бы это, подумал — фальшь. Но никто не прочт.

Перед тем как написать Бомгарду, все вспоминал. В особенности всплыл вокзал в Москве в ноябре, когда я убежал из Москвы. Какой ужасный вечер! Краденый морфий я впрыскивал в уборной. . . Это мучение. В двери ломились, голоса гремят, как железные, ругают за то, что я долго занимаю место, и руки прыгают, и прыгает крючок, того и гляди распахнется дверь. . .

С тех пор и фурункулы у меня.

Плакал ночью, вспомнив это.

12-20 ночью.

И опять плак. К чему эта слабость и мерзость ночью?

1918 года 13 февраля на рассвете в Гореловке.

Могу себя поздравить: я без укола уже четырнадцать часов! Четырнадцать! Это немислимая цифра. Светает мутно и беловато. Сейчас я буду совсем здоров?

По зрелому размышлению Бомгард не нужен мне, и не нужен никто. Позорно было бы хоть минуту длить свою жизнь. Таковую — нет, нельзя. Лекарство у меня под рукой. Как я раньше не догадался?

Ну-с, приступаем. Я никому ничего не должен. Погубил я только себя. И Анну. Что же я могу сделать?

Время залечит, как пела Амнер. С ней, конечно, просто и легко.

Тетрадь Бомгарду. Все. . .»

V

На рассвете 14 февраля 1918 года в далеком маленьком городке я прочитал эти записки Сергея Полякова. И здесь они полностью, без всяких каких бы то ни было изменений. Я не психиатр, с уверенностью не могу сказать, поучительны ли, нужны ли?

По-моему, нужны.

Теперь, когда прошло десять лет, жалость и страх, вызванные записями, ушли. Это естественно, но, перечитав эти записки теперь, когда тело Полякова давно истлело, а память о нем совершенно исчезла, я сохранил к ним интерес. Может быть, они нужны? Беру на себя смелость решить это утвердительно. Анна К. умерла в 1922 г. от сыпного тифа, на том же участке, где работала. Амнерис — первая жена Полякова — за границей. И не вернется.

Могу ли я печатать записки, подаренные мне?

Могу. Печатаю. Доктор Бомгард.

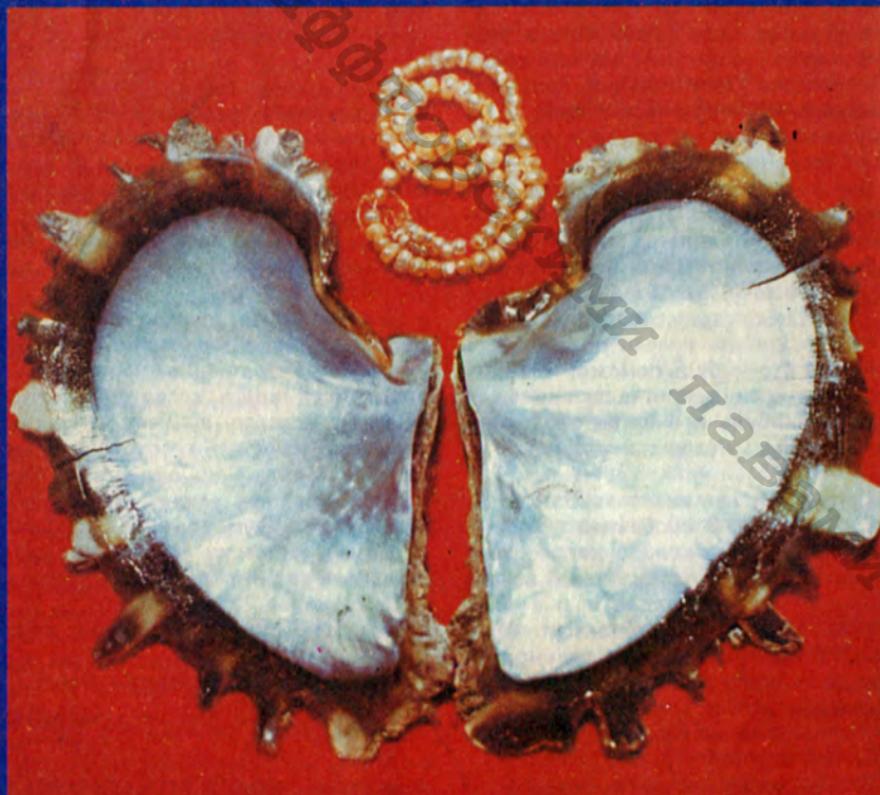
1927 г. Осень.

Жемчуг. . . Появление этих драгоценных горошин в морских и речных раковинах веками оставалось для людей необъяснимой загадкой. Отсюда — множество красивых легенд, преданий и поверий, иные из которых, как выясняется, имеют вполне реальную основу.

«ЗАСТЫВШИЕ СЛЕЗЫ» КРАСАВИЦЫ СИТЫ

Рудольф БУРУКОВСКИЙ

Фото Владимира МОНИНА и из журнала «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Существует предание, что египетская царица Клеопатра как-то приказала растворить в винном уксусе драгоценную жемчужину, а затем выпила этот напиток, надеясь, что он поможет ей продлить молодость, на долгие годы сохранить красоту.

Так что же на самом деле представляет собой жемчуг, откуда он берется и каковы его свойства?

Как сообщает древнеиндийский эпос «Рамаяна», однажды десятиглавый демон Равана похитил красавицу Ситу, жену принца Рамы. Когда злодей вез ее в лодке по морю, слезы безутешно горевавшей молодой женщины капали в море, попадали в раскрытые створки раковин и, застывая, превращались в прекрасные жемчужины.

В Европе же долгое время полагали, что жемчуг — это радужные капли утренней росы, попавшие в раковины и затвердевшие в них. Вот свидетельство хронографа походов Христофора Колумба Бартоломе де Лас Касаса: «И он (Колумб. — *Ред.*) говорит, что если, как о том пишет Плиний, жемчуг рождается от росы, попадающей в раковины, когда открыты их створки, то есть основания предполагать, что здесь будет найдено много жемчуга, ибо росы в этих местах обильны, а раковин, и при этом больших, встречается очень много».

Известны и другие версии, связывавшие появление жемчужин в раковине с ударами молний, громом, проливными дождями, присутствием в водоемах определенных видов рыб, животных. Скажем, на Кубани существовала примета: если в реке живут

выхухоли, то должны быть и жемчужные раковины.

А еще издавна знали люди, что носить украшения из жемчуга лучше не на ткани, а на обнаженных участках кожи, что желательнее всего чаще ласкать жемчужины, поглаживать их пальцами. Знали и способы оживления потускневшего жемчуга. Например, в Индии его давали склевать петуху с роскошным трехцветным хвостом. Еще через час птицу резали, и вынутые из ее зоба жемчужины сверкали, как прежде.

Но пора, думается, с зыбкой почвы легенд и преданий переходить на твердый фундамент научных фактов. Он был «заложен» в XVI веке, когда Гийом Ронделе высказал предположение, что образование жемчуга — следствие болезненных процессов в раковине. А в 1761 году выдающийся шведский ученый Карл Линней искусственно получил в раковине жемчужину, предварительно повредив мантию моллюска. Тем самым он не только подтвердил гипотезу Ронделе, но и предвосхитил культивирование жемчуга.

Сегодня доподлинно известно: для зарождения жемчужины необходимо, чтобы в раковину попала песчинка или какое-нибудь другое инородное тело. Так, в жемчужницах у острова Цейлон основой формирования драгоценной горошины часто становятся личинки ленточного червя.

Обычно в раковине (разумеется, далеко не в каждой) находят одну-единственную жемчужину, очень редко две и более. Несколько лет на-

зад, нырнув с маской с мола в Даккаре, я совсем недалеко от берега «наткнулся» на сорокасантиметровую раковину, в которой оказались именно две, пускай и неправильной формы, с коричнево-серыми напльвами, но все-таки жемчужины.

Как это ни покажется странным, но по химическому составу даже самая прекрасная жемчужина идентична раковине, а следовательно, мелу. Драгоценностью ее делают микроскопические прослойки белковоподобного вещества — конхиолина, превращающего обыкновенные минеральные кристаллы в сложную си-

стему линз, причудливо отражающих и преломляющих потоки света. А многообразие оттенков — от розового до зеленоватого и синего — объясняется повышенным содержанием в жемчуге тех или иных химических элементов. Например, медь и серебро окрашивают жемчужины в золотистые и кремовые тона, цинк и натрий — в розовые. . .

Не является больше секретом и способность потускневшего жемчуга «оживать» — желудочный сок петуха (как, кстати, и пот, выделяемый через поры кожи) вызывает кислую реакцию, в ходе которой стравлива-

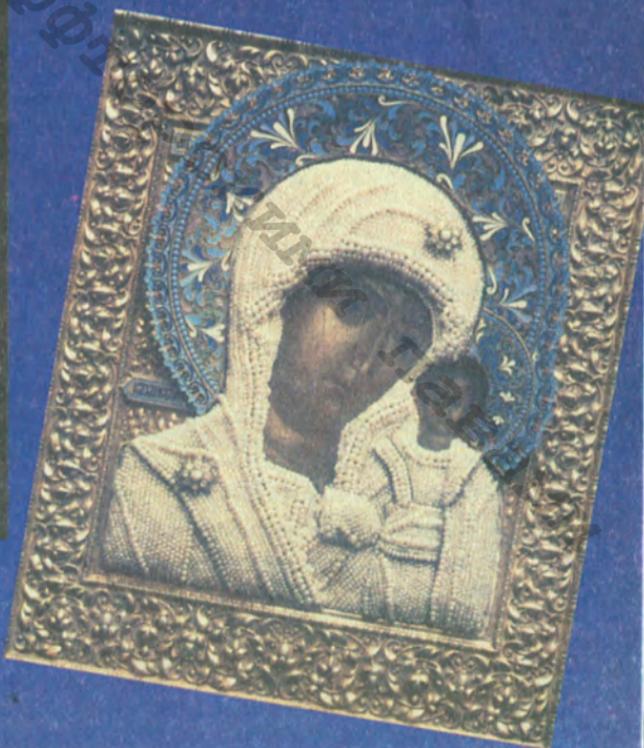
ются выветренные радужные слои и обнажаются последующие. Хвост же петуха не играет никакой роли, он может вообще быть бесхвостым.

Естественно, количество радужных слоев не бесконечно, поэтому продолжительность жизни жемчужин сравнительно коротка — 250 — 300 лет. Но иные из драгоценных горюшин безвозвратно теряют блеск и начинают разрушаться уже через 80-100 лет.

Гораздо дольше сохраняется жемчуг без доступа воздуха. Свидетельством тому могут служить хорошо сохранившиеся жемчужные серьги,

которые были найдены при раскопках Помпеи — города, погребенного под слоем земли и пепла в 79 г.н.э.

Несколько слов о величине жемчужин. О самых мелких великий ученый средневековья Бируни образно писал, что они «размерами подобны горчичным зернам, а когда нанизаны, то похожи на седой волосок». Наиболее распространены жемчужины размером от 3 до 7 миллиметров, но бывают и более крупные. В 1917 году у западного побережья Австралии нашли жемчужину величиной с воробьиное яйцо. Она весила 10 граммов и удостоилась собственного

имени — «Звезда Запада». Самая же крупная (из всех известных) жемчужина была найдена у острова Палаван в Южно-Китайском море. При вытянутой форме ее длина — 24 см, диаметр — 14 см, а вес. . . 6,5 килограмма.

Впрочем, жемчуг не только добывают, его еще и выращивают. Вслед за Карлом Линнеем искусственно вызвать зарождение жемчужины в раковине удалось еще нескольким ученым, но подлинным основателем жемчужководства считают японца Кокичи Микимото. Первого успеха он добился в конце прошлого столетия, а затем усовершенствовал свой способ и создал сеть предприятий по выращиванию жемчуга.

В наши дни жемчуг культивируют

в большинстве префектур Японии, причем отличить его от природного можно только при помощи специальных приборов. Ежегодно собираемые в этой стране «урожаи» жемчуга, 75 процентов которого идет на экспорт, еще с середины 60-х годов превышают 120 тонн! Кроме того, филиалы предприятий, основанных некогда Микимото, действуют на Цейлоне, в Австралии и островах Полинезии. И лишь однажды за многие годы спрос на жемчуг упал так сильно, что несколько тонн драгоценных горошин пришлось — так вы законы рынка — высыпать в море.

*Из журнала «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Публикуется в изложении.*

ЖЕМЧУЖНАЯ ХРОНИКА

До самого последнего времени только в Японии и Китае знали и, естественно, держали за семью замками секрет культивирования жемчуга в пресноводных жемчужницах. Но, похоже, теперь монополии этих двух стран приходит конец.

Как сообщил журналистам сотрудник индийского Центрального института пресноводных культур К. Джанакир, в результате очередного эксперимента от 90 процентов задействованных в нем моллюсков удалось получить прекрасные жемчужины желтоватых, розовых и серебристых оттенков. Ученый также выразил уверенность в том, что очень скоро Индия не только полностью удовлетворит внутренний спрос на жемчуг, но и выйдет с ним на мировой рынок, ибо процесс культивирования по технологии, разработанной в институте, длится от шести месяцев до года, тогда как в Японии и Китае — до трех лет.

По материалам газеты «ТРУД».

НИГЛИЗИН ПРОТИВ СПИДА

По данным Туркменского республиканского центра по профилактике и борьбе со СПИДом, лиц, зараженных этой болезнью, а также носителей инфекции на территории Туркмении нет. Тем не менее здесь усиленно выращивают, ведут переработку и поставку солодки, из корня которой сотрудниками Института химии и медицинского института Башкирии получен новый медицинский препарат — ниглизин. Препарат этот способен оказывать подавляющее действие на размножение вируса СПИДА и, как показывают первые испытания, проведенные в Новосибирске, обладает высокой эффективностью в процессе лечения заболевания.

Действие препарата, по мнению специалистов, аналогично эффекту азидотимидина, разработанного американскими учеными, с той разницей, что применение американского препарата значительно ограничено его высокой общей токсичностью. К тому же ниглизин обладает избирательностью к вирусу СПИДА. Ожидается, что в ближайшее время начнется массовый выпуск столь необходимого медицинского препарата.

КОМАРЫ, МАЛЯРИЯ И АНТИБИОТИК

До последнего времени одним из основных методов борьбы с малярией оставалось уничтожение малярийных комаров с помощью ДДТ. Несмотря на официальные запреты, использование этого ядохимиката для обработки водоемов, в которых выводятся личинки комаров, продолжается и сегодня. Однако под дейст-

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

вием естественного отбора постепенно появились расы комаров, нечувствительных к действию ДДТ. Поэтому ученые начали искать средства уничтожения не только самих насекомых, но и развивающихся в них возбудителей малярии — плазмодиев.

Московские биологи решили использовать для этой цели антибиотики, в частности, фитобактериомицин, подавляющий в личинках комаров возбудителей малярии. Чтобы «накормить» личинки антибиотиком, его смешивали с перлитом (разновидность сыпучего песка) и готовили из смеси мелкие гранулы. При попадании гранул в воду антибиотик медленно растворялся, и личинки поглощали его вместе с пищей.

Наблюдения показали, что фитобактериомицин не только препятствует развитию плазмодиев в комарах, но и убивает значительную часть самих кровососов. В результате действия антибиотика комаров, которые способны разносить возбудителей болезни, стано-

вится в 70 — 80 раз меньше, что позволяет полностью отказаться от применения ДДТ.

НА СМЕНУ БИНТАМ И ТАМПОНАМ

Специалисты Ленинградского медицинского института предлагают вместо бинтов и тампонов использовать биокompозиты — гидро- и криогели, похожие с виду на мягкий рыхлый поролон. В них легко вводятся лекарственные вещества, что придает этим перевязочным средствам лечебные свойства. Если приложить их к месту ожога или ране, заживление происходит быстрее, раны не гноятся. Но биокompозиты обладают не только сильнейшими антибактериальными свойствами. Они хорошо рассасываются, оставленные в ране при хирургической операции.

Уникальным материалом заинтересовались специалисты США, ФРГ, Японии.

ЛАЗЕР В ПСИХИАТРИИ

Облучая кровь пациента слабым светом лазера, можно исцелить хронические депрессии, угнетенное состояние психики, не поддающиеся медикаментозному лечению. Такой метод в медицинской практике применили ученые Харьковского института неврологии и психиатрии. Мощность лазера невелика — до тысячи долей ватта. Поэтому никакого разрушительного воздействия на живые ткани луч лазера не оказывает.

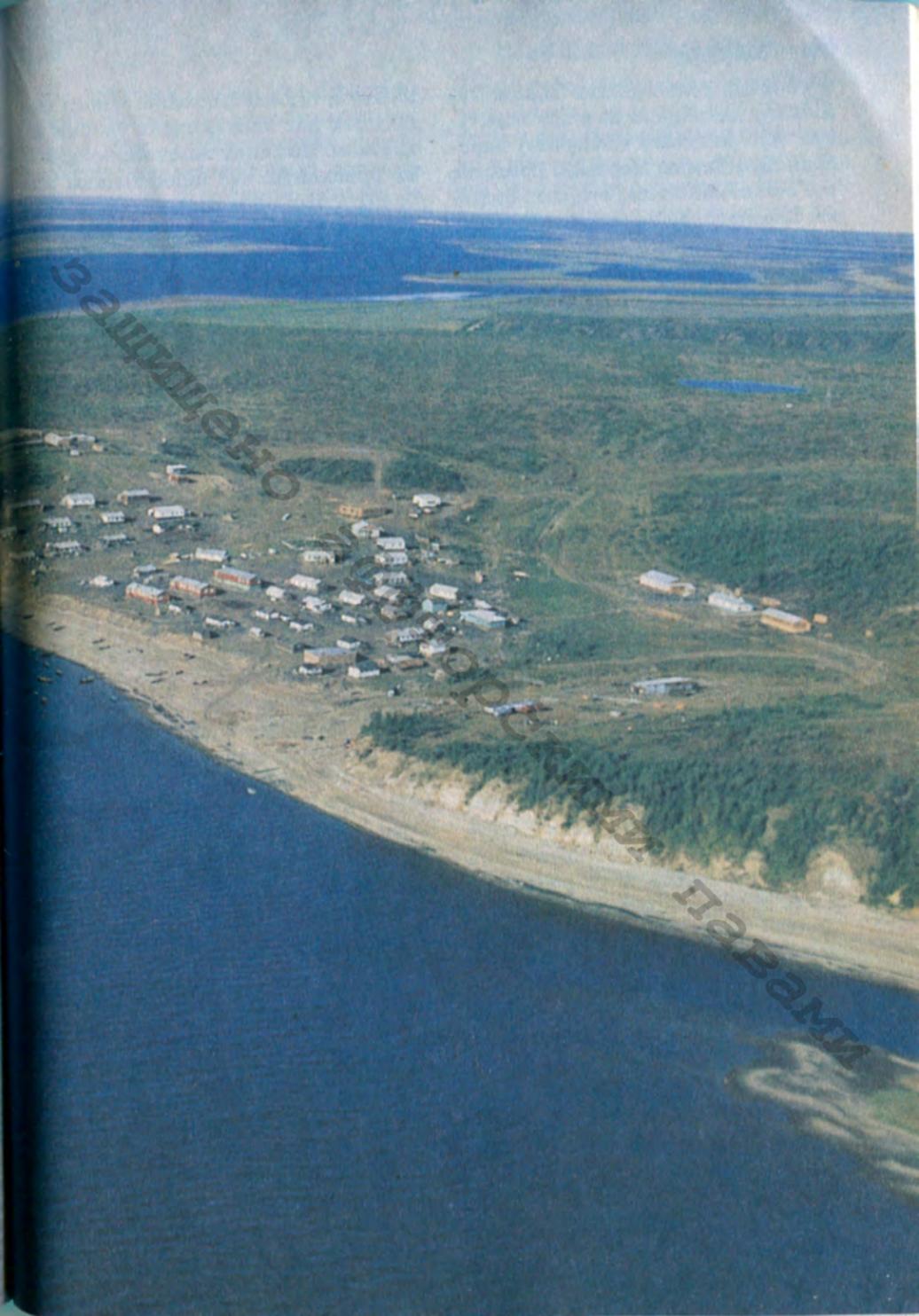
По материалам «ИНЖЕНЕРНОЙ ГАЗЕТЬ», журналов «НАУКА И ЖИЗНЬ», «ЮНЫЙ ТЕХНИК» и «МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТЬ».

САМЫЕ СЕВЕРНЫЕ ЛЮДИ

Юрий СИМЧЕНКО, доктор исторических наук

ФОТО ИАН

Зашито

История

Павани

Великий нганасанский шаман Тубяку Костеркин из рода Нгамтусу (что означает «щедрые») переселился в Землю Мертвых. Известие это ошеломило всех, кто знал старика. Казалось, он вечен. В свои семьдесят лет столько сказаний знал и хранил в памяти, сколько самому Гомеру не снилось. Мог воспроизвести любую песню, исполненную при нем хоть однажды, чем привел в восторг тех, кто слышал его в научном центре в Новосибирске и на фестивале самодеятельного искусства в Москве. Да и выглядел он необычайно молодо для нганасана. А я помнил его совсем еще молодым...

Лет сорок назад довелось мне некоторое время жить среди нганасан — обитателей таймырской тундры, самого северного народа Земли. Веками жили их предки за Полярным кругом. Этнографы считают их прямыми потомками палеоазиатов, которые охотились в этих местах на диких оленей. Потом с юга пришли на Таймыр самоедо-язычные племена, следом за ними эвенки. И постепенно сложился народ, ныне именуемый нганасанами*, пронесший сквозь тьму веков и сохранивший многие древние обычаи.

Тубяку, сына знаменитого шамана Дюходэ, я впервые увидел на реке Авам. Он приехал на фабрику по позднему снегу (а в таймырской тундре снег лежит порой и в июне), чтобы закупить на лето муку, соль, спички, табак. Пока он занимался покупками, я внимательно рассматривал орнаменты на его одежде. Вообще нганасанские парки (верхние

шубы) и бакари (меховые сапоги из шкуры с ног оленя) очень удобны и красивы. Но самое замечательное — их орнаменты. По аппликациям из белой и черной кожи можно многое узнать о человеке, о его социальном положении. Например, о мужчине — полноправный ли он охотник, о женщине — замужем ли и есть ли дети. Мужчина у нганасан считается взрослым лишь после того, как добудет первого дикого оленя. Сам я долго щеголял в одежде с детским орнаментом. Но как только сумел добыть оленя, в тот же вечер меня перевели в разряд взрослых, с правом ухаживать за представительницами прекрасного пола.

По орнаментам на одежде Тубяку можно было определить, что он человек достойный и уважаемый и что у него очень старательная жена. Нас познакомили, и после долгого, основательного разговора за чаем он пригласил меня: «Давай, ко мне в чум гостевать приходи. Мы-то на Пясины стоять будем, где олень ходить будет. Его колоть будем».

Приглашение я принял и, как только представилась возможность, приехал на Пясины. Стойбище Тубяку — три чума, три семьи — расположилось на высоко правом берегу реки.

— Пошли дикого оленя добывать, — предложил мне племянник шамана.

— Давай-давай, иди, — поддержал его старик, в чуме которого я поселился. К моим ученым (этнографическим) занятиям он относился без уважения. Для молодого мужчины, считал он, только одно дело достойное — охота на дикого оленя.

Мы долго шли по холмистой тун-

* Сейчас нганасан 1262 человека (в 1979 году их числилось 935). — Ред.

дре, спугивая с гнезд уже севших на яйца гусынь, краснозобых казарок, гаг и уток. Темношерстные песцы, совершенно непохожие на прелестных зимних, бесстрашно тьявли на нас. Разная птичья мелочь так галдела, что в ушах стоял непрерывный звон.

Наконец парень привел меня на традиционное место засады: каждое лето охотники выходят на одни и те же места, где осенью будут переправляться через реку дикие олени и где начнется большая охота. А сейчас мы ждали здесь комолых быков. И они пришли. Охота была легкой. Парень быстро «разобрал» две добытые туши на части и уселся «сагудать» — есть сыранину. Нганасаны едят оленину в основном сырой: фруктов на Таймыре нет, и витамины только в сыром мясе, в печени. Еда эта легкая, усваивается хорошо. Силы после такой трапезы прямо-таки удваиваются. Знаю — пробовал.

Обратная дорога с тяжелыми нартами, в которые мы сами впряглись вместе с собаками, показалась мне бесконечной. Не доходя до жилища, парень бросил лямку и пошел в чум. Я последовал его примеру. И, оказалось, правильно сделал. У нганасан считается крайне неприличным для охотника смотреть, как разделяют и делают его добычу. Мужчина — лишь копьем владеет. Добыча — это уже собственность его жены. И вообще все: и чум, и одежда, и утварь — принадлежит женам. Даже возраст женатого мужчины исчисляется по возрасту его жены (чем старше она, тем больше уважения). Когда женщина умирает, в ее похоронный аргиш складывают всю недвижи-

мость, детей забирают ее родственники (кстати, малышей любят и оберегают все, независимо от того, есть ли у них отцы и прочие родственники). Ну а вдовец остается на снегу со своим копьём и с правом искать новую жену.

... Прошел месяц моей жизни на Пясины. Приближалась осень, и дикие олени потянулись с севера на юг, к границе леса. Все стойбище жило в напряженном ожидании предстоящей охоты. Старики дежурили на берегу. Ребятишки присмирели, играть убегали за невысокую каменную гряду (а играли в охоту на диких оленей!). И вот однажды ранним утром хозяин растолкал меня. Я мигом выскочил из мехового спального мешка — нганасанской постели — и осторожно вышел по овражку к каменной загородке у реки. Стадо оленей, сотни две голов, крутилось на противоположном берегу. Они подходили к воде, принимались, но в воду не шли. Наконец старая важенька, закинув рога на спину, бросилась в реку и поплыла наперез течению. За ней, толкаясь, все стадо. Едва они миновали стрежень, на берег выскочили из засады два охотника, в лодку и — прямо в плывущее стадо, только весла двулопастные замелькали. В мгновение ока врезались они в самую гущу, и тут уже замелькали копыя.

Нганасаны ростом невелики, самый высокий мужчина у них едва за полтора метра. Сколько же силы и какая сноровка нужны, чтобы наносить такие точные удары! Вот юркие двухметровые лодочки вынесли охотников на чистую воду. Олени вихрем промчались по берегу. Кончилась охота. По течению медлен-

но плыли туши. Пожилые мужчины отправились на их буксировку.

Так же добывали оленей и сотню лет назад, и тысячу. Есть у сегодняшних нганасан и ружья, и прочее современное охотничье снаряжение. Но до недавнего еще времени они предпочитали этот дедовский способ. Так и животных не разгонишь, и добычи хватит себе и соседям. Да что соседям! Кормили же нганасаны мясом такие огромные для Заполярья города, как Норильск и Дудинка. А сейчас и заезжие охотники, и местные гоняются за дикими оленями на моторных лодках, бьют картечью. Бьют, сколько могут. Пока дикий олень на Таймыре не перевелся, более полумиллиона голов насчитывают. Но старики говорят, теперь олень не будет ходить теми же тропами, что раньше. . .

Когда пришло время покидать

стойбище, я сказал всем на нганасанский лад: «Я пошел». Потому что нет у них слов «здравствуй», «до свидания», «спасибо» — тоже нет. Слова эти считаются лишними. Древний закон народа, строго определяя отношения между людьми, запрещает негостеприимство, отказ поделиться тем, что у тебя есть, с теми, кто в этом нуждается, осуждает ложь и даже плохие мысли. А еще, как и у всех народов Севера, есть у нганасан «личные песни» — устный паспорт человека. Никогда они не прерываются. Песню Тубяку Костеркина из рода Нгамтусо есть кому подхватить. И я ее не забуду.

Из журнала «РОДИНА».

Случай из жизни

ПАРАШЮТИСТ В МЕРТВОЙ ПЕТЛЕ

Петр ВОРОНКОВ

Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА

Э тот апрельский день обещал быть таким же, как и сотни других. Григорий Спесивцев даже не помнит, как началось то воскресенье.

Ближе к вечеру, часов в семь, они взлетели над Тушинским аэродромом с очередной партией новичков. За день Григорий прилично вымотался, он был выпускающим — человеком, который в армейских анекдотах обычно дает пинка струсившему десантнику. (На самом деле, функции выпускающего, конечно, посложнее.)

Они сделали пару заходов, кинули пристрелочные парашюты, а затем он выпустил первую тройку «зеленых» перворазников (тех, кто прыгает впервые). Чуть погодя — вторую. И вдруг заметил, что один из парашютистов второй тройки, зацепившись, летит за самолетом. . .

— Григорий, какую зарплату вы получаете?

— Не то чтобы очень. Но раза в три-четыре больше, чем инженер. Я ведь и был инженером, а восемь лет назад зашел в родной клуб, где раньше прыгал, и остался работать.

— Из любви к искусству?

— Не хочу утверждать, что деньги — последнее в жизни человека. Но какими суммами измерить риск, истраченные нервы. Нет, здесь другое, не знаю, как определить. В общем, называйте, как хотите. . .

— Сколько раз вы прыгали с парашю-

том?

— Две тысячи триста двенадцать.

. . . Мысль работала с сумасшедшей скоростью. Как это, черт возьми, случилось? Новички прыгают с принудительным раскрытием парашюта. Видимо, вытязная веревка, пристегнутая в самолете за трос, оказалась под тесьмой крепления запасного парашюта. Но как?! Наверное, когда парень одевался. А инструктор не заметил. И он — Григорий — в самолете не проверил монтаж. Да и как проверишь, когда сидят десять человек, словно седельки в бочке, и не подберешься.

А сейчас эта веревка, вытянув метра полтора купола через ленту крепления, застряла, затянулась в мертвую петлю. И парашютист болтается под днищем самолета.

Он кинулся к пилоту доложить о зависании. И все время твердил про себя: лишь бы парень не запаниковал, не попытался открыть запасной парашют. Если откроет, тогда все — конец. Самолет разрушит.

Но новичок держался молодцом, без истерик. И звали его смешно — Петр Фабрици. Ничего, потерпи, синьор Фабрици, и думать забудь о запасном парашюте.

— Григорий, у вас есть семья?

— Нет. С моей профессией ее лучше не заводить. Удачных браков и так единицы. Зачем жену все время в напряжении держать. Постоянно разъезды,

прыжки. . .

— Экстремальные ситуации. . .

— У нас ведь спорт такой — повышенного риска. Так что ничего здесь особенного. Суперменов у нас нет. Бывает порой страшновато. Но на всякой работе существуют издержки.

У меня, естественно, всякие случаи бывали. И самооценки, и разрушение парашюта. Вот, например, летом в Орле, на празднике авиации я исполняю свой коронный номер — «Салют». Прыгаешь с ракетницами на ногах и в полете стреляешь. Красиво получается. А тут прыгнул — и закрутка строп. И высота как назло вместо положенных тысячи метров всего восемьсот — из-за облачности. То есть раздумывать некогда. Нужно успеть отстегнуть парашют, раскрыть запасной да еще стрелять, чтобы народу праздник не испортить. А вертикальная скорость у запасного очень приличная. И спускаться на нем, я вам скажу. . .

— Неприятно?

— Неприятности потом бывают, после приземления. Так сказать, разбор полетов: почему, отчего.

. . . Поначалу парень висел как-то боком, спрячившись. Потом его развернуло, и Григорий увидел глаза. Трудно передать, что было в них. . . Но главное — не было шока от испуга, потому что успокаивать Григорий его не мог. Кричи, хоть до хрипа, все равно не услышит.

Он кинул ему веревку, и парень прицепил крюк за поясную систему. Теперь предстояло втянуть его обратно в самолет. Вместе с Григорием в самолете оставалось трое «перворазников».

В подобной ситуации ребятам бывать не приходилось. Им мешали вытяжные веревки, ограничивали движения. От вида открытой двери у них подгибались колени. Но все же на «раз-два, взяли!» они вместе принялись подтаскивать Фабрици.

Григорий Спесивцев.

Это был адов труд. Спротивление воздушного потока усиливал кусок купола, изогнувшийся дугой. Когда они подтащили Фабрици почти к самой двери, все окончательно выбились из сил. И веревка дальше не шла, хотя ты тресни. Они отдыхали и вновь братья за нее. Но тщетно. . .

Запасы горячего не беспредельны. Летали уже 40 минут. Внизу, на Волоколамском шоссе, задрав головы, столпились автомобилисты, возвращавшиеся с подмосковных дач. Стояла «скорая помощь», люди с брезентом, на воде у берега реки ждала лодка. . .

И Спесивцев принял решение.

Попытался знаками объяснить с Фабрици. А когда самолет снизился над рекой, полоснул ножом по натянутой, как струна веревке. . .

Григорий рассудил, что, если даже запасной парашют спутается с обрывком веревки и вытянутым куском основного, у парня останется шанс выжить. Но парашют раскрылся.

А еще через несколько минут санитары увезли Фабрици откачивать и сушить.

— Вы потом не спрашивали, было ли у него желание сразу раскрыть запасной парашют?

— Поначалу было. Но потом сообразил, что нельзя. Наверное, вспомнил инструктаж. Вообще, он хорошим парнем оказался. Сейчас в армии служит.

— Не пишет?

— А зачем ему писать? Вы это бросьте, что я, мол, ему жизнь спас. Не сидеть же было сложа руки. Это моя работа. Так что не очень меня героем представляйте. Тем более, что на мне еще выговор висит за тот случай. . .

Мы попрощались. У него начиналась подготовка к полетам. Обычный рабочий день, который потом сотрется в памяти, сольется с сотней похожих.

Геннадий Авдеевко, победитель первого чемпионата мира по легкой атлетике 1983 года, чемпион Олимпиады-88 в прыжках в высоту, своими выступлениями способен довести болельщиков до инфаркта: сенсационные победы чередуются у него с неожиданными поражениями.

ГЕННАДИЙ АВДЕЕНКО: «ХОЧУ ПРЫГАТЬ ДОЛГО»

Фото Юрия БЫКОВСКОГО

В 1983 году Авдеевко неожиданно для всех включили в сборную команду СССР по легкой атлетике. Кестутис Шапка, тренер прыгунов в высоту, объяснял журналистам: на Авдеевко, занявшего шестое место на Спартакиаде народов СССР, мы не рассчитываем, но парень хорош, стиль его интересен, пусть узнает, что такое большие соревнования, наберется опыта, поучится.

Девятнадцатилетний легкоатлет оказался учеником сверхспособным.

Начиналось же все с мечты молодого тренера одесской спортивной школы Бориса Робульца — воспитать спортсмена по модели XXI века. Робульца этот атлет представлялся таким: рост 2 метра, вес — 80 килограммов, скорость спринтера, прыгучесть мастера тройного прыжка, взрывная сила штангиста, ловкость акробата, смелость и преданность спорту.

В группе мальчишек, с которыми Борис вел занятия в начале 70-х годов, не было никого, кто обещал бы приблизиться к этим требованиям. Но превращение мечты в реальность во все времена сопряжено с подвижничеством. Робулец буквально переворочил Одессу в поисках прыгуна будущего. В 1971 году среди его учеников появился восьмилетний Геннадий Авдеевко.

Если не считать высокого роста, Геннадий был обычным, как говорят, средним мальчишкой. Медлительный и, как все акселераты, осторожный в движениях, он не выказывал ни смелости, ни спортивной злости. И уж, конечно, никто не мог предположить, что из этого мальчишки вырастет чемпион мира и олимпийский победитель.

Начинал Геннадий с тройного

прыжка. Но потом на юношеских соревнованиях случилось так, что некому в команде Одессы было прыгать в высоту. И Геннадия попросили попытать счастья — для командного зачета. Он отнекивался: мол не знает даже, с какого бока к этой планке подбежать. Упросили. И он с результатом 2,06 метра занял первое место. Так в прыжках в высоту и остался.

В основе методики Робульца лежит идея соревновательности — каждый должен на тренировке одержать победу. Робулец уверен: не может быть, чтобы в любом занятии и во всех упражнениях (у прыгунов их несколько десятков) оказывался один и тот же лидер. Лидеры меняются — и у каждого, даже у слабого, появляется шанс победить. Иначе начинающий разочаруется в своих силах и способностях, глядишь, бросит спорт, не реализовав своих возможностей. И в обыденной жизни такое бывает, к сожалению, не столь уж редко.

Робулец уходил с ребятами на берег моря. И там кто-то быстрее дру-

гих «атаковал» крутую песчаную горку, кто-то больше всех подтягивался на ветке, кто-то выигрывал километровый заплыв. В каждом упражнении был свой победитель, и все были счастливы.

Когда нашему «прыгуну будущего» исполнилось 19 лет, его рост был 201 сантиметр, вес 80 килограммов, стометровку пробегал за 10,7 секунды, в высоту прыгал на 2,27.

В 1983 году на чемпионате мира в Хельсинки Геннадий и ныне знаменитый Сергей Бубка (они и жили-то в одной комнате) удивили спортивный мир — никому не известные дебютанты стали чемпионами!

Но затем судьба двух друзей и ровесников сложилась по-разному. Если Бубка после Хельсинки стал бить рекорд за рекордом, перешел заветный для «шестовиков» рубеж в 6 метров, выиграл и второй чемпионат (1987 год, Рим), то Авдеев на долгие три года отошел в тень. Правда, на месте не стоял: в 1984 году его лучший результат равнялся 2,31 метра, в следующем — 2,33, еще через год — 2,35, а в 1987-м — 2,38.

Но соперники продвигались вперед или, скажем так, поднимались вверх куда быстрее. Рудольф Поварницын и Игорь Паклин, товарищи Геннадия по сборной, Карл Тренхард из ФРГ, швед Патрик Шеберг сменяли один другого в списках мировых рекордсменов, научились прыгать на 2,40 и выше.

Журналисты терялись в догадках, пытаясь объяснить отступление чемпиона на вторые позиции. Писали, что Геннадий, как и положено южанину, горяч и эмоционален, порой чрезмерно. Для большого спорта эти качества, когда их в избытке, отнюдь не полезны. В секторе для прыжков необходимо своими эмоциями управлять. Иногда Авдееenko такое удавалось, чаще — нет.

Сам Геннадий объяснял поражения так:

— После Хельсинки от меня ждали только побед. Тренер увлекся, запланировав на очередной сезон 2 м 40 см. Но я просто не был готов к мировому рекорду. Нагрузки из года в год росли, а это отрицательно сказалось на результатах. Работать на износ, пытаться выиграть все соревнования, значит сознательно сокращать свой спортивный век. Я же хочу прыгать как можно дольше.

В 1987 году Геннадий вышел из затянувшейся полосы неудач, сумев показать на первом чемпионате мира для закрытых помещений одинаковый с Паклиным результат — 2 м 38 см, и лишь по итогам перепрыжки оказался вторым. Затем на летнем чемпионате мира в Риме те же 2,38 покорили уже трое — снова Авдееenko с Паклиным (бронзовая и серебряная медали соответственно) и Шеберг, у которого оказалось лучшее соотношение попыток.

Судя по всему, спортсмен не очень расстраивался, рассчитывая взять реванш на Олимпийских играх.

И вот в Сеуле Бубка и Авдееenko снова оказались соседями по квартире в одном из корпусов Олимпийской деревни. И оба выиграли золотые медали.

Те, кто видел Геннадия в Сеуле, отмечают, что этот весельчак, балагур, доброжелательный даже по отношению к самым жестким своим конкурентам, на Олимпийском стадионе был предельно хладнокровен. И это явно пошло ему на пользу. Трудно, конечно, представить, что молодой человек мог вот так, враз, переродиться. Нет, Авдееenko остался прежним, друзья знают. Но управлять собой — научился. Каким образом? Уверенно можно сказать: на благо Геннадию пошла женитьба.

В спортивных кругах Людмилу, неоднократно чемпионку СССР по прыжкам в высоту, помнят под девичьей фамилией Петрусь. Они ровесники, оба родились в ноябре 1963 года. А в восемьдесят шестом в семье появилась дочь. К тому времени Людмила стала официальным тренером мужа.

Окажется ли удачным это семейно-спортивное содружество? Ответа мы ждем в нынешнем сезоне, поскольку в последние три года Геннадий выступал не часто, да и заметных успехов не добивался.

Но, наверное, уместно напомнить, что и после первого успеха в 1983 году Геннадий тоже на три года ушел в тень. Не повторится ли история на чемпионате мира в Японии?

По материалам журнала
«ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА»
и газеты «СОВЕТСКИЙ СПОРТ».

КАК УМЕРЛА «АЛЬФА ЛЮМ»

Валерий КУЧМИЙ

Фото Юрия БЫКОВСКОГО

У Сергея Сухорученкова, Олега Логвина, Александра Зиновьева, Василия Жданова и их десяти товарищей, чемпионов мира, победителей многих престижных велогонок, было блистательное прошлое. Будущего в любительских гонках у них не было. И когда весной 1989 года создавалась первая профессиональная команда советских велосипедистов,

казалось, жизнь давала им шанс. 14 гонщиков и два тренера — Владимир Брауде и Николай Морозов — под флагом алюминиевого концерна Марка Бруски из Сан-Марино начинали новую неизведанную жизнь.

Профессиональная велокоманда «Альфа Люм» рождалась в муках. Идея состояла в том, чтобы выбросить на велосипедный Запад целый

десант советских спортсменов. Но хотел ли этого Запад? Там ведь имелись свои далеко не бездарные велосипедисты и тренеры класса не хуже советского. Да и страшно в клан профи с нашими «любительскими» привычками! Мы ведь само слово «профессионал» недавно считали ругательным.

Поначалу поездка наших велосипедистов считалась чем-то вроде большой командировки, и деньги особенно никто не считал. Гонщикам платили 22 доллара суточных. За жилье, питание, транспорт платил Госкомспорт. Никто не думал тогда о том, куда растекается миллион, выделенный Бруски на команду «Альфа Люм». А схема была такова: почти все деньги — в государственную казну или государственным спортивным учреждениям. Лишь через какое-то время гонщики стали получать по тысяче долларов в месяц и по 500 рублей — дома. По нашим представлениям — это целое состояние, по западным — нищета. И 14 новых профи это быстро поняли.

ЛЕГКО ЛИ ЖИТЬ НА ЗАПАДЕ?

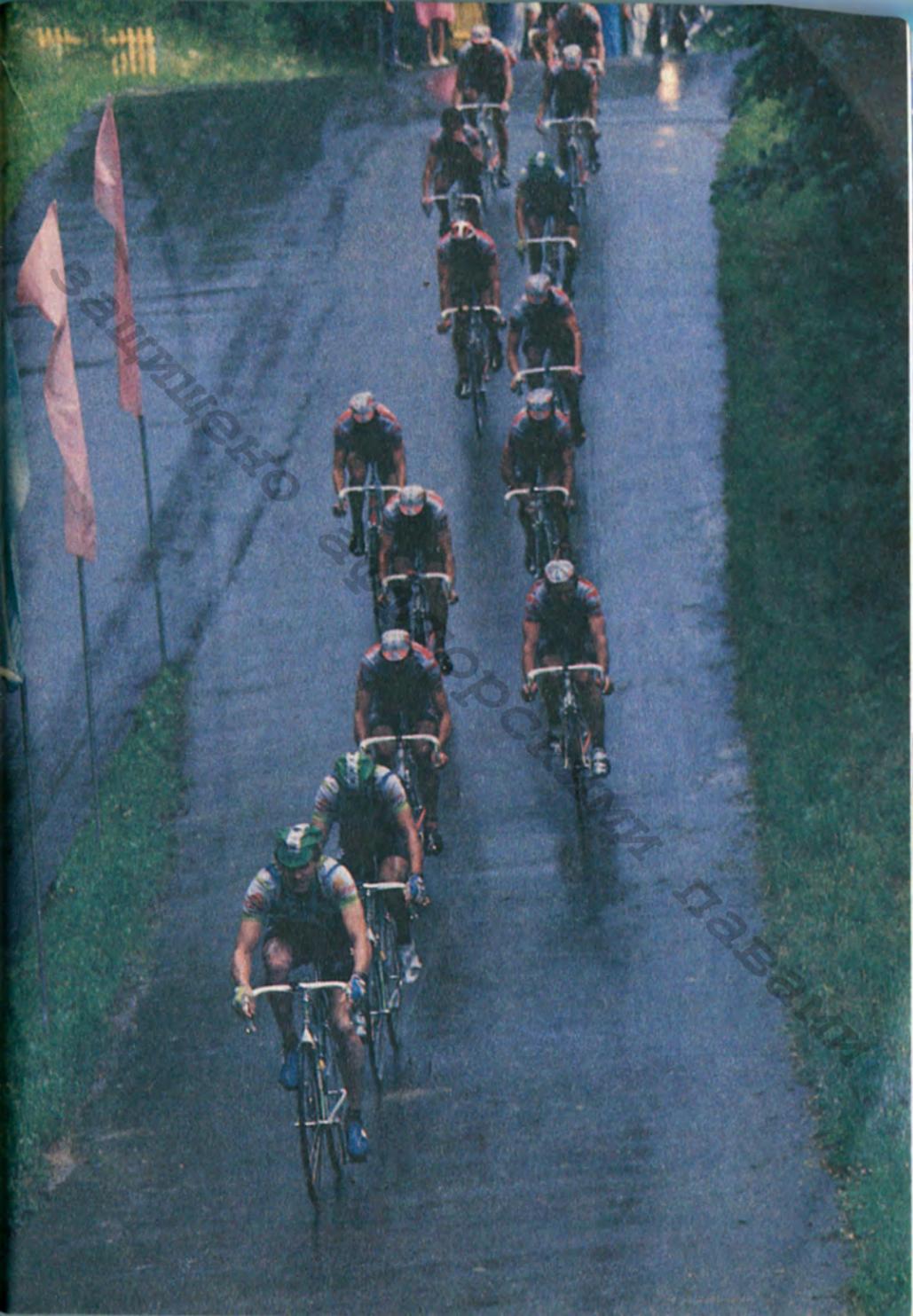
Все познается в сравнении. Поначалу сравнивали с тем, что имели дома, потом стали сравнивать с тем, что там имеют другие. Сравнения поражали. На этой грани, думаю, и происходил надлом наших соотечественников. Мы хотим себя чувствовать людьми, как и они, и это желание естественно. Но мы напрочь забываем о том, что и на Западе несем бремя на-

шего несладкого общества, что продолжаем жить по его законам. Эта раздвоенность гнетет, а часто и ломает людей. Вот почему, не вдаваясь в суть, многие гонщики «Альфа Люм» пришли к самому банальному выводу: почему они должны получать суточные, когда соседи по гонке имеют стотысячные, а то и миллионные контракты.

Опасность поджидала и с другой стороны. Вдруг оказалось, что стиль жизни наших спортсменов Западу не очень подходит. Нет, среди велосипедистов белоручек не было — все они, битые-перебитые, на своем веку и пота достаточно пролили, и лишней в гонках хлебнули. Но здесь требовали одного — профессиональной работы: обязательности, исполнительности, добросовестности. У нас эти качества тоже декларировались, но никак не воспитывались.

Начались трения с итальянской обслугой — та никак не могла взять в толк, почему наш тренер после гонки хватается мыть велосипеды. Пошли конфликты с прессой — той было непонятно, почему журналистам отказывали в интервью. Менеджер Джованни Джунка только ужасался, когда холостяки требовали компенсации за отсутствие жен в том размере, в котором женатые получали за проезд и проживание в Италии их благоверных.

... Через полгода, побывав в Италии, я не узнал своих хороших знакомых. Сухорученкова замучила ностальгия — рвался в Ленинград к жене и детям. Логвин и Зиновьев разговаривали сквозь зубы. Жданов твер-

дил об одном — как их обманули с деньгами. А с Иваном Ивановым даже случилась истерика: после очередной гонки он заперся на несколько дней в гостиничном номере и наотрез отказывался сесть в седло.

Тогда я понял драму этих людей, которых глубоко уважал. Там, в Сан-Марино, они были чужими. У них была сытная еда, мягкие постели, лучшие веломашинны, доллары и лиры в кармане. Но эти люди не умели жить такой жизнью. А главное, работать как профи не умели, хотя и были опытными гонщиками.

Джованни Джунка говорил мне:

— Они хорошие парни. В них есть нечто особенное и искреннее, чего я не видел в других, и мне приятно общаться с ними. Но они не умеют работать профессионально. Почему их этому не учили дома?

Что я мог ответить? Что в спорте у нас были футболисты-металлисты и волейболистки-ткачики, что деньги им платили как металлстам и ткачам, а в футбол и волейбол они играли в свободное от работы время? Что эта ложь была официально узаконена? Что мы стыдливо избегали сочетания самих слов — спорт и работа, хотя большой спорт всегда был работой, причем чаще всего каторжной.

Вот так и случилось, что через год состав велосипедистов в «Альфа Люм» сменился почти полностью. . .

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

На прошлогоднем чемпионате мира среди профессионалов случилось

невероятное: на пьедестале почета среди легендарных профи — американца Лемонда и ирландца Келли — стоял представитель новой волны в «Альфа Люм» Дмитрий Конышев с серебряной медалью.

Когда мы, вечные любители, могли мечтать о таком! В тот момент даже менеджер «Альфа Люм» Джунка прослезился.

В отчаянном броске Конышева сконцентрировалась вся энергия нашего велоспорта, собираемая годами на любительских трассах. Но теперь я считаю, что в этот торжественный миг был сделан первый шаг к распаду «Альфа Люм». . .

Молодые ребята, прибывшие в «Альфа Люм», не были столь обременены предрассудками «стариков». Они легче вошли в новую жизнь. Победы Иванова на этапе «Вуэльты», Пульникова — на «Джиро д'Италия» и того же Конышева — на «Тур де Франс» открыли двери советским велосипедистам в высшее общество профи. Значительно возросло и вознаграждение. По новому контракту Конышев уже получал 90 тысяч долларов в год, Угрюмов и Пульников по 45 и 35 тысяч. Это еще не был уровень сильнейших, но это было значительно больше того, что имели многие гонщики.

С деньгами пришли новые интересы и новые запросы. Конышев приценивался к шикарной вилле. Угрюмов подумывал о собственном магазинчике. Многие купили престижные автомобили, открыли счета в банках, вызвали жен и родственников.

От закомплексованности альфа-

люмовцев образца 1989 года не осталось и следа. И это, в общем-то, было нормально. То была карьера бизнесменов-профессионалов западного толка, хорошо выполняющих свою работу. А за хорошую работу не грех и хорошо пожить. Разве они не к этому стремились?

Только кроме «хорошо получать» у гонщиков оставалось все меньше других желаний, и доверительности оставалось меньше, и искренности в отношениях. Команда вроде была, да только каждый в ней уже был сам по себе.

С Востоком их теперь связывала только «Альфа Люм». Ведь по контракту и замыслу «Совинтерспорта» команда как бы представляла мостик, по которому мы могли переправлять в Европу новых профи, а в обратном направлении поддерживать валютными инъекциями наш затухающий любительский велоспорт. Но эта идиллическая схема вскоре дала трещину.

К концу 1990-го стало известно, что алюминиевый босс Бруски контракт продлевать не будет: он-де с велорекламы уже снял сливки и теперь намерен вложить деньги в другое дело. Наконец после трудных переговоров удалось выйти на испанскую «Сеур», которая содержала свою велокоманду стоимостью 5,5 миллиона долларов. «Сеур» согласился взять семерых советских гонщиков. А это значило, что мы сохраняли свои интересы в мире профи и мостик «туда-обратно». При этом лидеру Коньшеву давали порядка миллиона долларов в два года, а Пульникову — 180 тысяч.

Оба дали согласие выступать за «Сеур».

Но тем временем стало известно, что Коньшев за спиной команды подписал контракт с голландской командой «ТВМ», а Пульников — с итальянской «Каррерой».

Я понимаю, что любой рынок — это торг. Кто больше дал, тот и хозяин. Поэтому вполне естественно желание любого гонщика продать свой талант подороже. Но я знаю точно, что в «ТВМ» Коньшеву дали столько же, сколько предлагал «Сеур», а Пульникову в «Каррере» и того меньше. Какие высшие мотивы двигали ими, сказать трудно. Да это и их личное дело, их право. Обидно только, что от дилетантства в делах даже наши лучшие профи так и не избавились. А в солидном бизнесе не принято одновременно сидеть на двух стульях.

Словом, остались мы за границей без своей команды. 33 советских спортсмена будут теперь в одиночку гоняться по Европе.

Но выжить в мире профи, как показывает практика, можно только фирменной командой. В этом престиж национального велоспорта, гарантия его надежности. У нас таких гарантий не осталось. А как без них? Уверен, нам еще придется искать новую «Альфа Люм».

Шахматы

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

Отдел ведет Исаак ЛИНДЕР,
кандидат наук, историк шахмат

Фото Бориса ДОЛМАТОВСКОГО

На шахматном небосклоне появилась новая звезда — теперь уже можно об этом говорить определенно: 22-летний гроссмейстер из Львова Василий Иванчук, победив в начале нынешнего года на супертурнире в Линаресе (Испания) и опередив при этом чемпиона мира Гарри Каспарова, экс-чемпиона мира Анатолия Карпова и других выдающихся гроссмейстеров, стал по рейтингу вторым шахматистом мира. Мало того, на том же турнире он в великолепном стиле выиграл партии и у Каспарова, и у Карпова! Ныне весь мир видит в нем одного из опаснейших соперников в борьбе за шахматную корону.

В наше время невозможно проявить шахматному таланту спонтанно. И украинский юноша родом из небольшого города Копычинцы, что в Тернопольской области, Василий Иванчук тоже не вчера обратил на себя внимание. В шахматы его научил играть отец, юрист по образованию. Воспитанию логической мысли способствовала и мама, учительница физики. Одним словом, воспитание и наследственность — отличные. У него великолепная память, он, например, помнит все партии рекордного матча (48 партий) Карпов — Каспаров 1984 — 1985 годов. Старается быть в курсе теоретических новинок. Сейчас ему в этом помогает жена —

одна из сильнейших советских шахматисток — 19-летняя студентка Казанского университета Алиса Галлямова. С помощью компьютера она подготовила для Василия исчерпывающую информационно-творческую характеристику всех участников Линареса. «Сейчас Алиса не только мой лучший друг, который вдохновляет меня в соревнованиях, но и отличная помощница». Их медовый месяц в Риге в начале года не помешал Василию выступить в одной восьмой финала претендентских матчей и выиграть у гроссмейстера из Ленинграда Леонида Юдасина с завидным результатом — 4,5:0,5! (См. «Спутник» № 7/91.)

И вот после небольшого перерыва — Линарес! Играл Иванчук удивительно легко, прекрасно атаковал, упорно защищался, доводил до победного конца даже небольшое позиционное преимущество. Помню, еще в конце 1988 года я в одной из своих статей коснулся вопроса о «ничейной смерти» шахмат, критиковал некоторых талантливых молодых шахматистов СССР, которые позволяли себе без борьбы уже в начале партии соглашаться на ничью. В частности, мой упрек был брошен Василию Иванчуку, тогда уже международному мастеру — надежде советских шахмат, который тоже позволил себе, поняв, что не в силах уже бороться за золотую медаль в 55-м чемпионате СССР, играть «с прохладцей» и нередко без борьбы соглашаться на ничью. Теперь мне приятно сознавать, что эта доброжелательная критика пошла ему на пользу.

А победа, одержанная над одним из претендентов на первенство мира гроссмейстером Борисом Гельфандом уже на 18-м ходу, свидетельствовала о том, что он не только по спортивному строю и шахматному мастерству, но и по теоретической подготовке не уступает многим первоклассным шахматистам. Василий внимательно изучает и

творчество современных гроссмейстеров, и классические произведения — партии великих мастеров прошлого.

В жизни Василий разносторонний человек: любит музыку, литературу, театр. Из писателей выделяет Достоевского и Хемингуэя.

А вот несколько мыслей о шахматах и шахматном творчестве Василия Иванчука:

— В шахматах я больше реалист, чем романтик: стараюсь объективно оценивать ситуацию на шахматной доске.

— Глубоко изучаю современные дебютные системы. Ведь в настоящее время варианты иногда просматриваются до 30 ходов и дальше. Наряду с самостоятельными домашними разработками стараюсь взять все лучшее от гроссмейстеров настоящего и прошлого. Конечно, высокий спортивный результат — это приятно и доставляет радость. Но главное все же — шахматное

творчество.

В прошлом номере «Спутника» был помещен фрагмент великолепной победы Иванчука над Каспаровым в Линаресе. Вот еще два примера.

Приводимая вторая партия претендентского матча с Юдасиным хорошо иллюстрирует динамичный стиль Василия Иванчука. Его игра активна, дальновидна, остроумна, насыщена красивыми тактическими ударами и внезапными комбинациями. Другой пример свидетельствует о глубине дебютной стратегии молодого шахматиста. Уже после 18 ходов, когда на доске были разменены только по одной пешке, белые уже сильно опередили соперника в развитии фигур и создали позицию, в которой черные, проигрывая коня, вынуждены были остановить часы и признать свое поражение. Такое в соревнованиях на столь высоком уровне случается крайне редко.

Василий Иванчук (в центре) анализирует позицию с гроссмейстером Александром Шировым. Слева — экс-чемпион мира Михаил Таль.

Л.ЮДАСИН - В.ИВАНЧУК
Рига, 1991

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Kf6 4. d3 Ce7
5. O-O O-O 6. c3 d5 7. ed K:d5 8. Ле1 Cg4
9. Kbd2 Kph8 10. a4 f6 11. a5 Лb8 12. Kf1
Ce6 13. Фа4 a6 14. C:a6 K:a5 15. Ф:a5
Ла8 16. Фb5 Kb6 17. Ce3 Cd7 18. Фb3 ba
19. d4 e4 20. K3d2 f5 21. d5 Лb8 22. Фа2
Cf6 23. Лад1 Ка4 24. Кс4 Сb5 25. Ка5
K:b2 26. Ф:b2 C:f1 27. Фа2 Сb5 28. c4
Cd7 29. Кс6 C:c6 30. dc Фе8 31. Ф:a6
Cc3 32. Лf1 f4 33. Ca7 Ла8 34. Фb7 f3
35. Ф:c7 Ce5 36. Фd7

36. ...Л:a7!! Белые сдались, ибо после 37. Ф:a7 последует 37. ...fg! 38. Кр:g2 Фg6+ 39. Kph1 Фh5 с неизбежным матом.

В.ИВАНЧУК - Б.ГЕЛЬФАНД
Линарес, 1991

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. Kf3 Cg7 4. g3 O-O
5. Cg2 d5 6. O-O dc 7. Ka3 c3 8. bc c5
9. e3 Kc6 10. Фе2 Фа5 11. Сb2 Kd5
12. Лас1 b6 13. Kd2 e6 14. Kb3 Фа6 15.
c4 Kdb4 16. Kb5 Фа4 17. Кс3 Фа6 18. a3,
и черные прекратили сопротивление.

В текущем месяце Василий встретится в Бельгии в четвертьфинальном претендентском матче с опытным московским гроссмейстером Артуром Юсуповым. Сумеет ли он преодолеть эту «планку»? Во всяком случае победителю Линареса предстоит новое трудное испытание.

РЕШИТЕ ЗАДАЧУ:

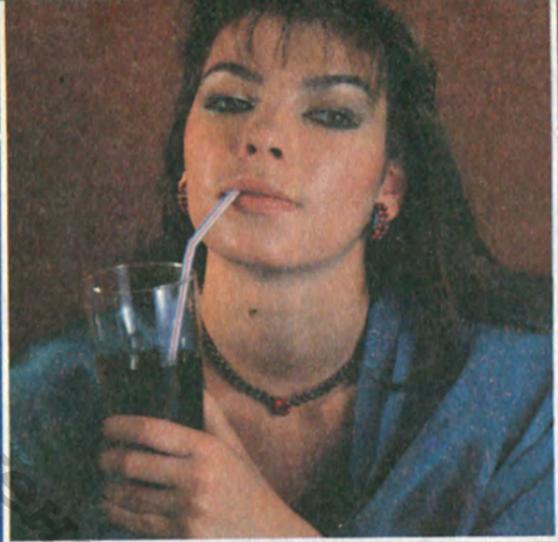
Помещаемая ниже задача известного русского шахматного композитора Александра Галицкого (1863 — 1921) была опубликована ровно сто лет назад, в 1891 году, но и сегодня решение этой миниатюры доставляет удовольствие любителю шахмат. Всего композитором составлено около двух тысяч задач и большинство из них — трехходовки.

Мат в 3 хода.

Решение этюда, напечатанного в «Спутнике» № 7/91

1. Кс8+ Ф:c8+ 2. Кр:c8 Л:d5 3. Л:c7+! С:c7 5. b6 Кр:b6 и ничья. Если же 4...Кра8, то 5. b7+ и 6. b8Ф+. И вновь ничья.

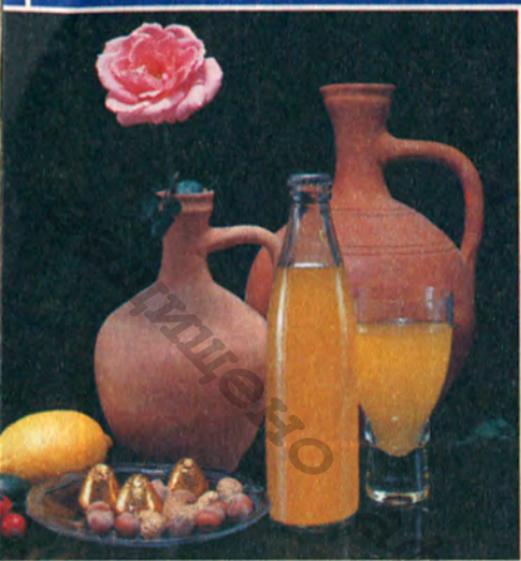

Кулинария

ГЛАВНОЕ — ЭТО ГОСТЬ

АМИРАСЛАНОВ Тахир Идрис оглы,
член Правления Ассоциации кулинаров СССР
Фото Германа ЛЕВИНА и Владимира МОРОЗОВА

Лимонный напиток.

Кизилловый щербет.

В одном из номеров «Спутника» я увидел материал об азербайджанской кухне, подготовленный по современным кулинарным книгам. Наверное, из них-то и попало на страницы журнала описание странного обычая, о котором я, всю свою жизнь прожив в Азербайджане, никогда не слышал. Речь идет о какой-то «традиции» травить гостя ядом, из-за которой якобы «каждый, кто отправлялся навестить соседа, прятал в одежде мешочек с сахаром, который помогал обнаружить отраву».

Я, однако, знаю совсем другое об обычаях своего народа: в каждой азербайджанской семье главное для хорошего застолья — не редкие блюда, не ароматные напитки, не сочные фрукты. Главное — это гость.

Для него по древнему обычаю расстилаются на полу скатерти, для него выносятся праздничные блюда и раззолоченные горячим восточным солнцем фрукты. Путешественники из дальних стран, посещавшие в старину эту благодатную землю, бывали очарованы азербайджанской трапезой. Их поражало необыкновенное разнообразие кушаний, редкие сочетания продуктов в одном каком-нибудь блюде. Ну, а азербайджанцев даже в их повседневной кухне все это вовсе не удивляет. Дело в том, что на сравнительно небольшой территории смогли уместиться девять климатических зон — это из тринадцати существующих на планете. Почти все, что только может родить земля, есть в Азербайджане.

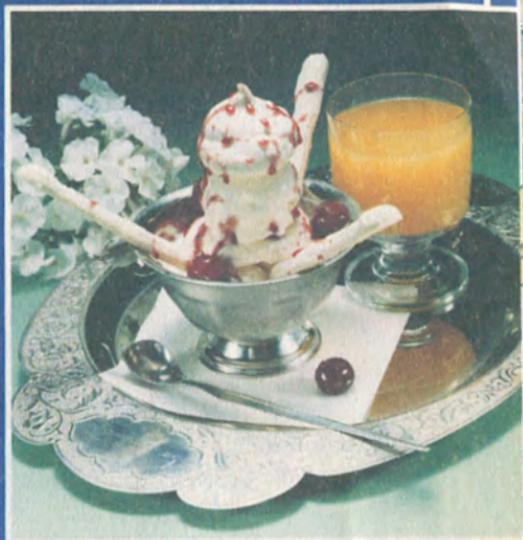
Особое географическое положение — на перекрестке торговых

путей — позволило азербайджанцам принять обычаи многих народов. Очень давно пришли к нам из Китая чай, от арабов — кофе. Русская кухня подарила щи, украинская — борщ. От персов остались в наследство не только необычные восточные блюда, но и новые названия для испокон веков известных в народе кушаний — у многих из них теперь два имени.

Гордость азербайджанского стола — это хлеб. Тонкий, как бумага, ЮХА, мягкий ЛАВАШ, удивительный САНГЯХ, который готовят только в одном месте — древнем городе Гянджи. Этот хлеб не похож ни на какой другой. Пекут его на речных камушках, засыпанных в печь особой конструкции и раскаленных докрасна. Тесто, рецепт которого знают только хлебопеки Гянджи, формируют на деревянной лопате и подают в печь. Длинный, тонкий, со следами камней сангях напоминает по вкусу жареные зерна пшеницы.

Во многих городах и селах республики есть свои особые блюда. Секреты их приготовления передаются из поколения в поколение, составляя гордость владеющих ими семей. Как-то в Ленкорани я пробовал блюдо, состоящее в основном из двух компонентов, причем одним из них был... снег. Да, обычный незалежавшийся снег, который смешивают с уваренным соком гроздевой, величиной с виноград, хурмы. Считается, что вместе они спасают от бессонницы.

Там же, в Ленкорани, до сих пор готовят блюдо, описанное в XVII веке немецким послом Адамом Олеарием: «Сулгахт — особый вид

Апельсиновый напиток.

Гранатовый щербет.

рыбы, которую коптят, обертывают в кусок полотна и кладут в горячие угли, засыпав золой». Почти три века спустя, это блюдо готовят в Азербайджане именно так, только рыбу обертывают не в полотно, а в листья инжира.

Приготовить настоящие азербайджанские блюда — трудная задача для современной хозяйки, ведь в национальной кухне традиционно используется десять видов очагов, особая посуда из глины, камня, дерева и даже бараньих шкур. Есть, конечно, рецепты, которые не связаны со сложной кулинарной технологией, например, знаменитые ЩЕРБЕТЫ.

ЛИМОННЫЙ ЩЕРБЕТ

4 лимона, 25 кусков сахара, 1 л воды, 10 г розового сиропа

Снять цедру с лимона, прокипятить ее в 0,5 л воды в течение 5 минут, охладить, дав настояться (не вынимая цедры).

Из лимонов отжать сок в отдель-

ную посуду. Из воды и сахара сварить сироп, быстро влить в него отвар цедры, перемешать и через 10 минут добавить розовый сироп, а когда остынет — лимонный сок.

МЯТНЫЙ ЩЕРБЕТ

15 г сухой мяты, 200 г сока алычи или сока одного лимона, 15 кусочков сахара, 1 л воды.

1/3 л воды вскипятить с мятой и держать на огне в течение 2 мин. Закрывать, дать настояться полчаса, процедить. Остальную часть воды вскипятить с сахаром, влить в горячий сироп настой мяты, размешать. Когда смесь совсем охладится, добавить сок алычи.

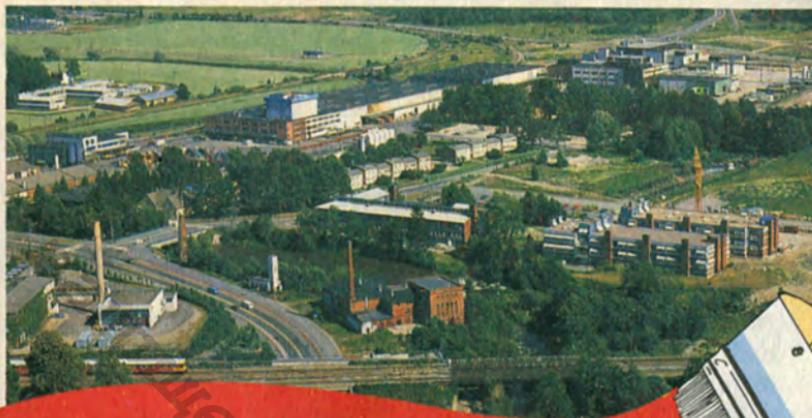
ЩЕРБЕТ ИЗ БАРБАРИСА

200 г барбариса, 15 кусочков сахара, 1 л воды, 10 г розового сиропа.

Сварить сироп, охладить его до 40°C. Влить сок вместе с розовым сиропом. Охладить до 10°C.

Специально для «СПУТНИКА».

ЦВЕТ В ЖИЗНЬ

Крупнейший лакокрасочный завод в Финляндии предлагает полный ассортимент л/к материалов для строительства, народного потребления и промышленности.

Уже на протяжении многих лет Тиккурила поддерживает тесные связи с Советским Союзом, в виде как экспортных поставок так и успешного сотрудничества в области разработки новой продукции. Сегодня главный акцент в поставках сделан на автоэмалях и материалах антикоррозионной защиты.

А/О ТИККУРИЛА

П/Я 53

01301 ВАНТАА

тел. (90) 857 71 телетайп 121505

Спутник

Читайте
в следующем номере:

ТАМ, ГДЕ РОЖДАЕТСЯ ВЕТЕР — перевод туркменского слова «бадхыз». Так называется самый южный в СССР заповедник. «Спутник» приглашает в путешествие по единственной в мире фисташковой роще. Говорят, здесь и находится рай земной.

ПО ПРИНЦИПУ БЕТОНОМЕШАЛКИ. *Семь десятилетий месили наше общество в социальной бетономешалке. Что в результате?*

ВЕК ВОЛИ НЕ ВИДАТЬ. Герой рассказа О'Генри всеми средствами стремился попасть в тюрьму, чтобы переждать тяжелые времена. Житель литовского города Каунаса осуществил фантазию американского писателя.

НЕ ВИЖУ БОЛЬШОЙ РАЗНИЦЫ. *Столь же стремительно, как в свое время страна поголовно начала исповедовать коммунистическую идеологию, сегодня происходит массовое обращение к религии.*

КЛАДОИСКАТЕЛИ. Роясь на пыльных чердаках и в подвалах, в запутанных и таинственных московских подземельях, они разыскивают ценности, антиквариат. Перед этим — годы кропотливого поиска информации. Кто они — эти кладоискатели?

ЖИЗНЬ МОЯ, ПОБУДЬ СО МНОЙ! *Главы из романа-фельетона в монологах, диалогах, размышлениях и воспоминаниях Михаила Жванецкого.*

ТЕХНОЭКСПОРТ

основан в 1932 году

СССР, 113324, Москва,
Овчинниковская наб., 18/1
Телефон: 220 1782.
Телекс: 411338.
Факс: 230 2080

СТРОИМ ЗА РУБЕЖОМ:

заводы, жилые дома, гостиницы, очистные сооружения, дороги, мосты, метрополитены, больницы, учебные заведения — это лишь малая часть того, что вы можете построить с помощью «Техноэкспорта».

ИМПОРТИРУЕМ:

комплектное и разрозненное оборудование для предприятий целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности, тепличного хозяйства и производства сборных индивидуальных домов.

«Техноэкспорт» строит в СССР промышленные предприятия и другие объекты на основе договоров подряда.

Наш годовой
товарооборот —
более
1,5 млрд. рублей!

Совместное
советско-
британское
предприятие
«АСМАРАЛ»

Киностудия
«АСМАРАЛ»

представляют
новый фильм —
психологический
детектив

Детективные
сцены, любовные
эпизоды, сложные
взаимоотношения
героев — все
это в фильме
«Коктейль-Мираж».

«КОКТЕЙЛЬ- МИРАЖ»

Основная идея
фильма — как нам
обрести того
пророка, который
способен защитить
народ от хаоса и
жестокости, найти
смысл жизни?
Главный герой
фильма —
молодой художник
— ищет образ
такого лидера в
своих картинах...

Автор сценария —
Татьяна Антонова
Режиссер и художник —
Тамара Дзасохова
Оператор —
Леонид Калашников
В фильме снимались:
Татьяна Васильева,
Екатерина
Стриженова, Леонид
Лютвинский,
Александр Трофимов,
Алексей Шейнин,
Борис Романов,
Анатолий Ромашин,
Борис Хмельницкий,
Олег Казанчев и
другие.

За подробной информацией
обращайтесь:
СССР, 109240, Москва,
Котельническая наб.,
1/15, корп. В.
Телекс.: 414749 ASMRL SU
Телефон и факс: 227 4285

